26.89(253)
П 35

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
указанного здесь срока

26 84(253)+
63.5(253)
П 35

ПИСЬМА И ОТЧЕТЫ

О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ ДОЛИНУ Р. ОБИ,

ИСПОЛНЕННОМЪ ПО ПОРУЧЕНІЮ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

И. С. Полякова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXX-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

— 6406 —
Государственное учреждение "Национальная библиотека ЯНАО"

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
П. Киммеля, въ Ригѣ.
Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 75 коп.

Цѣлью представляемыхъ здѣсь «Писемъ и отчетовъ» было обрисовать наиболѣе выдающіяся черты характера природы и обитателей въ пройденной мною мѣстности. Но такъ какъ статьи, ниже слѣдующія, писаны въ разное время и при различныхъ условіяхъ, то въ нихъ, къ сожалѣнію, не сохранено единства системы изложенія, не обнаружена съ надлежащей ясностью та тѣсная связь и гармонія, которыя существуютъ между природой страны и ея обитателями. Въ первыхъ письмахъ съ Иртыша и Оби я удѣлилъ болѣе мѣста бросившимся мнѣ въ глаза явленіямъ природы, а въ отчетѣ изъ Обдорска я старался по преимуществу очертить человѣка. Очевидной неполноты этихъ статей я не могъ однакоже уничтожить въ послѣдствіи, въ отчетахъ, написанныхъ мною въ Петербургѣ; съ одной стороны, пополненіе раньше написаннаго потребовало бы много времени, съ другой — мнѣ предстояло еще сдѣлать общій очеркъ природы и жизни въ дальнѣйшей области моего путешествія То, чего не достаетъ въ «Письмахъ и отчетахъ» — будетъ выполнено въ подробномъ и систематическомъ описаніи пріобрѣтенныхъ мною матеріаловъ, въ связи со свѣдѣніями о странѣ, уже ранѣе обнародованными. До сихъ же поръ, говоря напримѣръ въ общихъ чертахъ о жизни рыбъ, я приводилъ только ихъ названія, не входя въ ихъ научное описаніе; касаясь звѣрей, населяющихъ лѣса и сѣверныя тундры, я упускалъ изъ виду рѣчь объ ихъ образѣ жизни и привычкахъ, объ измѣнчивости и свойствахъ ихъ мѣховъ, — вообще, объ условіяхъ ихъ существованія. Нако-

нецъ, и человѣка я разсматривалъ отрывочно, эпизодически, не входя въ систематическое описаніе чертъ его лица, физическаго склада, его одежды, жилища, охоты и другихъ промысловъ. Для спеціальной работы о природѣ и обитателяхъ долины р. Оби мною собранъ весьма достаточный матеріалъ, состоящій изъ мѣховъ, череповъ и скелетовъ млекопитающихъ и изъ сохраненныхъ въ спирту рыбъ. Для описанія человѣка имѣется значительная этнографическая колекція, заключающая въ себѣ различныя домашнія принадлежности и орудія, въ числѣ которыхъ находится собраніе орудій каменнаго вѣка, вмѣстѣ съ современными черепами, фотографическими карточками и пр. Весь этотъ, какъ естественно-историческій, такъ и антропологоэтнографическій матеріалъ получитъ особенную цѣну при сравненіи его съ подобнаго же рода предметами изъ сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ странъ и эпохъ.

С.-Петербургъ,
23 марта 1877 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I.

Путь отъ Петербурга до Тобольска.—Указаніе на звѣрей окрестностей Тобольска. — Одичалыя собаки. — Возвратный перелетъ птицъ. — Рѣчной ракъ. — Стерлядь и городища по р. Иртышу. — Сборы въ дальнѣйшій путь ..... 1— 11

II.

Долина Иртыша.—Алювіальныя образованія возвышеннаго праваго берега, ихъ ископаемыя.—Обвалы праваго берега и отступленіе Иртыша направо. — Распредѣленіе растительности и животныхъ. — Остяки, по отношенію къ звѣропромышленности и птицеловству.—Каюкъ «В. Земцовъ», предоставленный для дальнѣйшаго путешествія ..... 11— 28

III.

Рѣка Обь и ея долина. — Замираніе Оби и вліяніе его на жизнь рыбъ. — Переселеніе морскихъ рыбъ и дельфины. — Рыболовные пески. — Птицы, ихъ перелетъ, гнѣздованіе и линяніе. — Млекопитающія и бобръ. ..... 28— 39

IV.

Отъѣздъ изъ Березова.—Сутки на пустынномъ берегу Сосвы.—Характеръ теченія Оби.—Вліяніе весны на ходъ рыбы.—Населеніе Оби.—Бытовыя особенности остяковъ. — Вопросы касательно быта Обскаго населенія. ..... 39— 50

V.

Остяки и рыбопромышленность въ долинѣ р. Оби.

Ходъ развитія остяковъ отъ временъ до-историческихъ до нашего времени и ихъ вымираніе. — Первобытная степень культурнаго развитія остяковъ выражается въ ихъ нравахъ и обычаяхъ: плодовитость и браки остяковъ.—Женщина, ея семейныя права или без-

СТРАН.

правіе.—Непредусмотрительность остяковъ. — Вѣрованія остяковъ въ связи съ животными отправленіями человѣческаго организма.— Условія существованія остяковъ въ первобытныя времена по отношенію къ звѣроловству и рыболовству. — Перемѣна въ экономическомъ бытѣ остяковъ съ приходомъ русскихъ въ область ихъ обитанія: повинности и случаи порабощенія, покупки и продажи остяковъ; лѣсные пожары, вліяніе ихъ на жизнь звѣрей; черты изъ быта и заработки.—Нищета и кормильцы остяковъ. — Рыбопромышленность: условія аренды песковъ отъ остяковъ и крестьянъ; отъѣздъ каравановъ изъ Тобольска и бытъ рабочихъ, условія ихъ найма на рыболовныхъ пескахъ. — Низовые пески и сора. — Что приходится нынѣ отъ рыболовства рыбопромышленникамъ и остякамъ: расплата деньгами, товаромъ, водкой — Что сдѣлали рыбопромышленники для рыболовства; хищническая фаза.—Что можно сдѣлать для того, чтобъ хоть сколько нибудь вывести населеніе по р. Оби изъ его первобытнаго и безысходно-печальнаго экономическаго состоянія, — обработывающая фаза рыбопромышленности.—Заключеніе . . . . . 50—108

VI.

Въ долинѣ р. Оби сохранился тотъ первобытный складъ жизни человѣка, который былъ пережитъ Европою въ до-историческія времена.—Виды пищи остяковъ, домашнія принадлежности.—Мѣста жертвоприношеній и ихъ характеръ. — Мысъ Ѣман'гніёлъ. — Видъ на Уралъ изъ долины Оби и вліяніе его на характеръ окрестностей въ ледниковую эпоху и въ настоящее время.—Растительность и животныя нижняго теченія Оби. — Рыболовческій станокъ.—Вульпаслинскія юрты и очеркъ происходящей въ нихъ жизни. — Путь въ устьяхъ Оби и въ Обской губѣ.—Характеръ мѣстности при устьяхъ Надыма.—Нынѣшніе обитатели остяки и черты изъ ихъ нравовъ.— Надымскіе рыбопромышленники и сравненіе ихъ съ обскими: торговля водкой, вымѣниваніе рыбы на товары. — Остяки вотчинники и посягательство рыбопромышленниковъ на ихъ воды. — Обратный путь къ Обдорску . . . . . 108—163

VII.

Обдорскъ по сравненію съ Лукоморьемъ и его жизнь; пароходы и каюкъ «В. Земцовъ». — Убыль воды, замираніе Оби, живцы и жизнь рыбъ около нихъ: грузъ пароходовъ и путь вверхъ по Оби.— Газета «Сибирякъ» и остяцкія пѣсни. — Пріѣздъ въ Тобольскъ. — Характеръ пути на Омскъ и его обитатели. — Возвращеніе въ Петербургъ . . . . . 163—187

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1877 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

I.

Путь отъ Петербурга до Тобольска. — Указаніе на звѣрей окрестностей Тобольска. — Одичалыя собаки. — Возвратный перелетъ птицъ. — Рѣчной ракъ. — Стерлядь и городища по р. Иртышу. — Сборы въ дальнѣйшій путь.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 19-го апрѣля. Въ его окрестностяхъ, также какъ и по всей Валдайской плоской возвышенности, лежалъ во многихъ мѣстахъ еще снѣгъ; всѣ деревья стояли голыми или только въ самой ничтожной степени обнаруживали признаки листьевъ; озими едва поднялись отъ земли. За Клиномъ, въ особенности же около Москвы, береза была уже въ листьяхъ, распускался тополь; во многихъ мѣстахъ выступала порядочная зеленая травка, съ свѣжими весенними цвѣтами; около города и дальше по дорогѣ къ Нижнему-Новгороду красиво зеленѣли озими, сплошь закрывшія почву. Но и здѣсь повсюду стояли еще голыми и безлистными липы и яблони. У самой Волги, по ея крутому правому берегу, въ оврагахъ и рытвинахъ, лежали еще толщами снѣга, рядомъ съ которыми, хотя и рѣденькія береговыя рощи красовались въ листвѣ и придавали берегамъ и мысамъ Волги веселый весенній видъ, въ особенности тогда, когда онѣ окоймляли обширныя сплошныя поля довольно высокихъ и совершенно зеленыхъ озимей. Тамъ же, гдѣ къ березовымъ рощамъ примѣшивались еще безлистныя липы и яблони или становились преобладающими, тамъ высокіе берега обширной и широко разливающейся рѣки становились темными и мрачными. Волга была въ полномъ разливѣ; около Нижняго-Новгорода основаніе всѣхъ

зданій ярмарки было залито водою; для пароходовъ были открыты водные пути тамъ, гдѣ во время лѣта они немыслимы; надъ водами рѣки носилась чайка рыболовъ (Larus ridibundus); береговыя рощи оглашались днемъ и по вечерамъ пѣніемъ пѣночекъ (Phylloneuste), а затѣмъ и самъ соловей подавалъ свой голосъ. Около береговъ и надъ рѣкою встрѣчалась плиска (Motacilla alba) и береговая ласточка (Hirundo riparia).

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Казани, гдѣ я имѣлъ возможность слегка ознакомиться съ зоологическими колекціями университета, 24-го апрѣля я отправился далѣе вверхъ по Камѣ. Здѣсь признаки весенней зелени все болѣе и болѣе слабѣли: вмѣсто древесной листвы, по обрывамъ и крутымъ береговымъ оврагамъ, рощи изъ высокихъ пирамидальныхъ елей и стройныхъ сосенъ начали показывать свою темнозеленую или сѣроватую хвою. За городомъ Сарапуломъ, около 26—27-го апрѣля, насъ встрѣтила вьюга съ холоднымъ вѣтромъ, дождемъ и снѣгомъ. На водахъ еще недавно очистившейся отъ льда рѣки, шныряли громадныя стада перелетныхъ птицъ; изъ нихъ съ парохода я могъ различить только хохлатаго нырка (Fuligula cristata), свища (Anas penelope), частью шилохвость (A. acuta), чирка (A. crecca), но, кромѣ того, тутъ, несомнѣнно, было много и другихъ видовъ гоголей и утокъ. Всѣ эти виды перелетныхъ птицъ ожидали открытія водъ болѣе сѣверныхъ, которыя въ это время были еще подъ льдомъ. Въ Перми я засталъ совершенную распутицу; въ лужахъ, канавахъ и въ грязи среди улицъ усердно квакали лягушки, ловлею которыхъ, однако же, я не имѣлъ случая заняться, въ надеждѣ обогатить свою колекцію въ Екатеринбургѣ, гдѣ, какъ я потомъ убѣдился, одна изъ главныхъ улицъ города носитъ названіе «Лягушечьей», по изобилію въ ней представителей изъ рода Rana. Извѣстно, что подъемъ на Уралъ, начиная отъ Перми, идетъ весьма незамѣтно; только по довольно крутымъ и глубокимъ долинамъ, по частымъ подъемамъ и спускамъ, можно догадываться съ одной стороны, что находишься въ довольно высокой и гористой мѣстности, съ другой—

по замѣтно болѣе суровой природѣ, по преобладанію хвойныхъ деревъ, по отсутствію зелени; то же нужно сказать и о послѣтретичныхъ отложеніяхъ; у предгорій Урала преобладаютъ алювіальные напосы, пески и глины, на вершинахъ же его, видимо, существуютъ продукты ледниковъ: здѣсь я наблюдалъ довольно ясные слѣды ледниковаго щебня съ валунами, въ особенности между столбомъ, стоящимъ на границѣ Европы и Азіи, и Екатеринбургомъ. Здѣсь вмѣстѣ съ известковистымъ щебнемъ я видѣлъ даже валуны со слѣдами ледниковой штриховатости, также выступы основной горной породы со штрихами, направленными отъ NW къ SO; на самомъ послѣднемъ перевалѣ къ Екатеринбургу можно было видѣть возвышенія, представляющія гряды валуновъ и тянущіяся въ опредѣленныхъ направленіяхъ, причемъ валуны, часто громадной величины, были нагромождены другъ на друга. Къ сожалѣнію, чрезвычайно неисправная и утомительная дорога, также желаніе по возможности скорѣе прибыть на мѣсто, откуда должны начаться мои систематическія изслѣдованія, не дали мнѣ возможности остановиться и сдѣлать сколько нибудь обстоятельныя наблюденія надъ слѣдами ледниковаго періода на Уралѣ. Съ переваломъ черезъ Уралъ, начиная отъ Екатеринбурга, потянулись къ востоку чисто алювіальныя отложенія изъ песковъ и глинъ; мѣстность сдѣлалась однообразно равнинною, нерѣдка холмистою, болотистою, до самой Тюмени. Въ первыхъ числахъ мая были ничтожны здѣсь и слѣды весны; на Уралѣ я наблюдалъ еще на перелетѣ, около Златоустовскихъ ключей, береговыхъ ласточекъ, чайку рыболова; пигалица (Vanellus cristatus) была здѣсь парочками; рано утромъ перваго мая, которое я встрѣтилъ какъ разъ около пограничнаго столба между Европою и Азіею, я слышалъ голосъ водяной курочки (Gallinula porzana); рано по утрамъ, въ лѣсахъ и болотахъ, около дорогъ, токовали тетерева, бекасы, напѣвали овсянки (Emberiza citrinella),—она преобладаетъ; вида близкаго къ ней, E. pithyornus, свойственнаго Уралу и Сибири, я еще нигдѣ не встрѣчалъ; около Тюмени можно было

слышать голоса другихъ пѣвуновъ, въ родѣ пѣночекъ, зарянки (Sylvia rubecula), варакушки (S. suecica) и пр.

Подъѣзжая къ Тюмени, я узналъ, что только 2-го мая оказалась небольшая возможность переѣхать черезъ Иртышъ, по Омскому тракту, нѣсколькимъ тройкамъ почты: слѣдовательно, по Иртышу, еще въ началѣ мая, былъ сильный ледоходъ. Первый пароходъ въ Иртышъ изъ Тюмени вышелъ 5-го мая, срочный же пароходъ изъ Тюмени въ Томскъ долженъ былъ выйдти только 12-го мая; въ ожиданіи этого парохода я и прожилъ въ Тюмени около недѣли. Принятый весьма радушно представителями города, я, въ сообществѣ съ бывалыми около береговъ Іедовитаго моря и въ низовьяхъ Оби людьми, вырабатывалъ планъ для своей дальнѣйшей поѣздки и дѣлалъ необходимыя заготовленія. 14-го мая я былъ уже въ Тобольскѣ и встрѣтилъ здѣсь не меньше радушія, какъ со стороны городскихъ властей, такъ и со стороны всѣхъ лицъ, промышленная дѣятельность которыхъ занята по теченію рѣки Оби. Однакожъ, пароходъ, вышедшій на Томскъ, встрѣтилъ еще на Оби препятствія въ массахъ льдовъ; это обстоятельство, въ виду одной изъ главныхъ задачъ—изученія рыболовства, которое начинается только съ совершеннымъ очищеніемъ рѣки Оби ото льда, задержало меня въ Тобольскѣ; съ другой стороны, я ожидалъ изъ Петербурга посланную по почтѣ съ разными научными принадлежностями кладь, которую я и получилъ только 20-го мая. — Въ ожиданіи благопріятнаго случая пуститься въ окончательное плаваніе, я старался ознакомиться въ Тобольскѣ со всѣми мѣстными, какъ литературными, такъ и письменными, но еще неизданными данными, хранящимися въ рукахъ частныхъ лицъ и относящимися до природы, людей и ихъ промысловъ въ предстоящей передо мною области путешествія. Въ этомъ отношеніи, также какъ и въ большинствѣ другихъ случаевъ, я въ особенности обязанъ весьма энергичному содѣйствію, оказанному мнѣ со стороны мѣстнаго окружнаго начальника, А. П. Дзерожинскаго. На нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, въ связи съ личными моими наблюденіями, я и укажу въ краткихъ словахъ.

Я нахожусь въ области распространенія кедра, пихты, сибирской ели и частію лиственницы. Кедровники, особенно въ вершинахъ небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Иртышъ, образуютъ густыя чащи (урманы); въ нихъ пребываетъ соболь; вмѣстѣ съ нимъ. какъ исключеніе, встрѣчается куница (Mustela Martes),— этотъ по преимуществу европейскій видъ; съ соболемъ распространяется колонокъ (Mustela sibirica), горностай, ласка, бурундукъ (Tamias striatus); въ березовыхъ лѣсахъ — летяга (Pteromys volans). Затѣмъ лѣса, состоящіе вмѣстѣ съ кедромъ, изъ ели, частію пихты и лиственницы, населяютъ россомахи, рыси, медвѣди и волки. Разныхъ сортовъ лисицы: обыкновенная, сиводушка и чернобурая распространяются здѣсь, и, взятыя часто изъ гнѣздъ молодыми, воспитываются по домамъ до тѣхъ поръ, пока мѣхъ ихъ не становится годнымъ для продажи. Въ потокахъ и рѣчкахъ довольно часто встрѣчается выдра, но въ большинствѣ мѣстностей—о бобрѣ нѣтъ и помину; онъ исчезъ съ лица земли; по распросамъ, весьма рѣдко ловится только въ системѣ рѣки Конды и можетъ быть въ Сургутскомъ округѣ; принимаю, конечно. всѣ мѣры, чтобъ пріобрѣсти его, тѣмъ болѣе, что, по показанію торговцевъ мѣхами, онъ отличенъ отъ европейскаго: мѣхъ здѣшняго бобра грубый, шерсть его жесткая и длинная. У мѣстныхъ жителей, остяковъ, осталась только любовь къ бобровымъ шапкамъ, для чего они и покупаютъ бобра европейскаго. Оставляя, однакожъ, всѣ подробности, касательно оттѣнковъ здѣшнихъ мѣховъ, каковые я имѣлъ возможность видѣть въ большомъ количествѣ въ шкуркахъ, у здѣшнихъ скупщиковъ пушнаго товара, замѣчу только, что здѣшній соболь имѣетъ весьма значительный рыжеватый оттѣнокъ и что соболь восточной Сибири гораздо темнѣе. Въ видѣ, конечно, исключенія, встрѣчаются здѣсь соболи темные и черные, а также и бѣлые; такой экземпляръ, вмѣстѣ съ четырьмя шнурками бѣлыхъ бѣлокъ, я и представляю. Упущу пока изъ виду и нѣкоторыя данныя, пріобрѣтенныя мною о жизни звѣрей, объ ихъ цѣнности, о жизни звѣролововъ, въ надеждѣ въ послѣдствіи представить объ этомъ пред-

метѣ болѣе цѣльную картину; теперь же остановлюсь на одномъ небезъинтересномъ фактѣ. Благодаря любезности И. А. Туполева, я получилъ двѣ шкуры звѣрей, на первый взглядъ, занимающихъ середину между волкомъ и собакою; это самецъ и самка. По пестрой окраскѣ шерсти онѣ приближаются къ собакамъ: отъ бровей до ушей у нихъ тянется, съ той и другой стороны, по рыжей или темной полосѣ; затѣмъ вся передняя часть туловища и брюхо бѣлыя. съ розоватымъ оттѣнкомъ между задними ногами; почти отъ середины спины до основанія хвоста у самца тянется широкая темная полоса, а у самки—рыжеватая. Вообще, рисунокъ и форма полосъ на шкурѣ самца и самки почти одинаковы и разнятся только по цвѣту. По величинѣ, онѣ занимаютъ середину между волкомъ и обыкновенными собаками; по образу жизни, эти звѣри подобны волкамъ, а по хищничеству они превосходятъ волковъ; они были убиты, въ декабрѣ 1874 года, около Сургута. Стадо въ 10 штукъ, совершенно подобныхъ вышеописаннымъ, охотилось первоначально въ лѣсахъ, цѣлымъ обществомъ за сѣверными оленями: затѣмъ приблизилось къ жилью и навело страхъ на мѣстныхъ жителей своими страшными опустошеніями въ домашнемъ скотѣ. Наконецъ, пять изъ нихъ были убиты въ окрестностяхъ Сургута; изъ этихъ пяти два экземпляра выше описаны. Всѣ звѣри охотились сообща, на добычу нападали дружно съ разныхъ сторонъ, въ этомъ отношеніи они напоминаютъ альпійскаго краснаго волка (Canis alpinus) изъ горъ южной Сибири. Кромѣ этого случая, подобные хищники въ окрестностяхъ Сургута не появлялись. Затѣмъ я получилъ третій экземпляръ изъ окрестностей Тобольска. Частью по величинѣ, а также по образу жизни, этотъ звѣрь приближался къ волку; онъ также нападалъ какъ на дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, гдѣ и жилъ, такъ и на домашнихъ животныхъ, для чего приближался къ деревнямъ. Онъ былъ довольно длиненъ, но сравнительно низокъ на ногахъ; шерсть на немъ сверху чернобурая, снизу бѣлая съ розоватымъ отливомъ позади брюха; сверху она довольно длинная и мягкая, чѣмъ и отличается отъ волчьей; сохранившая-

ся еще задняя лапа съ правой стороны походитъ больше своимъ видомъ на собачью. Жители разсказываютъ, что у нихъ бываютъ иногда *степныя собаки* или *дикія*, потерявшія хозяевъ, особенно около городовъ, но о первыхъ ихъ показанія весьма неопредѣленны, а вторыя, живущія, напримѣръ, около городскихъ бойнь, повидимому, не представляютъ никакихъ отклоненій отъ своихъ обыкновенныхъ прародителей: хотя въ экземплярахъ, выше описанныхъ, никто не хотѣлъ признать одичавшихъ собакъ, я, съ своей стороны, долженъ заявить, что нахожу ихъ совершенно тождественными съ обыкновенною собакою и упомянулъ о нихъ лишь потому, чтобъ показать до какой степени онѣ одичали.

Могу сообщить пока нѣкоторыя данныя и касательно птицъ. Проѣздомъ на пароходѣ изъ Тюмени въ Тобольскъ, сначала по затопленнымъ низменнымъ лугамъ Туры, часто заросшимъ мелкимъ кустарникомъ, а затѣмъ по Тоболу и Иртышу, въ мѣстахъ подобнаго же характера, я наблюдалъ громадное количество водныхъ птицъ, въ особенности утокъ. Тѣмъ же изобиліемъ водной и голенастой дичи отличаются въ нынѣшнемъ году и окрестности самого Тобольска. Это изобиліе дичи, по наблюденію мѣстныхъ жителей, связано съ позднею весною въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи. Перелетъ водныхъ и болотныхъ птицъ совершается здѣсь всегда съ 17-го или 18-го апрѣля по 25-е. Въ случаѣ, если птицы встрѣчаютъ на сѣверѣ льды и холода, то возвращаются обратно въ болѣе южныя части губерніи, причемъ нужно замѣтить, что Обь, около Обдорска, вскрывается въ разные годы въ промежутокъ времени отъ 22-го мая по 20-е іюня. Возвратный перелетъ птицъ съ большою ясностью наблюдается при сліяніи Иртыша съ Обью, ококо села Самарова; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ нѣчто подобное тому явленію обратнаго перелета птицъ, которое наблюдалъ Н. М. Пржевальскій на южныхъ окраинахъ Гобійской степи. Такимъ образомъ, въ тѣ года, когда въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи бываетъ весна холодная, среднія и южныя части губерніи изобилуютъ дичью, а сѣверныя ею сравнительно бѣдны. Съ теплыми веснами на сѣверѣ

бываетъ обратно: тамъ изобиліе дичи; тогда птица прямо летитъ на сѣверъ, перелетъ бываетъ кратковременный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдность дичи въ южныхъ частяхъ и даже около Тобольска.

Въ рѣкѣ Иссети, преимущественно около Шадринска, принадлежащей уже къ басейну Иртыша, встрѣчаются рѣчные раки и въ большомъ изобиліи; кромѣ того, они сильно распространены и по другимъ рѣкамъ, текущимъ съ восточныхъ склоновъ Урала, по рѣкамъ Пышмѣ, Турѣ, Тоболу и проч.: встрѣчаются они и по самому Иртышу, отъ Омска до Тобольска, а можетъ быть внизъ и вверхъ по этой рѣкѣ и дальше. Этотъ ракъ, на первый взглядъ, вполнѣ сходствуетъ съ волжскимъ, Astacus leptodactylus: по крайней мѣрѣ, его клешни тѣ же, что и у длиннопалаго рака и можетъ быть въ другихъ частностяхъ окажется какое либо различіе. Мѣстные жители полагаютъ, что эти раки искуственно пересажены изъ волжскаго басейна; но тотъ небольшой періодъ времени, который приходится изъ разсказовъ на размноженіе этихъ раковъ на такомъ обширномъ протяженіи и въ такомъ большемъ количествѣ, не внушаетъ особеннаго довѣрія къ предполагаемой пересадкѣ, и мнѣ кажется, если и допускать происхожденіе иртышскаго рака отъ волжскаго, то не черезъ искуственную пересадку, а инымъ путемъ, естественнымъ. Подобное же предположеніе объ искуственной пересадкѣ было бы возможно на первый разъ сдѣлать и относительно стерляди, свойственной Обскому басейну; но такое предположеніе было бы совершенно излишне. Стерлядь водится по теченію всего Иртыша, начиная съ Зайсана до его устья, также на большей части теченія Оби, до ея губы. На тобольскомъ рыбномъ рынкѣ я видѣлъ цѣлую лодку небольшихъ стерлядокъ, которыя продавались отъ 5-ти до 15-ти к. за десятокъ, но и за такую цѣну не было покупателей. Вообще, въ Иртышѣ и Оби стерлядь ловится въ большомъ количествѣ и достигаетъ иногда болѣе пуда вѣсу. Въ какой степени она близка или же даже тождественна съ волжскою — рѣшить этотъ вопросъ пока не берусь. Но укажу на тотъ фактъ, что стерлядь, несомнѣнно, водилась въ басейнѣ Иртыша гораздо раньше появленія

здѣсь русскихъ. Доказательство мнѣ пришлось вырыть изъ развалинъ крѣпостей и жилищъ, послѣдніе дни существованія которыхъ совпали со смертью славнаго Ермака Тимоѳеевича. Верстахъ въ 9-ти ниже Тобольска, на правомъ берегу Иртыша, находится высокая гора, съ которой открывается широкій и красивый видъ въ разныя стороны; по одну сторону ея лежитъ Иртышъ, съ другой — широкая низменная равнина, съ третьей она отъ ряда возвышенностей отдѣляется широкимъ оврагомъ. До Ермака жила здѣсь одна изъ женъ хана Кучума; въ черноземно-растительномъ слоѣ этой горы были найдены мною въ большомъ количествѣ обломки весьма изящно обдѣланной глиняной посуды, вмѣстѣ съ нею можно было находить остатки той пищи, которою питалась сама ханша, ея дворъ или даже ея предшественницы. Здѣсь находится множество костей лошадей, коровъ, овецъ, — а также и различныхъ рыбъ, въ томъ числѣ весьма часто встрѣчаются внѣшніе покровы осетра и *стерляди*. Тѣ же остатки пищи находятся въ большомъ количествѣ вверхъ по Иртышу, верстахъ въ 30-ти отъ Тобольска, около деревни Яровой, въ бывшемъ укрѣпленіи Кучума. Но, безспорно, Искеръ, бывшая столица Кучума — есть въ настоящее время самый обильный источникъ для всякаго рода остатковъ, такъ какъ здѣсь, вѣроятно, копился всякій мусоръ за весьма большое количество столѣтій, прежде чѣмъ Ермакъ Тимофеевичъ показался здѣсь съ своею горстью храбрыхъ сподвижниковъ, въ своихъ легкихъ лодьяхъ. Въ основаніи Искера лежитъ также гора, возвышающаяся саженъ на 20—30 почти отвѣсно надъ уровнемъ Иртыша, также какъ съ другой стороны надъ уровнемъ маленькой рѣчки Сибирки, а съ третьей — окопанная рвами. Вся гора, начиная отъ уровня рѣки, состоитъ изъ рыхлыхъ слоистыхъ песковъ, ила и частію глины. На вершинѣ ея, отъ 1-й до 2-хъ саженей мощностью, находятся всякаго рода остатки человѣческаго существованія, тѣ же кости лошадей, коровъ, овецъ, птицъ и рыбъ; тутъ иногда можно встрѣтить и оставшуюся кожанную заплатку отъ обуви, кусочки бронзы и желѣза. Покровы осетра и стерляди ле-

жатъ почти въ самомъ основаніи этого пласта, часто сажени на $1^1/_2$ отъ поверхности, вмѣстѣ съ весьма грубою глиняною посудою. Всѣ эти факты, можетъ быть небезъинтересные сами по себѣ, доказываютъ, что обская стерлядь есть довольно старый житель здѣшняго края; вмѣстѣ съ нею находились еще позвонки многихъ рыбъ, вѣроятно, нельмы и другихъ, также глоточные зубы карповыхъ — язя, и зубы щуки. Вообще же, рѣчь о рыбахъ оставляю до другаго болѣе благопріятнаго случая.

Удалось мнѣ наткнуться и на нѣкоторые слѣды каменнаго вѣка: но оставляю пока рѣчь и о нихъ, въ виду того, что мнѣ придется, несомнѣнно, встрѣтить ихъ въ предстоящемъ путешествіи, хотя и частію, въ живомъ видѣ. Передо мною лежитъ медвѣжій зубъ-клыкъ, просверленный въ корнѣ и на шнуркѣ; онъ необходимая принадлежность всякаго аборигена-остяка и вмѣстѣ съ ножомъ носится за поясомъ; усваиваютъ эту привычку и русскіе на случай, если съ остяка требуется клятва или нѣчто въ родѣ присяги — очевидно, что остякъ присягаетъ или клянется по своимъ роднымъ обычаямъ въ родѣ того, какъ древніе русскіе князья присягали передъ греками; а самъ медвѣжій зубъ былъ въ употребленіи уже у жителей каменнаго вѣка въ Скандинавіи (*Nilsson*, Das Steinalter): остякъ клянется и присягаетъ также надъ медвѣжьею лапою, когтемъ; дорожитъ онъ лапами и зубами разныхъ другихъ животныхъ и отъ этого, именно, обстоятельства, зависитъ то, что три вышеописанныя мною шкуры остались безъ лапъ, частію безъ ушей и носа, и чтобъ отыскать одну лапу, нужно было много усилій. Собираясь въ среду этихъ дѣтей хотя и суровой природы, я послѣдовалъ обычаю мѣстныхъ жителей, безъ котораго, повидимому, невозможно сближеніе съ ними; я закупилъ разныхъ цвѣтовъ фланели и сукна, колецъ, пуговицъ, поясковъ, иголокъ, шнурковъ и обшивокъ, крючковъ, кремней, бисеру, табаку и пр. За эти бездѣлушки остякъ платитъ дарами своей, хотя и крайне суровой, природы. Тяжело, вѣроятно, будетъ встрѣтиться съ этимъ живымъ остаткомъ древности, обижа-

емымъ теперь со всѣхъ сторонъ. Но въ надеждѣ на добрый исходъ, завтра я намѣренъ пуститься въ путь.

Начну плаваніе въ лодкѣ сначала по Иртышу, изслѣдуя его долину и природу шагъ за шагомъ: затѣмъ отправляюсь въ той же лодкѣ внизъ по р. Оби, до устья. Дальнѣйшихъ плановъ пока не высказываю, хотя у меня и есть желаніе проникнуть въ Тазовскую губу, откуда будетъ возможность возвратиться уже зимою и тогда, можетъ быть, срокъ путешествія превыситъ нѣсколько 7 мѣсяцевъ. Въ заключеніе же долженъ съ глубокою благодарностью упомянуть, что генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Н. Г. Казнаковъ, оказалъ моимъ изслѣдованіямъ самое радушное содѣйствіе, и что города Тобольскъ и Тюмень поддержали мои работы денежнымъ пособіемъ.

Тобольскъ,
24 мая 1876 г.

II.

Долина Иртыша. — Аллювіальныя образованія возвышеннаго праваго берега, ихъ ископаемыя. — Обвалы праваго берега и отступленіе Иртыша направо. — Распредѣленіе растительности и животныхъ. — Остяки, по отношенію къ звѣропромышленности и птицеловству. — Каютъ «В. Земцовъ», предоставленный для дальнѣйшаго путешествія.

27-го мая, въ три часа утра, я оставилъ Тобольскъ и въ лодкѣ направился внизъ по теченію рѣки Иртыша къ селенію Самаровскому, лежащему по сухому пути, верстахъ въ 570-ти отъ Тобольска, и въ 25-ти верстахъ отъ сліянія Иртыша съ р. Обью. Такимъ образомъ, находясь теперь въ Самаровѣ, я все-таки не достигъ еще Оби, — главной области для моихъ изслѣдованій, поэтому, въ настоящемъ письмѣ остановлюсь еще разъ на р. Иртышѣ, съ мыслью слегка коснуться характера прошлой и настоящей жизни въ его долинѣ. Въ общей сложности правый берегъ Иртыша — возвышенный, причемъ въ немъ можно повсемѣстно различать двѣ терасы, самую возвышенную, *древнюю*, и болѣе *новую*, низменную. Въ такого рода мѣстности располо-

женъ самый Тобольскъ; нижняя часть города лежитъ на новой терасѣ, а верхняя — кремль Тобольска, раскинута на древней, весьма высокой терасѣ, которая весьма круто, обрывами падаетъ къ водамъ Иртыша; съ этихъ высотъ открывается обширный видъ на однообразную низменность, лежащую по лѣвому берегу Иртыша, во время весны заливаемую водою; низменность лѣваго берега изобилуетъ временными озерами, заливами, болотами, большимъ количествомъ протокъ и проч., только изрѣдка представляетъ она болѣе или менѣе высокіе островки; по бо́льшей же части разбросаны по ней небольшіе холмики, поросшіе лиственнымъ мелколѣсьемъ, преимущественно ивами, и они-то, полузатопляемые, своимъ видомъ, хотя отчасти, нарушаютъ то однообразіе, какое представляетъ долина Иртыша во время весенняго половодья.

Древняя тераса, начиная отъ Тобольска, тянется во всей своей цѣлости, и только въ двухъ, трехъ мѣстахъ пробита глубокими оврагами по теченію Иртыша верстъ на семь до Сузгунскихъ юртъ; здѣсь, представляя мысъ, на которомъ, какъ я уже говорилъ раньше, сохранились слѣды жилья, принадлежавшаго нѣкогда Сузгэ, женѣ Кучума, тераса отступаетъ отъ водъ Иртыша вправо, образуя обширный амфитеатръ, дно котораго составляетъ тераса новая, низменная, сопровождающая затѣмъ Иртышъ въ его теченіи. Такая перемѣна въ характерѣ береговъ идетъ по всему Иртышу, до Самарова-и Оби. Во время плаванія по рѣкѣ, легко можно замѣтить, что древняя тераса выступаетъ справа, то въ видѣ высокихъ мысовъ, то тянется по берегу крутою и обрывистою стѣною, или же смѣняется, наконецъ, берегомъ болѣе низменнымъ, далеко отступая отъ водъ рѣки.

Высота обрывовъ и мысовъ праваго берега простирается надъ уровнемъ Иртыша саженъ отъ 10-ти до 20-ти и болѣе; состоятъ они изъ рыхлыхъ алювіальныхъ образованій. Сверху лежитъ болѣе или менѣе мощный пластъ глины, сѣрой, довольно чистой или нѣсколько песчанистой, безъ всякихъ слѣдовъ валуновъ; мощность этого пласта доходитъ въ разныхъ мѣстахъ отъ

нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ саженъ; за глиною слѣдуютъ книзу правильные, въ ту или другую сторону наклонные, нерѣдко выклинивающіеся слои песковъ; эти слои имѣютъ иногда сыпучій характеръ, иногда же они нѣсколько иловаты, суглинисты и являются довольно плотными. Песчаные слои преобладаютъ по своей мощности надъ глинами, въ особенности въ берегу между Тобольскомъ и Сузгуномъ; здѣсь, почти на уровнѣ Иртыша, лежитъ довольно плотный песчано-иловатый пластъ, окрашенный въ темно-дымчатый цвѣтъ, какъ бы подъ цвѣтъ горючаго сланца; вообще же цвѣтъ песковъ — сѣрый, зерно — мелкое, съ небольшими прослойками самой мелкой гальки. Во всѣхъ этихъ слояхъ мнѣ не удалось видѣть никакихъ ископаемыхъ остатковъ, въ родѣ, напримѣръ, раковинъ. Очевидно только одно, что въ нихъ все-таки содержатся кости большихъ вымершихъ млекопитающихъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна мѣстность на правомъ берегу Иртыша, въ одной верстѣ отъ селенія Юровскаго, противъ деревни Ларіоновой. Берегъ имѣетъ здѣсь надъ уровнемъ воды только до 12-ти саженъ: обрывъ сверху покрытъ сѣрою, неслоистою глиною, имѣющею до двухъ, трехъ саженей толщины; подъ этимъ пластомъ, какъ обыкновенно, лежатъ слои песковъ до самого уровня воды. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ пропшедшаго весенняго обвала берега, были найдены на берегу рѣки слѣдующіе остатки мамонта (Elephas primigenius): черепъ съ нижнею челюстью и съ двумя бивнями, тутъ же около найдены въ совершенной цѣлости кости таза, двѣ бедренныя, кости плеча и локтя передней ноги; изъ остатковъ другихъ древнихъ млекопитающихъ здѣсь были добыты три черепа носорога (Rhinoceros tichorhinus), черепъ первобытнаго быка (Bos priscus). Эти кости хранятся теперь въ статистическомъ комитетѣ въ Тобольскѣ, гдѣ я и имѣлъ возможность видѣть ихъ. Бо́льшая часть этихъ костей была найдена уже не въ томъ положеніи, какое онѣ первоначально занимали въ слояхъ; и я добылъ только одно показаніе, доказывающее, что кости залегаютъ въ пескахъ. Послѣ того, какъ бо́льшая часть костей

была уже найдена, одинъ изъ мѣстныхъ жителей, г. Пузикъ пожелалъ сдѣлать еще дальнѣйшую попытку найдти что нибудь; благодаря этому, онъ вырылъ изъ нижнихъ, довольно плотныхъ слоевъ песку *бивень*; слои песку надъ бивнемъ были въ ихъ естественномъ видѣ, слѣдовательно, онъ занималъ еще свое первоначальное положеніе и не былъ тронутъ новѣйшими размывами Иртыша. Остатки костей вышеупомянутыхъ млекопитающихъ извѣстны мнѣ и изъ другихъ мѣстъ по Иртышу; бивни мамонта находятъ около Филатовой, Кошелевой, Деньщиковой и т. д., до Самарова, гдѣ я также видѣлъ зубъ мамонта.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, какія это образованія, насколько озерныя, рѣчныя или морскія, нужно только указать, что онѣ занимаютъ, какъ въ длину, по теченію Иртыша, такъ и въ ширину, въ области праваго берега, обширную площадь. На подобныхъ отложеніяхъ стоитъ Тюмень, при р. Турѣ, они тянутся по Иртышу, выше Тобольска: по крайней мѣрѣ, я наблюдалъ ихъ около Кучумова городища, Абалака и т. д. Теперь, по крайней мѣрѣ, для меня, очевидно, что, среди этихъ наносовъ, Иртышъ, ниже Тобольска, размываетъ себѣ все болѣе и болѣе широкую и глубокую долину, часто мѣняя свое русло, а въ общей сложности, отступая направо. Это стремленіе Иртыша къ правому берегу отражается въ своихъ послѣдствіяхъ не только на топографическомъ характерѣ мѣстности, но даже и на животной и человѣческой жизни. Въ особенности, при весеннемъ половодьи и при высокихъ водахъ, Иртышъ, напирая на правый берегъ, вымываетъ изъ его основанія слои песковъ и илу, и частію своею быстротою, частію растворяя ихъ въ своей водѣ, которая, кстати замѣтить, чрезвычайно мутна, иногда даже грязно молочнаго цвѣта, уноситъ внизъ, размѣщаетъ на мысахъ и косахъ, верхніе же слои песковъ и глинъ сами падаютъ въ его воды, и нерѣдко въ такомъ количествѣ, что все живое населеніе прямо или косвенно участвуетъ въ происходящихъ отъ этого катастрофахъ. Обыкновенно крутые берега обваливаются постепенно: въ весну убываетъ 5—10 саженей берега въ попереч-

никѣ, да саженъ на 50—70 въ длину; сегодня обвалилась сажень, вчера — двѣ, иногда больше, иногда меньше, иногда берегъ стоитъ свободно годъ, два, нѣсколько недѣль, но всетаки рано или поздно, въ томъ или другомъ мѣстѣ, дѣло доходитъ до катастрофъ. Это бываетъ въ то время, когда берегъ обваливается моментально, на площади, простирающейся саженъ на 10—20 въ ширину и саженъ на 60—80 въ длину, и если представить себѣ, что такой берегъ будетъ имѣть саженей до 15-ти въ вышину, какъ это весьма часто случается, то паденіе массы земли, объемомъ отъ 20,000 до 32,000 куб. саженъ, должно произвести нѣкоторое нарушеніе въ обычномъ ходѣ жизни въ долинѣ рѣки. Такъ это случается и на Иртышѣ; по разсказамъ мѣстныхъ жителей, при такихъ обвалахъ, рѣка разступается во всю ея ширину; передъ мѣстомъ обвала образуется такой же сухой перешеекъ поперекъ русла рѣки, какой, по мнѣнію жителей, нѣкогда образовался передъ Моисеемъ, во время перехода его черезъ Чермное море съ евреями; одна волна выходитъ изъ береговъ и затопляетъ мѣсто, противоположное обвалу; двѣ другія направляются вверхъ и внизъ по теченію рѣки; эти волны бываютъ причиною новыхъ, болѣе мелкихъ обваловъ; онѣ составляютъ полную и смертоносную грозу для рыбаковъ, снующихъ по рѣкѣ, даже еслибъ это было верстъ за 15—20 отъ мѣста обвала, въ ту или другую сторону по теченію рѣки. Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ обвалу, встрѣчающіяся лодки по обыкновенію разламываются поперекъ на двѣ половины, и въ особенности на большихъ лодкахъ—пловцы тонутъ безвозвратно; легче спастись на мелкихъ лодкахъ; ихъ нужно своевременно поворачивать на встрѣчу волнѣ, чего почти невозможно сдѣлать большимъ лодкамъ. Всякое стараніе убѣжать отъ волны напрасно. На лодкѣ нужно держаться по направленію къ тому мѣсту, гдѣ случился обвалъ; въ самомъ мѣстѣ обвала нужно направлять лодку къ перешейку; спустя нѣсколько моментовъ послѣ обвала — перешеекъ представляетъ самое безопасное мѣсто для спасенія. Но при обвалахъ страдаютъ не одни только люди; внезапнымъ ударомъ,

повидимому оглушается и рыба, по крайней мѣрѣ, послѣ волны, забѣгающей на сушу, на берегахъ остаются тысячи рыбъ. При обвалѣ, происшедшемъ нынѣ около деревни Семейки, двое крестьянъ собрали послѣ успокоенія воды, по 1000 язей на берегахъ; рыбы были разбросаны по берегу около обвала, версты на двѣ; кромѣ язей, гибнутъ часто и другія рыбы; исключеніе представляетъ нельма (Coregonus Nelma); хотя она въ это время и бываетъ въ Иртышѣ, гдѣ даже она ловится въ большемъ количествѣ, какъ и язь, се всетаки никогда при обвалахъ не находятъ на берегахъ, слѣдовательно, она можетъ противостоять страшной силѣ удара и вполнѣ успѣшно сопротивляться силѣ той волны, которая бы могла оставить ее на берегу. Во всемъ сказанномъ я указалъ на рѣзкія измѣненія, почти ежегодно повторяющіяся однако тутъ или тамъ по долинѣ Иртыша; но въ такомъ же направленіи идетъ его работа еще на большей площади, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. Обвалы его праваго берега въ малыхъ размѣрахъ совершаются почти повсемѣстно, въ теченіе каждаго года весною и лѣтомъ; берега падаютъ саженъ за саженью; такимъ образомъ исчезаютъ пашни, огороды; дома въ разныхъ деревняхъ переносятся отъ рѣки все дальше и дальше, хотя Иртышъ рано или поздно, всетаки, ихъ настигаетъ. Напримѣръ, селеніе Демьянское было построено въ 1637 году; мѣсто, гдѣ была воздвигнута первая церковь, лежитъ уже теперь на лѣвомъ берегу рѣки, конечно, совершенно смытое; занято русломъ рѣки и то мѣсто, гдѣ была вторая церковь; третья новая церковь построена теперь еще дальше отъ рѣки, именно за версту. По мѣрѣ того, какъ смывались мѣста подъ церковью, переносились и дома, тонули огороды и пашни; ближайшіе къ рѣкѣ дома относятся дальше, къ лѣсу, а берегъ все валится и дальнѣйшіе дома становятся къ рѣкѣ ближайшими; такимъ-то образомъ Демьянскъ въ 240 лѣтъ переносился уже три раза съ мѣста на мѣсто и отошелъ отъ своего первоначальнаго пепелища версты на $1^1/_2$. Около Демьянска обваливается иногда въ одинъ годъ саженъ на 20 берега въ ширину и саженъ на 70—100 въ длину; дорожка, которая была

устроена въ 50 саженяхъ отъ берега, года три тому назадъ, теперь уже обвалилась въ воду. На Кошелевскомъ мысу крестьяне, лѣтъ 50-ти, пахали еще пашни, которыхъ въ настоящее время нѣтъ и слѣда. Подобнаго рода примѣровъ можно было бы привести еще много изъ селенія Юровскаго, Ларіоновой и проч.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что разрушительная сила Иртыша, его отступленіе слѣва направо, идетъ очень быстро и съ вѣками, несомнѣнно, онъ уже далеко ушелъ отъ своего первоначальнаго русла. И очень можетъ быть, что отъ такого его перехода вся область, лежащая по лѣвому его берегу, низменна на цѣлые десятки верстъ, болотиста, изобильна озерами, старыми протоками и проч.. — этими остатками старыхъ ложъ рѣки. Это мѣста, поросшія ивнякомъ, мелкимъ березнякомъ, мелкою сосною, частью елью; это — главная область мѣстопребыванія сѣвернаго оленя, во время весны и лѣта. Другія, болѣе или менѣе извѣстныя млекопитающія, рѣдко сюда заходятъ. Въ противуположность лѣвой, низменной и болотной области Иртыша, область праваго его берега несетъ на себѣ совершенно другой характеръ; это область хвойныхъ лѣсовъ, урмановъ. — область распространенія наиболѣе характерныхъ звѣрей здѣшняго края; здѣсь живутъ лось, соболь, бѣлка, выдра, медвѣдь, россомаха, часто, рысь; соболемъ въ особенности славятся рѣки Туртасъ и Демьянка. Для ознакомленія съ характеромъ флоры и фауны рѣки праваго берега, также съ топографіею мѣстности, я совершилъ экскурсію вверхъ по рѣчкѣ Бобровкѣ, лежащей около селенія Демьянковскаго. Вся рѣчка на всемъ протяженіи течетъ въ холмистой мѣстности; берега ея довольно круты; въ ихъ обрывахъ обнажаются тѣ же аллювіальныя образованія, какъ и въ долинѣ Иртыша: иногда берега возвышаются надъ уровнемъ рѣчки саженъ на 10—15. По самымъ берегамъ рѣчки растутъ сначала около Иртыша ива, черемуха, береза, осина, затѣмъ, вверхъ по теченію, онѣ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, преобладаніе берутъ уже хвойныя деревья; здѣсь я въ первый разъ наблю-

-6406-

далъ стройный высокій лѣсъ изъ однихъ только кедровъ, къ которымъ изрѣдка примѣшивалась пихта; чаще кедръ растетъ вмѣстѣ съ елью, даже съ березою и осиною; эта-то смѣсь всякаго рода хвойныхъ лѣсовъ и частью лиственныхъ и называется здѣсь *урманомъ*. Мѣста песчаныя, сухія, поросшія соснякомъ и здѣсь удерживаютъ за собою названіе боровъ. Уже при нашемъ бѣгломъ проѣздѣ по рѣчкѣ верстъ на 20—25, вверхъ по ея теченію, въ маленькихъ лодкахъ-душегубкахъ, мы встрѣчали на песчаныхъ берегахъ слѣды выдръ. Притомъ нужно замѣтить, что выдра при промыслѣ рыбы переходитъ изъ одного плеса въ другое не водою, а сухопутьемъ, черезъ мысы и при такихъ, неоднократно повторяющихся путешествіяхъ прокладываетъ совершенно явственныя тропинки, особенно въ холодное время года; здѣсь ставятъ на нее ловушки — луки со стрѣлами, а то добываютъ ее и подъ льдомъ, съ помощью собакъ, которыя, чувствуя по запаху, лаемъ указываютъ ее своимъ хозяевамъ. По рѣчкѣ были не рѣдки также и слѣды лося. Онъ бродитъ въ урманахъ, питаясь вѣтками хвойныхъ деревъ, березы, осины и проч. Во время лѣта, когда комары и оводъ становятся для него невыносимыми, онъ выходитъ изъ лѣсовъ въ рѣки, въ озерки и здѣсь весь погружается въ воду, надъ которою торчитъ одна только голова; въ такихъ то мѣстахъ его и выжидаютъ здѣшніе обитатели и бьютъ по ночамъ изъ ружей. Другой весенній способъ охоты на лося — это ямы: проходы между холмами и рѣчками загораживаются заборомъ изъ сухихъ деревъ, съ сучьями, и гдѣ нибудь на серединѣ, на тропѣ, оставляется узкій проходъ: какъ разъ въ этомъ проходѣ дѣлается яма, которая сверху искусно, подъ естественный цвѣтъ почвы, закрывается землею и мохомъ и, конечно, всякій лось, пожелающій воспользоваться короткимъ путемъ, вмѣсто того, чтобъ совершенно обойдти заборъ, остается въ ямѣ. Я былъ у одной такой ямы, у которой нѣсколько дней назадъ былъ пойманъ лось; но уже раньше насъ ее осмотрѣлъ медвѣдь; привлеченный запахомъ, сидѣвшаго нѣсколько дней назадъ въ ямѣ, лося, онъ снялъ искусно крышку, съ цѣлью освѣ-

домиться, не сидитъ ли тамъ еще, привлекательный для него, лѣсной обитатель; убѣдившись въ его отсутствіи, онъ, однако же, воспользовался уже гнилыми потрохами, оставленными неподалеку отъ ямы. Вообще медвѣдь любитъ осматривать чужія ловушки, на кого бы онѣ ни были поставлены, на звѣря или на птицу; въ виду такихъ его наклонностей, крестьяне въ подобныхъ мѣстахъ приготовляютъ и для него угощеніе, въ родѣ самострѣловъ и пр.; при проѣздѣ по рѣчкѣ, мы замѣчали на пескѣ и его слѣды, вмѣстѣ съ волчьими. Но рѣчь о Бобровкѣ я завелъ еще и по другой причинѣ; она получила свое названіе отъ того, что лѣтъ около 100 тому назадъ, въ ней водились еще бобры. Дѣды многихъ изъ живущихъ теперь крестьянъ и остяковъ разсказывали своимъ сыновьямъ и внукамъ объ этомъ, исчезнувшемъ теперь, водяномъ звѣркѣ. По ихъ разсказамъ, бобры водились около тѣхъ мѣстъ въ рѣчкѣ, гдѣ росли березовыя рощи, но было ли въ этихъ мѣстахъ быстро теченіе рѣки или нѣтъ — это для бобровъ было все равно; подгрызая березы, ничего не значило, если березки были и очень толсты, бобры обыкновенно приналравливали такъ, чтобъ березка всею своею массою упала прямо въ воду; въ случаѣ, если находили березку, упавшую въ воду отъ вѣтра или береговаго обвала, то пользовались ею. Съ березокъ подгрызенныхъ, но упавшихъ на сушу, они обрывали вѣтви и тоже таскали въ воду, въ запруду; почками березокъ бобры и питались. Норы себѣ устраивали въ берегу, съ выходомъ прямо въ воду. Тамъ, гдѣ старики находили жилище бобровъ, перегораживали рѣчку въ двухъ мѣстахъ, такъ, чтобъ жилище бобра осталось въ срединѣ загородокъ: выйти изъ перегороженной рѣчки бобръ не имѣлъ уже возможности и, чтобъ изловить его, жители дѣлали около жилья, между двумя, ранѣе устроенными, еще третью перегородку, въ срединѣ которой оставляли маленькій проходъ съ ловушкою; бобръ, ища себѣ выхода изъ заколдованнаго круга, и попадался въ этомъ проходѣ. Подобныхъ вышеописанной бобровокъ, съ водившимися когда либо бобрами, довольно много по нагорному берегу Иртыша; таковая рѣчка су-

ществуетъ около села Рѣполова; водились бобры во многихъ рѣчкахъ около Цингалинскихъ юртъ. Въ настоящее время я узналъ почти за вѣрное изъ разныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ, источниковъ, что бобры еще водятся въ верховьяхъ р. Конды; разсказы объ образѣ ихъ жизни подобны же вышеприведеннымъ; указываютъ даже на нѣкоторыхъ лицъ, у которыхъ водятся шкурки здѣшнихъ бобровъ; но до таковыхъ еще я не достигъ, чтобъ во очію убѣдиться въ совершенной справедливости разсказовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я уже получилъ одно рѣшительное обѣщаніе касательно доставки въ мое владѣніе бобра со шкурою, мускулами и костями. Въ то же время я намѣренъ обратиться къ генералъ-губернатору, Н. Г. Казнакову, съ просьбою о наложеніи запрета на промыселъ за бобрами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще въ маломъ количествѣ сохранились, чтобъ предупредить совершенное вымираніе этого оригинальнаго воднаго грызуна; это возможно бы сдѣлать тѣмъ болѣе безъ ущерба для мѣстныхъ промышленниковъ, что шкура здѣшняго бобра цѣнится весьма низко, такъ какъ она имѣетъ весьма грубую и жесткую шерсть. Послѣ этого легкаго оуступленія касательно бобровъ, обращусь еще разъ къ растительности нагорнаго берега, именно къ урманамъ. Хороши они и пріятно смотрѣть на нихъ въ томъ случаѣ, когда они не тронуты; въ такомъ видѣ они вскармливаютъ для людей массы звѣрей, лѣсныхъ птицъ; кедръ доставляетъ цѣлые десятки тысячъ пудовъ орѣховъ, несмотря на то, что въ сборѣ его конкурируютъ съ человѣкомъ несмѣтныя стада кедровокъ (Nucifraga Caryocatactes), дятловъ, даже стаи воронъ, не говоря о бѣлкахъ и бурундукахъ. Но унылыми и безжизненными станавятся урманы тогда, когда лѣсные пожары производятъ въ нихъ свое разрушительное дѣйствіе; и къ несчастью, по теченію Иртыша, сколько нибудь сохранившіеся урманы теперь рѣдкость; въ большинствѣ же случаевъ они превратились въ печальныя, нелюдимыя лѣсныя пожарища, часть урмановъ выгорѣла уже давно, часть въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, и теперь на цѣлыя сотни верстъ въ различныхъ направленіяхъ сплошь встрѣча-

ются одни только обгорѣлые пни; часть засохшихъ отъ пожара лѣсинъ еще стоитъ и, годъ отъ году, подгниваетъ и разрушается, часть деревъ лежитъ на землѣ и, образуя почти непроходимую трущобу, служитъ новой причиной къ образованію болотъ; чтобъ осушить, въ послѣдствіи уже образовавшіяся и еще имѣющія образоваться, болота, которыми уже и безъ того Западная Сибирь изобилуетъ, потребовались бы громадныя средства. Но помимо этого, а также самой потери лѣса на громаднѣйшихъ протяженіяхъ, лѣсные пожары повлекли и влекутъ за собою убытки и съ другой стороны. Лѣсные пожары опустошительны и для животнаго царства: во время пожаровъ многіе люди, застигнутые въ лѣсу, или гибли отъ истомленія, или же, если спасались, кидаясь въ воду, то умирали потомъ отъ простуды. Отъ пожара, конечно, еще въ большей степени гибнутъ и звѣри: они ложатся костьми или выселяются въ другія мѣста, такъ какъ сгорѣвшій лѣсъ не доставляетъ уже имъ тѣхъ удобствъ, какія они находили въ лѣсу не тронутомъ и, такимъ образомъ, ни одно, самое сильное средство, со стороны человѣка, клонящееся къ истребленію лѣсныхъ животныхъ, не можетъ быть такъ гибельно, какъ лѣсной пожаръ. Послѣ того, какъ выгорѣли урманы, количество звѣря въ нихъ умельшилось въ сильной степени, а многіе изъ лѣсныхъ обитателей совершенно исчезли: въ особенности это сдѣлалось замѣтно на лосяхъ и соболяхъ. Тамъ, гдѣ прежде лоси бродили стадами, теперь показываются только случайно и разъединенно, гдѣ прежде убивали соболей десятками, теперь не видятъ и слѣда ихъ. Итакъ, путемъ пожаровъ, нагорный берегъ Иртыша можетъ сдѣлаться въ такой же степени безжизненнымъ, какъ и лѣвый, хотя, по естественнымъ своимъ условіямъ, онъ можетъ имѣть довольно сильную растительность. Липа (Tilia) распространяется по немъ до селенія Бронникова и даже дальше, до верховьевъ рѣкъ Туртаса и Демьянки. Цингалинская гора, которая, какъ и большая часть высокихъ мысовъ по Иртышу, имѣетъ на себѣ слѣды татарскаго городка, со рвами, и служитъ еще до сихъ поръ, для оставшихся около Тобольска представи-

телей татарскаго племени, священнымъ мѣстомъ для поклоне нія, — поросла, кромѣ разныхъ хвойныхъ деревъ, черемухою рябиною, боярышникомъ, бузиною, малиною, вокругъ которыхъ часто красиво обвивается, щеголяя своими крупными бѣлыми цвѣтами, Atragene Alpina; между большимъ количествомъ травянистыхъ растеній, въ родѣ бѣлой крапивы (Lamium), вороньяго глаза (Paris), воронца (Actaea) и пр., я встрѣтилъ здѣсь даже піонъ или марьинъ корень (Paeonia). Обыкновенная крапива (Urtica) превышаетъ здѣсь ростъ человѣка и, собираемая остяками, съ глубокой древности и съ большимъ успѣхомъ, замѣняетъ имъ коноплю; изъ волоконъ этой крапивы остячки дѣлаютъ прекраснѣйшіе холсты, тонкіе до такой степени, до какой необходимо, хотя лично для своего домашняго обихода и одежды онѣ дѣлаютъ холсты довольно толстые.

Здѣсь я долженъ еще сказать, что при выѣздѣ изъ Тобольска, я получилъ возможность нанять на время моего путешествія въ долинѣ рѣки Оби до Обдорска, или даже до устья рѣки, весьма добросовѣстнаго фотографа, г. Лютика. Благодаря ему, я имѣю въ настоящее время коллекцію весьма удовлетворительныхъ фотографическихъ карточекъ, представляющихъ, вмѣстѣ съ типами мѣстностей и мѣстныхъ жителей, преимущественно остяковъ. Остяки появляются по Иртышу уже около Алымскихъ юртъ; хотя здѣсь, и дальше по теченію рѣки, также и по рѣчкамъ, лежащимъ въ сторонѣ отъ долины рѣки, всѣ остяки христіане, живутъ осѣдло, образуя особыя инородческія селенія, такъ называемыя юрты, однакожъ, въ складѣ ихъ жизни, въ привычкахъ, вѣрованіяхъ и промыслахъ сохранилось много первобытнаго; остякъ и до сихъ поръ стоитъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ природою; въ особенности же по отношенію къ знаніямъ привычекъ разныхъ звѣрей, птицъ и даже рыбъ, онъ весьма точный и правдивый зоологъ. На рѣчку Бобровку сопровождалъ меня остякъ, лѣтъ 45-ти; начавъ урманный промыселъ лѣтъ 20-ти, онъ убилъ во всю свою жизнь, охотясь не каждый годъ сряду, 200 лосей, 200 оленей, 300 соболей, не

считая другаго мелкаго звѣря. Остякъ, собираясь въ урманъ за бѣлкою и соболемъ, нагружаетъ около Покрова (1-го октября) маленькую нарту запасомъ сухарей, крупы, соли, частью говядины (можетъ быть той же лосиной или оленьей), тутъ же кладетъ нужное количество пуль, дроби, пороха, съ сухими рыбьими костями для собакъ, которыхъ и впрягаетъ въ нарту, сколько бы ихъ ни было, одна, двѣ или даже и больше; вмѣстѣ съ опытными собаками онъ беретъ въ урманъ и щенятъ, значитъ въ науку; щенокъ, состоявшій при опытной собакѣ и самъ становится хорошимъ ходакомъ, во многихъ случаяхъ незамѣнимымъ промышленнику. Хорошая собака идетъ за бѣлкою, соболемъ, лосемъ, выдрою, олепемъ и пр.; но многосторонніе, по инстинктамъ, собаки рѣдки; чаще онѣ спеціализируются: отличная соболиная собака не заботится о бѣлкѣ, хорошо выслѣживающая подо льдами выдру, игнорируетъ оленя и проч. Остякъ, съ хорошими собаками, около 6-го декабря, возвращается съ доброю добычею изъ лѣсу, а къ веснѣ снова исчезаетъ въ лѣсъ за лосемъ. олепемъ, ходя за ними на лыжахъ съ собаками по насту: весною, въ февралѣ и мартѣ, промышляютъ также бѣлку и соболя. Ходя за промысломъ, остякъ приноситъ жертву «лѣсному вотчиннику», часто олицетворяя его въ какихъ либо естественныхъ предметахъ природы; передъ началомъ весенняго рыбнаго промысла, онъ закалываетъ пѣтуха, брызжетъ его кровью въ воду, чтобъ умилостивить «водянаго вотчинника», склонить его на уступку рыбы въ добычу; вообще, въ своихъ вѣрованіяхъ, остякъ весьма типичный фетишистъ, нерѣдко олицетворяющій величайшую суть міросданія, результаты строжайшихъ законовъ природы, въ грубыхъ издѣліяхъ своихъ рукъ, въ истуканахъ. Но если остякъ плохъ, какъ философъ, то въ обыденныхъ своихъ дѣйствіяхъ, промыслахъ, онъ не лишенъ здраваго смысла и довольно тонкой наблюдательности; состояніе его инстинктовъ еще таково, что онъ не лишенъ той способности, которой люди обязаны прирученіемъ многихъ полезнѣйшихъ домашнихъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, остяки держутъ почти въ прирученномъ

состоянiи лисицъ, вылавливая молодыхъ лисятъ въ ихъ гнѣздахъ плашками; они держутъ и вскармливаютъ ихъ дома до тѣхъ поръ, пока мѣхъ ихъ сдѣлается достаточно годенъ къ употребленiю, хотя нужно замѣтить, что лисицы, воспитанныя дома, всегда имѣютъ худшiй мѣхъ, чѣмъ убитыя на свободѣ; притомъ, въ подобномъ обычаѣ домашняго воспитанiя лисицъ, нельзя не видѣть и вредныхъ послѣдствiй. Кстати сказать, что мнѣ удалось видѣть на воспитанiи и чернобурыхъ лисятъ; ихъ было взято изъ одного гнѣзда 5 штукъ. Лисяты были всѣ совершенно темнобуры, съ короткою, нѣсколько глянцевитою лѣтнею шерстью; отецъ и мать ихъ были то же чернобурые; по наблюденiямъ жителей, въ одномъ гнѣздѣ иногда бываетъ одна половина чернобурыхъ, другая рыжихъ, въ случаѣ если родителями были чернобурая и обыкновенная лисица. Отсюда слѣдуетъ заключить, что чернобурая масть передается у лисицъ наслѣдственно; и есть такiя мѣста, которыя въ особенности славятся чернобурыми лисицами; значитъ, въ нихъ особи, ускользающiя отъ истребленiя, постоянно поддерживаютъ свое чернобурое поколѣнiе; съ другой стороны, изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что чернобурая лисица и обыкновенная даютъ плодовитое потомство и естественно случаются между собою; слѣдовательно, онѣ не могутъ составлять отдѣльныхъ видовъ и, кромѣ того, онѣ, повидимому, не могутъ составлять географическихъ разностей, такъ какъ онѣ повсюду другъ другу сопутствуютъ.

Послѣ этого отступленiя касательно лисицъ, скажу еще, что остяки не менѣе точно знаютъ нравы и обычаи птицъ; такъ называемыми перевѣсами одинъ человѣкъ можетъ добыть сотни утокъ въ весну. Но въ особенности характеренъ здѣсь промыселъ на гусей во время ихъ весенняго и осенняго пролета. Весною всѣ виды гусей летятъ отъ 10-го—15-го апрѣля до 20-го—25-го. Охотникъ, выставляя гусиныя чучела въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролетные гуси охотно садятся, самъ скрывается въ шалашѣ и, смотря по виду пролетающихъ гусей и по ихъ голосу, подражаетъ имъ съ чрезвычайною точностью; гуси, видя своихъ собрать-

евъ, хотя и не очень искусно сдѣланныхъ, слыша ихъ призывающій голосъ, спускаются къ нимъ съ высоты, гдѣ ихъ и встрѣчаютъ ружейные выстрѣлы. Иногда вмѣсто чучелъ выставляютъ около шалашей живыхъ гусей, бывшихъ дикихъ, но вскормленныхъ дома; такіе «манщики» принимаютъ всѣ мѣры, чтобъ привлечь къ шалашу пролетныхъ собратьевъ, они кричатъ, бѣгаютъ и проч. Въ прежнія времена, когда не было ружей, гусей ловили сѣтями-понжами, а приманкой были тѣ же чучела. Такъ убивали прежде и убиваютъ теперь, въ недѣлю или въ нѣсколько бо̀льшее время, штукъ до 100—200 гусей на человѣка. Наиболѣе часто убиваются гусь черный (Anser arvensis), чекавой (A. ruficollis), лякъ (A. albifrons), кырсэмъ (A. minutus) и пр.

Рѣчь о рыбахъ я снова оставлю до болѣе благопріятнаго случая: до сихъ поръ я мало еще занимался рыболовствомъ, собственно потому, что за него еще не принимались мѣстные жители. Рыболовство становится по Иртышу возможнымъ, также какъ и по Оби, тогда, когда вода въ рѣкѣ начинаетъ сбывать; иначе рыба расходится на свободѣ, въ безбрежныхъ разливахъ рѣки. Съ того времени, какъ вода начинаетъ сбывать, рыба собирается въ болѣе опредѣленныхъ мѣстахъ, и тогда только находится возможность добывать ее. Между тѣмъ, какъ около Тобольска вода начала уже сбывать, въ низовьяхъ Иртыша она еще повышается; стоитъ она на прибыли и въ самой р. Оби. Но, во всякомъ случаѣ, я нахожусь на пути къ морской рыбѣ, которая отъ устьевъ Оби поднимается вверхъ по теченію рѣки; несомнѣнно, что она уже прошла теперь Обдорскъ и подходитъ къ Березову; это — сырокъ, нельма, муксунъ, пыжьянъ, щокуръ и осетръ, — это большинство палласовскихъ видовъ. И чтобъ не говорить объ нихъ на основаніи заочнаго знакомства, я скажу нѣсколько словъ о своемъ будущемъ путешествіи, въ которомъ я, можетъ быть, черезъ день, черезъ два ихъ встрѣчу.

Находясь въ пути по Иртышу къ р. Оби, я получилъ изъ селенія Самаровскаго письмо нижеслѣдующаго содержанія:

Милостивый государь
Иванъ Семеновичъ!

Въ прошломъ апрѣлѣ я узналъ, что въ настоящемъ маѣ, черезъ село Самаровское, должна будетъ слѣдовать въ Обдорскъ бременская экспедиція, цѣль которой, изучить всѣ естественныя и культурныя произведенія здѣшняго края. Видя и сознавая громадную пользу въ такомъ трудѣ и зная, что изъ села Самарова возможно попасть въ Обдорскъ лишь только въ лодкѣ (если не нанять нарочно для этого парохода), желая по возможности чѣмъ нибудь облегчить путь экспедиціи, я изготовилъ подъ нее крытый восьми-весельный каюкъ и намѣренъ былъ представить его лично въ распоряженіе г. Брэма.

Назадъ же тому нѣсколько дней, получилъ я извѣстіе, что и вы, Иванъ Семеновичъ, командированы сюда, на сѣверъ, отъ Русской Академіи Наукъ съ тою же цѣлью: изслѣдовать нашу жизнь во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому, а также какъ русскій къ русскому, я счелъ себя въ правѣ измѣнить первое свое предположеніе на счетъ каюка, т. е. не имѣя времени выстроить для васъ другаго, вмѣстѣ съ тѣмъ движимый патріотическимъ чувствомъ и не желая предоставить васъ на произволъ открытаго дождя, спасая въ то же время иностранца, я рѣшился предложить этотъ каюкъ въ полную вашу, м. г., собственность.

Примите истинное почтеніе и уваженіе вѣрящаго въ пользу и успѣхъ вашего труда.

Проживающій въ селѣ Самаровскомъ, крестьянинъ Рязанской губерніи

В. Земцовъ.

По пріѣздѣ въ Самарово, я дѣйствительно, нашелъ огромную крытую 8-ми весельную лодку, длиною 24 аршина; въ ея передней чистой каютѣ весьма легко могутъ помѣститься 3 человѣка, причемъ, въ ней даже возможно ходить; поставивши, столъ, въ ней вполнѣ удобно можно заниматься, писать и пр.; въ задней каютѣ можно помѣстить пудовъ до 250 клади и скрыть всѣхъ

гребцовъ, которыхъ застигла бы непогода; однимъ словомъ, въ ней такъ много удобствъ, что я нашелъ сначала ее слишкомъ для себя роскошною и, не желая для себя слишкомъ многаго, принялся было склонять г. Земцова остаться при его прежнемъ намѣреніи. Но такъ какъ потомъ замѣтилъ, что подобнаго рода система отказа могла бы отозваться слишкомъ неблагопріятно на искреннемъ и душевномъ доброжелательствѣ г. Земцова, хорошо знакомаго съ краемъ, то я и почелъ за нужное немедленно вступить во владѣніе прекрасною лодкою, озаботившись присвоить ей названіе «В. Земцовъ». Принимая во вниманіе, что эта лодка принесетъ мнѣ большую экономію во времени, при путешествіи по р. Оби, въ тѣхъ случаяхъ, когда, при плохой лодкѣ, я долженъ былъ бы проводить цѣлые дни на пустынныхъ берегахъ рѣки, въ ожиданіи благопріятной погоды, а въ этой лодкѣ возможно плаваніе даже при сильномъ волненіи; принимая въ соображеніе также и то обстоятельство, что эта лодка облегчитъ мнѣ возможность попасть къ восточнымъ берегамъ Обской губы, откуда будетъ легче добраться до Тазовской губы, куда мнѣ желательно было бы проникнуть: предвидя, что эта лодка не одинъ разъ спасетъ меня отъ бурь и непогодъ во время суровой сѣверной осени и сохранитъ для меня не малую долю здоровья и силы, я выражаю здѣсь мою глубочайшую признательность В. Т. Земцову, оказавшему мнѣ, кромѣ того, самое сердечное гостепріимство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяю себѣ надѣяться, что и Академія Наукъ не оставитъ безъ вниманія подобнаго рода сочувствіе, высказываемое на пользу пріобрѣтенія полезныхъ для человѣчества знаній. Въ силу той же услужливой предупредительности г. Земцова, я не могу воспользоваться приглашеніемъ Московскаго Общества мореходства, участвовать въ снаряженной имъ экспедиціи къ Бѣлому острову, по каковому вопросу я получилъ недавно изъ Академіи копію съ бумаги Московскаго Общества: главная цѣль моихъ изслѣдованій — долина р. Оби и рѣкъ, впадающихъ въ бассейнъ Ледовитаго моря, даже въ Тазовскую

губу, чего бы я, конечно, не могъ сдѣлать при поѣздкѣ по Обской губѣ; притомъ, находясь на чуждомъ мнѣ суднѣ, я не могъ бы самостоятельно располагать собою и своимъ временемъ.

18-го іюня 1876 г.
С. Самаровское.

III.

Рѣка Обь и ея долина. — Замираніе Оби и вліяніе его на жизнь рыбъ — Переселеніе морскихъ рыбъ и дельфины. — Рыболовные пески. — Птицы. ихъ перелетъ, гнѣздованіе и линяніе. — Млекопитающія и бобръ.

Въ настоящее время я нахожусь въ Березовѣ и тороплюсь въ дальнѣйшій путь, но такъ или иначе, я долженъ возвратиться назадъ и снова воспроизвести въ своей памяти тотъ путь, который я сдѣлалъ отъ Самарова внизъ по теченію р. Оби. Съ 20-го іюня, когда я оставилъ Самарово, до 8-го іюля — время моего пріѣзда въ Березовъ, я путался по самому теченію Оби, по ея протокамъ и сорамъ, по ея многочисленнымъ притокамъ. Рѣка Обь, въ топографическомъ и геологическомъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя тоже, что и Иртышь, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ, съ бо̀льшимъ величіемъ. По выѣздѣ изъ Иртыша, въ первый разъ бросается въ глаза Томскій мысъ, находящійся на правомъ берегу Оби; за нимъ, далѣе по теченію рѣки, слѣдуютъ, другъ за другомъ, ряды подобныхъ же мысовъ, составленныхъ изъ слоистыхъ аллювіальныхъ образованій. Какъ и на Иртышѣ, правый берегъ Оби состоитъ сверху изъ глины, внизу — изъ слоистыхъ песковъ различнаго цвѣта и плотности, съ небольшими прослойками мелкой гальки, иногда съ валунами изъ различныхъ кристаллическихъ породъ, то округленныхъ, то угловатыхъ, представляющихъ, по временамъ, гладкія поверхности съ ледниковыми шрамами. Эти мысы и крутые береговые обрывы, ограничивающіе теченіе р. Оби съ правой стороны, составляютъ часть плоской возвышенности, лежащей къ востоку и сѣверо-востоку отъ Оби; высоты праваго берега извѣстны у мѣстныхъ

жителей подъ именемъ «Обской горы» — которая, сказать по справедливости, и является горой только по отношенію къ уровню водъ рѣки Оби, лежащихъ въ общей сложности ниже уровня плоской возвышенности саженей на 15—25. Около Обской горы, тутъ или тамъ ее подмывая, тянется широкой полосой рѣка Обь; измѣняясь въ ширинѣ въ разныхъ мѣстахъ, по временамъ года, справа подпертая крутыми берегами, она даетъ влѣво ряды притоковъ и заливовъ вплоть до лѣваго, тоже нѣсколько возвышеннаго берега, называемаго у мѣстныхъ жителей «Полуденною горою». Полуденная гора отстоитъ въ разныхъ мѣстахъ отъ Обской, на разстояніи 25—50 верстъ, — это предѣлъ, въ которомъ заключается долина рѣки Оби. Главное русло рѣки лежитъ преимущественно около праваго берега, который, какъ и во всѣхъ другихъ рѣкахъ, подмывается ея водами. Частію, можетъ быть, потому, что эта работа длится уже давно, частію благодаря большой массѣ водъ, рѣка смыла всѣ мелкія препятствія для своего теченія; она течетъ довольно прямо, безъ крутыхъ заворотовъ, образуя плесы верстъ на 10 и болѣе въ длину. — Доказательство въ пользу измѣненія главнаго русла рѣки, а также и примѣръ въ пользу ея обширности и величія, можно встрѣтить сейчасъ же по выѣздѣ изъ Иртыша, около селенья Бѣлогорья. Бѣлогорье лежитъ на острову, намытомъ рѣкою; и было время, когда главная Обь лежала по лѣвую сторону острова; теперь же она перешла на правую, на прежнемъ же ея ложѣ осталась *старая* Обь, какъ протока главной, большой Оби; отъ старой Оби идутъ влѣво другія протоки, изъ нихъ наиболѣе замѣчательна по своему протяженію — протока Ендырская, пролегающая параллельно главной рѣкѣ на громадномъ протяженіи, и, въ свою очередь, также вѣтвящаяся, образующая заливы (соры), соединяющаяся съ главною, второстепенными жилами. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ главною рѣкою — Обью, достигающею вообще до 2—2½ верстъ ширины, иногда болѣе, иногда менѣе, рядомъ съ нею, по лѣвую ея сторону, находится цѣлый лабиринтъ водяныхъ бассейновъ, на протяженіи, соотвѣтствую-

щемъ ширинѣ долины, и раздѣляющихся другъ отъ друга низменными островками. — Высота уровня Оби бываетъ различна въ разныя времена года, въ различные года и съ этими измѣненіями тѣсно связана жизнь, населяющихъ ея воды, обитателей. Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, вліяющихъ на періодическія явленія водныхъ жителей, главнымъ образомъ, конечно, рыбъ, можно считать то состояніе воды въ рѣкѣ Оби, которое называютъ *замираніемъ*, *заморомъ*, *духомъ*. Въ большей подробности я могу очертить это явленіе тогда, когда самъ получу возможность наблюдать его; теперь скажу въ общихъ чертахъ, что оно начинается съ наступленіемъ холодовъ, послѣ покрытія рѣки льдомъ и продолжается до конца ихъ, до первыхъ проблесковъ весны. Во время замиранія рѣки, простирающагося отъ нижняго теченія далеко вверхъ, до Сургута, до нижняго теченія Иртыша, рыба не можетъ выносить обской воды: она или гибнетъ, или ищетъ пристанища въ верховьяхъ рѣчекъ, куда замираніе не распространяется, около ручьевъ, впадающихъ въ Обь и освѣжающихъ ее притокомъ свѣжей воды. Рыба, застигнутая въ Оби заморомъ, гибнетъ въ громадныхъ количествахъ, но въ большинствѣ случаевъ она какъ бы предчувствуетъ наступленіе гибельнаго для нея періода и направляется частію въ верховья небольшихъ, впадающихъ въ Обь, рѣчекъ, вверхъ по Иртышу, въ верхнее теченіе самой Оби. Иногда замираніе распространяется на такія рѣки, гдѣ оно обыкновенно не бываетъ или ограничивается только низовьями ихъ; и изъ такихъ то рѣкъ, съ первыми признаками замиранія, рыба направляется обратно, искать другаго пріюта и въ такомъ случаѣ ловятъ ее въ чрезвычайныхъ размѣрахъ: такова, напримѣръ, р. Конда, впадающая въ Иртышъ съ лѣвой стороны. Къ такимъ рыбамъ, заходящимъ въ верховья рѣкъ, относятся: язь (Idus), налимъ, окунь, частію щука, ершъ, сиѣгъ (Squalius), чебакъ (Leuciscus) и проч.: кромѣ того есть рыбы, которыя идутъ на зимовку только въ одинъ, совершенно опредѣленныя мѣста; такова стерлядь. Она зимуетъ въ среднемъ и верхнемъ теченіи Иртыша, именно тамъ, куда ни въ какомъ слу-

чаѣ замираніе Оби не распространяется, точно также и въ самой Оби, она, по слухамъ, зимуетъ только около Нарына, гдѣ также не бываетъ замиранія; притомъ замѣчу, что стерлядь обыкновенно останавливается зимовать на однѣхъ и тѣхъ же, совершенно опредѣленныхъ мѣстахъ, значительной глубины; останавливаясь на нихъ осенью, около 1-го октября, она стоитъ на нихъ густыми стаями, на самомъ днѣ рѣки до первыхъ признаковъ наступленія весны;—простоявши зиму, она къ веснѣ, оставляетъ свои зимнія становища, или, какъ здѣсь называютъ, *юровыя*. и стремится въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе корму; преимущественно, однакожъ, идетъ она на кормежку или, какъ здѣсь говорятъ, отъѣдаться внизъ по теченію рѣкъ, главнымъ образомъ, въ Обь, куда направляются и другія, вышеназванныя рыбы, не только изъ верховьевъ большихъ рѣкъ, но даже и изъ вершинъ малыхъ рѣчекъ. Въ это время вода въ Оби освѣжается, многочисленные ручьи, рѣчки и большіе ея притоки сносятъ въ нее запасъ воды отъ таящихъ зимнихъ снѣговъ и уровень ея все болѣе и болѣе подпимается и рыбѣ открывается широкій просторъ для отъѣданія и метанія икры въ заливахъ или сорахъ, въ протокахъ, курьяхъ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ верховыя рыбы движутся внизъ изъ Обской губы къ нимъ выходятъ на встрѣчу, вверхъ по рѣкѣ, представители семейства лососевыхъ, рода Coregonus: сначала идутъ сырокъ, нельма, затѣмъ — муксунъ, пыжьянъ, щокуръ вмѣстѣ съ осетромъ. Но и эти приморскія гости ищутъ прежде всего случая удовлетворить свой аппетитъ; они заходятъ также въ соры и разливы Оби и. въ большинствѣ случаевъ. пребываютъ въ нихъ до тѣхъ поръ, пока уровень воды въ р. Оби начнетъ понижаться. Съ пониженіемъ уровня водъ. верховыя рыбы направляются, мало по малу, изъ соровъ и разливовъ въ рѣки, — переходя изъ мѣстностей мелководныхъ въ мѣста болѣе глубокія, низовыя рыбы начинаютъ подниматься вверхъ по р. Оби иногда до самыхъ крайнихъ ея предѣловъ. Движеніе низовыхъ рыбъ вверхъ начинается съ іюня и продолжается до глубокой осени; позже, къ концу лѣта, идутъ вверхъ по рѣкамъ и верхо-

выя рыбы, какъ бы предчувствуя имѣющее наступить замираніе Оби. Изъ низовыхъ рыбъ идутъ, какъ уже сказано, всѣхъ раньше сырокъ и пельма; за ними появляются пыжьянъ, муксунъ, щокуръ и осетръ. Нельма и сырокъ заходятъ нерѣдко въ побочныя рѣки, сырокъ остается въ сорахъ даже и на продолжительное время. Муксунъ идетъ, главнымъ образомъ, изъ низовыхъ соровъ по самой Оби, и только въ видѣ исключенія заходитъ въ притоки ея; только отчасти онъ попадаетъ разъединенными экземплярами и небольшими стаями въ Иртышъ, особенно около Тобольска. Вода Иртыша, повидимому, непріятна для муксуна: иногда можетъ быть по ошибкѣ, заходя въ устья этой рѣки, онъ возвращается назадъ въ Обь. При устьѣ Иртыша, муксунъ идетъ по правому берегу Оби, избѣгая лѣваго, гдѣ господствуетъ иртышская вода. Всѣ эти рыбы идутъ громадными стаями; во время хорошаго хода попадаются цѣлыми сотнями въ одну тоню невода, иногда рыбакъ, въ одну недѣлю, нагружаетъ всю имѣющуюся у него посуду наловленною рыбою. Разныя морскія рыбы поднимаются вверхъ съ различною быстротою; самая быстрая изъ рыбъ по ходу — пельма. Въ разныхъ мѣстахъ по Оби, она появляется почти одновременно, такъ что разница во времени, когда ее начинаютъ ловить въ верхнихъ и нижнихъ частяхъ Оби самая ничтожная. Уже болѣе замѣтна она для сырка, который идетъ вверхъ по рѣкѣ съ быстротою отъ 40 до 50 верстъ въ сутки; но самый лѣнивый и медленный въ движеніи — осетръ: онъ, вѣроятно, не уходитъ болѣе 10 верстъ въ сутки. Всѣ эти морскія или низовыя рыбы поднимаются вверхъ для метанія икры, которая у нихъ въ первое время ихъ появленія въ р. Оби, бываетъ незрѣлая, жидкая, и уже къ осени совершенно созрѣваетъ, когда и начинается метаніе икры. Что же касается собственно осетра, то его время переста рыбакамъ мало извѣстно, такъ какъ осетровые экземпляры встрѣчаются постоянно съ икрою, во всѣ времена года. Выходъ рыбы изъ моря въ Обь — явленіе весьма постоянное, неизмѣнно повторяющееся изъ года въ годъ; но въ частностяхъ оно измѣняется въ зависимости отъ различныхъ при-

чинъ; одна изъ главныхъ, вліяющихъ на ходъ рыбы въ верховьямъ Оби, это высота уровня водъ этой рѣки. При высокомъ лѣтнемъ уровнѣ водъ, рыба, въ большинствѣ случаевъ, находитъ себѣ много простору въ низовыхъ сорахъ и разливахъ рѣки; по этому неохотно пускается въ далекія странствованія. По увѣренію опытныхъ людей, количество рыбы, выходящей изъ Обской губы и изъ низовьевъ Оби вверхъ по ея теченію, зависитъ также отъ количества дельфиновъ, занимающихся въ морскихъ прибрежьяхъ ловлею ея. Дельфины, выходя изъ губы въ рѣку, гонятъ, по обыкновенію, громадныя стада рыбъ, которыя, въ такомъ случаѣ, ищутъ спасенія въ мелководныхъ заливахъ рѣки: но если и здѣсь не находятъ онѣ достаточно покоя, преслѣдуемыя дельфинами, то устремляются дальше и дальше вверхъ по рѣкѣ, куда дельфины идти не рѣшаются. Имѣя въ виду добыть болѣе подробныя и точныя данныя о жизни дельфиновъ около морскихъ прибрежій и о вліяніи ихъ на ходъ рыбы, я укажу теперь на случающіяся исключенія, состоящія въ томъ, что громадные морскіе обитатели иногда, разъединенными экземплярами, поднимаются вверхъ по рѣкѣ за стадами рыбъ: на такіе примѣры есть даже литературныя указанія: но, кромѣ того, я убѣдился въ одномъ такомъ фактѣ изъ личныхъ распросовъ у мѣстныхъ жителей. Года два тому назадъ, рыбаки замѣчали одного дельфина въ разныхъ мѣстахъ Оби до Бѣлогорья, а отсюда онъ ушелъ далѣе, вверхъ по теченію, на разстояніи отъ моря верстъ на 1.000: онъ шелъ по главному фарватеру, около котораго лежитъ, главнымъ образомъ, путь проходной рыбы, которая, въ такомъ случаѣ, его покидала и избирала для себя второстепенные пути: жалась къ берегамъ, заходила въ протоки и проч. Въ это время уловъ рыбы сильно увеличился, во многихъ мѣстахъ разъ въ десять и болѣе. Увеличеніе въ уловѣ произошло задолго раньше, чѣмъ дельфинъ показался: хорошій ходъ рыбы стоялъ цѣлые сутки до тѣхъ поръ, когда морской обитатель исчезъ вверху рѣки, то скрываясь подъ водою, то выходя на ея поверхность, пуская фонтаны. Отсюда слѣдуетъ, что дельфинъ, идя по рѣкѣ, го-

нитъ передъ собою несмѣтное множество рыбы, которою, нужно сказать по справедливости, и изобилуетъ сама Обь. Объ изобиліи осѣдлыхъ и проходныхъ рыбъ можно заключить уже по среднему, умѣренному разсчету. Бываютъ, конечно, года, какъ это видно изъ большаго количества собранныхъ мною здѣсь данныхъ касательно рыболовства, когда не окупаются уловомъ даже и снасти; но бываютъ и такіе, когда рыба, по своему громадному изобилію, почти теряетъ всякую цѣнность; это послѣднее относится въ одинаковой степени какъ къ проходнымъ, такъ и къ мѣстнымъ рыбамъ. Въ прошломъ году, въ одной рѣчкѣ Больно-Атлымской, было добыто и продано до 7,000 пудовъ щуки на 50—60 ловцевъ, кромѣ той, которая пошла въ прокъ и въ пищу самимъ рыбакамъ. Въ Башковомъ Сору, около Березова, года два назадъ, въ одну тоню невода попало до 20,000 штукъ разной рыбы, такъ что неводъ едва былъ подтащенъ къ берегу и изъ него черпали рыбу саками; въ сору было столько рыбы, что не успѣвали солить всю ту, какая ловилась; да кромѣ того, громадное количество рыбы погибло въ сору, не находя изъ него выхода, такъ какъ онъ былъ заперть. Мѣста на Оби, удобныя для ловли рыбы неводомъ, называются песками. Отъ песка требуется, чтобъ онъ имѣлъ ровное дно, съ постепенною покатостью отъ берега въ глубину, безъ ямъ или задевовъ, препятствующихъ ходу невода; требуется, чтобъ фарватеръ (стрежь) не лежалъ далеко отъ берега и чтобъ была возможность захватывать идущую по нему рыбу. Наиболѣе удобны тѣ мѣста, гдѣ Обь раздѣляется островами на двѣ части; эти части бываютъ относительно уже и здѣсь удобнѣе достичь до стрежи. Но въ общей сложности фарватеръ Оби измѣняется, а съ нимъ и пески или улучшаются, или становятся совершенно непригодными для неводьбы; они подмываются и взрываются водою или фарватеръ сильно удаляется отъ береговъ. Наибольшимъ постоянствомъ пользуются пески только по исключительнымъ условіямъ; такъ, напримѣръ, какъ я уже сказалъ выше, проходныя рыбы, кромѣ осетра, избѣгая воды Иртыша, жмутся къ правому берегу, какъ бы не измѣнялся

тамъ фарватеръ, поэтому, находящійся здѣсь бѣлогорскій песокъ принадлежитъ къ лучшимъ по Оби.

Затѣмъ я оставлю пока водяныхъ жителей Оби и перейду къ пернатымъ, стоящимъ также въ болѣе или менѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ водою. Это—птицы, преимущественно водныя. Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я уже говорилъ, что перелетъ этихъ птицъ, сообразно съ состояніемъ погоды, измѣняется. Птицы совершивъ перелетъ къ сѣверу, возвращаются обратно, если находятъ тамъ еще весьма слабыя признаки весны; такъ въ дѣйствительности и случилось въ нынѣшнемъ году весною. Это фактъ, который не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Для наблюденій орнитологическихъ, въ частности для перелета птицъ, ихъ жизни въ долинѣ р. Оби, существуетъ для натуралистовъ много весьма благопріятныхъ обстоятельствъ. Долина Оби — есть, во всѣхъ своихъ пунктахъ, одно изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ для гнѣзденія птицы, для вывода дѣтей, для линянія. Широко раскинулись заливы и протоки р. Оби; она принимаетъ въ себя многочисленные притоки со всѣхъ сторонъ; вся долина ея усѣяна тысячами острововъ, поросшихъ частью мелкимъ, частью крупнымъ ивнякомъ, образующимъ обыкновенно густыя рощи, почти непроходимыя для человѣка; тамъ, гдѣ нѣтъ ивняку, выростаетъ огромная трава изъ осокъ, спиника, пырея и проч.; эта трава такого роста и размѣра, въ которой нельзя видѣть даже человѣка и здѣсь, конечно, просторъ для гнѣздящейся и линяющей птицы. Въ нынѣшнемъ году птицу ловили перевѣсами, которые современемъ будутъ описаны, преимущественно летѣвшую «снизу», т. е. такую, которая пролетѣвъ впередъ, возвращалась обратно. На одного хорошаго ловца пришлось по 300—500 штукъ разныхъ видовъ утокъ. Однако же при всѣхъ удобствахъ для гнѣзденія птицы въ долинѣ р. Оби, она имѣетъ и неудобства. Большая часть видовъ утокъ дѣлаетъ гнѣзда еще тогда, когда р. Обь стоитъ на довольно низкомъ уровнѣ и бываютъ годы, въ которые вода въ срединѣ лѣта до того поднимается, что затопляетъ всѣ гнѣзда утокъ, расположенныя на островахъ; вмѣстѣ съ ути-

ными гнѣздами затопляются нерѣдко и деревни, остяцкія юрты, лежащія въ долинѣ р. Оби; это драма для всего живаго: скотъ, лошади, овцы или гибнутъ подъ водою или спасаются хозяевами въ лодкахъ, на свайныхъ постройкахъ и проч. Гибнутъ въ такихъ случаяхъ и звѣри, населяющіе долину рѣки и острова. Спасаются только тѣ утки, которыя кладутся на плавунахъ: плавуны—это весьма обширныя клочья земли, или, въ большинствѣ случаевъ, растительная земля, обыкновенно съ травою, кустарника, иногда и деревьями. На нихъ птица гнѣздится въ громаднѣйшихъ количествахъ: на плавунѣ не бываетъ ни одного свободнаго мѣста, такъ что на плавунахъ около одной деревни, Сухоруковой, въ прежніе, или даже и недавніе годы, собирали до 15,000 яицъ въ весну, кромѣ тѣхъ, которыя пошли въ пищу. На плавунахъ преимущественно гнѣздится Fuligula cristata, фактъ, который я наблюдалъ года два тому назадъ и въ верховьяхъ Волги, около озера Пено. Большинство другихъ видовъ утокъ гнѣздится на возвышенныхъ берегахъ р. Оби, избѣгая самой долины. Но въ тотъ моментъ, когда утки, выводя молодыхъ, уводятъ ихъ съ праваго берега въ долину, въ ея траву и кустарники, ихъ встрѣчаетъ одинъ изъ большихъ, водящихся здѣсь видовъ чайки—*халева* (Larus). Чайка нападаетъ на выводковъ и, не смотря на всѣ усилія матки, поглощаетъ одного за другимъ всѣхъ молодыхъ, сколько бы ихъ ни было. Это явленіе до такой степени постоянно,—я самъ уже былъ его свидѣтелемъ, что отъ него гибнетъ, по всему теченію рѣки Оби, такое количество птицы, какъ ни отъ какого другого врага ея. Исключеніе нужно сдѣлать только для человѣка. Промышляя ее во время перелетовъ перевѣсами, онъ добываетъ ее сѣтями въ то время, когда она останавливается на лѣто и мѣняетъ свое одѣяніе. Для будущаго натуралиста, который будетъ располагать большимъ количествомъ времени, въ этомъ способѣ ловли скрывается одно изъ прекрасныхъ средствъ проникнуть въ жизнь водныхъ птицъ среди высокихъ и густыхъ кустарниковъ, въ травахъ и кочкахъ, когда же птицу ловятъ, такимъ образомъ, для пищи и продажи, поло-

жимъ, что хотя и подъ вліяніемъ неотступной нужды и бѣдности, становится какъ-то неловко. Преимущественно, рано утромъ, тихо на лодкѣ, подъѣзжаютъ къ какому либо изъ уединенныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ острововъ, какихъ по Оби тысячи, и на одномъ концѣ его разставляютъ полукругомъ или нѣсколько ломанною линіею сѣти: хорошо, если тутъ есть трава, на уровнѣ которой и должны стоять сѣти вверху, а внизу должны касаться земли или воды. Дѣлается все это съ чрезвычайною тишиною, также какъ и люди, имѣющіеся при сѣтяхъ, должны тихо, на лодкахъ, заѣхать потомъ на другой конецъ острова, хотя бы онъ имѣлъ версту или болѣе длины. Начиная отсюда, они съ крикомъ и стукомъ подвигаются къ сѣтямъ. Островъ, на которомъ, до этого времени, царила гробовая тишина, который казался безжизненнымъ и мертвымъ, начинаетъ оживляться: слышится плескъ воды, шлепанье по грязи, раздается гоготанье, клоктанье и проч., наконецъ, показываются и сами островитяне, съ тревогою, бѣготнею, со страхомъ. Они возвращаются обратно, если замѣтятъ впереди кого либо или увидятъ сѣти. Иначе — идутъ въ сѣти и тутъ запутываются, что сопровождается иногда раздирающимъ крикомъ отчаянія, особенно у гусей. Это называется промыселъ за линными; птицы, въ это время, летать не могутъ, у нихъ выпадаютъ изъ крыльевъ всѣ перья; это самцы шилохвоста (A. acuta), чирка (A. crecca), кряквы (A. boschas), соксуна (A. clypeata) и даже гуси (Anser cinereus). Иногда въ сѣть попадается въ одинъ разъ до 150—200 штукъ разныхъ утокъ и до 10 и болѣе гусей. Въ двухъ сдѣланныхъ мною опытахъ, изъ которыхъ въ каждомъ были значительные промахи, попало до 100 шт. разныхъ видовъ утокъ и штукъ до 7 гусей, съ 3 дѣтьми, притомъ въ сѣти, поставленныя въ первый разъ, попало только до 10 экземпляровъ птицъ, масса которыхъ возвратилась, такъ какъ сѣти были на мѣстѣ, совершенно лишенномъ травы; во второй разъ можно было поставить удачно только одинъ конецъ сѣтей. И если въ первый разъ попала только 20-я часть всей шедшей птицы, а во второй—не больше, какъ одна пятая или четверть ея, то, поэто-

му, можно судить, какое громадное количество пернатыхъ населяютъ долину рѣки Оби на всемъ ея протяженіи въ длину и ширину.

По отношенію къ млекопитающимъ скажу только то, что ими больше изобилуютъ мѣстности, лежащія по лѣвому берегу Оби, чѣмъ по правому. Это въ особенности замѣтно на лосѣ и соболѣ, которые еще въ значительномъ изобиліи встрѣчаются по рѣкамъ: Васпухолу, Сосвѣ, по притокамъ Конды, по Пелыму и т. д. Иногда съ сѣвера заходитъ даже къ Березову песецъ (C. lagopus). Но главная причина для уменьшенія количества звѣря - лѣсные пожары и здѣсь дѣйствовали и даже продолжаются до сихъ поръ, частью отъ грозъ, частью отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. На всемъ теченіи Оби исчезли прекраснѣйшіе лиственичные лѣса, въ которыхъ нѣкогда важивались наилучшіе сорты бѣлокъ, остались только ничтожные островки изъ кедровниковъ. Если эти небольшіе островки даютъ въ урожайные года какимъ нибудь 60—100 человѣкамъ собрать до 10,000—12,000 пудовъ кедровыхъ орѣховъ и получить за нихъ до 20,000 и болѣе рублей денегъ, то можно судить, какой убытокъ наносятъ лѣсные пожары здѣшнему краю, не говоря о томъ, что съ лѣсами исчезаютъ и цѣнные звѣри. Кстати, скажу и о бобрѣ, который повсемѣстно исчезъ, но котораго мнѣ всетаки удалось убить, хотя и не своими руками. Я пріобрѣлъ 5 шкуръ бобра, хотя и не цѣлыхъ, безъ лапъ и хвоста. Бобры добывались въ протокахъ р. Пелыма, куда съ Оби еще, до сихъ поръ, нѣсколько остяковъ ходятъ промышлять ихъ. Распросивъ подробно одного такого остяка объ образѣ жизни бобра, я поручилъ ему отправиться нынѣшнею зимою на промыселъ, для чего и оставилъ денегъ мѣстному начальству, для передачи, современемъ остяку, съ тѣмъ, что, если бобръ будетъ добытъ, доставить его зимою въ совершенной цѣлости въ музей академіи.

И такъ, значитъ бобръ еще не совершенно вымеръ, какъ и остяки; въ большинствѣ случаевъ исчезновеніе бобра совпадало съ вымираніемъ первобытныхъ жителей и, повидимому, для здѣш-

няго края этотъ выводъ можетъ быть частью приложенъ. Я сдѣлалъ довольно много различныхъ наблюденій надъ жизнью остяковъ, и пришелъ къ заключенію, что они несомнѣнно уменьшаются въ количествѣ. Но рѣчь объ остякахъ и здѣшнихъ русскихъ я отложу до болѣе благопріятнаго и свободнаго времени.

Березовъ.
14-го іюля 1876 года

—

IV.

Отъѣздъ изъ Березова. — Сутки на пустынномъ берегу Сосвы. — Характеръ теченія Оби. — Вліяніе весны — на ходъ рыбы. — Населеніе Оби — Бытовыя особенности остяковъ. — Вопросы касательно быта Обскаго населенія.

Съ 16 на 17 іюля я оставилъ Березовъ; хотя въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Березовѣ погода нѣсколько начала измѣняться къ худшему, нерѣдко стояли дни съ дождемъ и свѣжимъ сѣверпымъ вѣтромъ, однакоже въ ночь моего отъѣзда въ въ воздухѣ была таже тишина, къ какой я привыкъ уже раньше, на пути отъ Самарова къ Березову. Въ еще свѣтлую ночь долго рисовался передо мной небольшой, сѣверный городокъ, съ его двумя церквями, расположенный на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Сосвы, соотвѣтствующемъ полуденной горѣ въ долинѣ р. Оби и состоящемъ изъ подобныхъ же новѣйшихъ слоистыхъ образованій съ валунами, съ мамонтовыми остатками, какъ и правый берегъ р. Оби. — Оставивъ Березовъ, я снова вступилъ въ эту сѣть протокъ то сливающихся другъ съ другомъ, то дробящихся, въ этотъ лабиринтъ заливовъ, имѣющихъ видъ озеръ; изъ ихъ невозмутимой, зеркальной поверхности тутъ и тамъ всплываютъ въ разныхъ видахъ и формахъ острова, заросшіе ивами или высокой травой.

— Утромъ наша лодка стояла около одного низменнаго и пустыннаго острова на берегу р. Сосвы; тишина сопровождала насъ только на протяженіи верстъ 15 отъ Березова; за тѣмъ она смѣнилась такимъ крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, что ходъ противъ

него, не смотря на усилія восьми человѣкъ гребцовъ, былъ не мыслимъ. Громадныя волны бродили на поверхности Сосвы, которая находясь въ разливѣ, имѣла здѣсь около $^1/_2$ версты ширины, надъ волнами въ воздухѣ носились по обыкновенію чайки, крачки (Sterna), по временамъ налетали на насъ парочками, или одиночно, непзбѣжные также въ долинѣ Оби кривки морскіе (Haematopus ostralegus). Въ противоположность разнообразнымъ и нерѣдко неистовымъ крикамъ этихъ пернатыхъ созданій, островъ былъ мертвъ, только вѣтеръ шумѣлъ въ листвѣ разбросанныхъ по берегамъ ивовыхъ кустарниковъ и волновалъ какъ ниву, но безплодную, широкое поле травы, устилавшее островъ. При этомъ вороны выжидали издали очищенія нашего табора и какихъ-нибудь на немъ съѣстныхъ остатковъ, а другіе обитатели острова — комары выказывали еще менѣе терпѣнія въ удовлетвореніи своего аппетита и назойливо нападали на гребцовъ, которые и сами были голодны, такъ какъ въ надеждѣ на тихую погоду при выѣздѣ и на скорое прибытіе къ слѣдующей станціи, не взяли съ собой ничего съѣстнаго. Но скоро одинъ нежданный случай выручилъ насъ изъ бѣды: издали, противъ теченія и по вѣтру, подплыла къ намъ легкая лодочка, съ двумя остякамя, они везли пакетъ экстренно нужный въ Березовъ и заѣхали освѣдомиться, нельзя ли его, чтобъ имъ не дѣлать лишняго пути, отправить чѣрезъ нашихъ гребцовъ. Съ пакетомъ они везли и рыбу въ Березовъ, съ тѣмъ, чтобъ продать ее тамъ и на выручку выпить извѣстнаго здѣсь веселящаго напитка. Рыба была у гонцовъ куплена и довольно скоро съѣдена сырою или вареною, трава на острову была подожжена гребцами и, благодаря изобилію въ ней прошлогодней сухой травы, запылала вмѣстѣ съ заключавшимися въ ней комарами. Въ то же время остяки уже отправились дальше, ихъ не держитъ на мѣстѣ ни волна, ни буря, ихъ легкая, красивая лодочка-однодеревка пошла нырять среди волнъ, словно чайка. — Не менѣе однакоже обрадовало и лично меня письмо, полученное мною съ нарочнымъ, на этомъ же пустынномъ берегу, отъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири, Н. Г. Казнакова;

нарочный, привезшій письмо, настигъ меня довольно рано и уѣхалъ въ Березовъ гораздо раньше гонцовъ-остяковъ. Въ письмѣ ставился рядъ вопросовъ по отношенію къ такимъ жизненнымъ явленіямъ въ долинѣ Оби, съ которыми я уже не разъ сталкивался, и которыя нерѣдко наводили меня на весьма продолжительныя размышленія. Находясь въ невольномъ заключеніи около острова, я получилъ возможность еще разъ сосредоточиться на этихъ размышленіяхъ, по поводу замѣченныхъ мною жизненныхъ явленій въ краѣ и спѣшилъ въ Обдорскъ, чтобъ ихъ высказать. Но погода не благопріятствовала поспѣшности, только къ вечеру мы могли сдвинуться съ мѣста и едва сдѣлали нѣсколько верстъ, какъ вѣтеръ усилился и намъ пришлось снова предаться отдыху и размышленію около другого острова, совсѣмъ затопленнаго. Къ утру слѣдующаго дня вѣтеръ значительно ослабѣлъ и днемъ мы достигли первой послѣ Березова станціи— Пугорскихъ юртъ.

Отсюда наше плаваніе пошло своимъ обычнымъ порядкомъ; я останавливался около всѣхъ рыболовческихъ поселеній, каковыя здѣсь исключительно и господствуютъ; я внимательно всматривался въ существующіе порядки рыбопромышленности, въ отношенія между русскими и остяками При томъ мѣстная природа по большей части пути являлась въ мало измѣненномъ видѣ: та же однообразная растительность въ долинѣ Оби, тѣ же берега, на правой ея сторонѣ, возвышенные, обрывистые, состоящіе изъ слоистыхъ новѣйшихъ образованій, съ округленными или же съ отполированными и штриховатыми валунами, съ костями мамонта и первобытнаго быка; они поросли частію кедромъ, елью, смѣшанными съ березой, осиной, ольхой, но надъ всѣми ими по преимуществу беретъ преобладаніе лиственница; однакоже, чѣмъ ближе къ Обдорску, тѣмъ эта растительность рѣдѣетъ все больше и больше, и возвышенный правый берегъ становится нѣсколько угрюмѣе,—однимъ словомъ, чѣмъ ближе къ Обдорску, тѣмъ древесная растительность больше теряетъ характеръ урмана. — За то самое теченіе Оби становится еще болѣе характернымъ; еще

далеко выше Березова, именно около селенья Чемашевскаго, она раздѣляется на два главныхъ рукава, на Большую Обь, лежащую около праваго берега, и на Малую Обь, которая идетъ исключительно около лѣваго берега; такія отношенія сохраняются между этими рукавами до самаго устья р. Оби, т. е. на протяженіи около 600 верстъ; вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе и болѣе осложняется и существующая здѣсь сѣть протокъ, текущихъ быстро или медленно изъ Большой Оби въ Малую и обратно, увеличивается количество заливовъ или соровъ, впаденіе нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ Сосва, образуетъ также значительные анастомозы съ протоками Оби. — Здѣсь, такимъ образомъ, начинается главнѣйшая область рыбопромышленности; здѣсь лежатъ, начиная отъ раздѣленія Оби на Большую и Малую. лучшіе рыболовческіе пески, какъ-то Перегребный, съ группой другихъ, около него лежащихъ, Устрёмъ, песокъ Оленскій въ особенности Куноватскій, Питлярскій, Мелёксинскій, съ промежуточными между ними по положенію и достоинству песками Пужлановскимъ, Лангивожскимъ, Люимазскимъ и пр.

Во время нашего плаванія уровень Оби былъ еще очень высокъ, поэтому и ловъ рыбы не былъ еще вполнѣ удаченъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при данномъ, высокомъ уровнѣ воды, рыба въ нынѣшнемъ году ловилась лучше, чѣмъ въ другіе годы. Этотъ наиболѣе успѣшный уловъ рыбы нынѣшней весной въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе отстоящихъ отъ устьевъ Оби стоялъ въ зависимости отъ того явленія, которымъ, какъ я указалъ въ одномъ изъ писемъ, обусловливался нынѣ возвратный перелетъ птицъ; это именно—весьма поздняя весна при устьяхъ Оби, слишкомъ позднее очищеніе водъ ото льда. Въ началѣ весны, лишь только къ устьямъ Оби нахлынулъ потокъ свѣжей воды, рыба начала подниматься вверхъ по теченію; но, встрѣчая при устьяхъ большую часть заливовъ закованными льдомъ, она поднималась большими стаями все выше и выше и такимъ-то образомъ устья Оби оказались въ заключеніе болѣе бѣдными рыбой, чѣмъ мѣстности значительно выше лежащія. Отсюда слѣдуетъ, что тотъ

или другой характеръ весны отражались такъ или иначе на перелетѣ птицъ и ихъ гнѣздованіи, не менѣе существенно вліетъ и на періодическія передвиженія рыбъ, на ихъ распредѣленіе въ теченіи лѣта по водамъ р. Оби.

Въ свою очередь рыбы являются однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, вліяющихъ на распредѣленіе населенія въ долинѣ Оби; хлѣбопашество не доходитъ даже до устьевъ Иртыша, скотоводство по теченію Оби простирается только до Березова, ниже котораго и оно становится весьма затруднительнымъ, замѣняясь оленеводствомъ, причемъ и собака начинаетъ уже играть здѣсь роль домашняго рабочаго животнаго. По всему этому мѣстности, лежащія ниже Березова, носятъ на себѣ уже болѣе пустынный характеръ, на пути къ Обдорску я встрѣтилъ одно только русское, осѣдлое селеніе — Кушеваты (другое — Мужи, осталось западнѣе, по Малой Оби). Но и эти поселенія вмѣстѣ съ Обдорскомъ, кромѣ чисто торговаго и административнаго характера, несутъ на себѣ многія особенности, свойственныя поселеніямъ мѣстныхъ жителей, русскіе и здѣсь уже обзаводятся по временамъ оленями; собаки во многихъ хозяйскихъ нуждахъ замѣняютъ имъ лошадь; ради промышленныхъ цѣлей, русскіе, какъ и остяки, оставляютъ временно свои жилища, даже ихъ заколачиваютъ; вмѣстѣ со многими чертами остяцкаго образа жизни, они усвоили себѣ многія особенности во взглядахъ и міросозерцаніи; большинство русскихъ владѣютъ остяцкимъ языкомъ такъ же, какъ своимъ роднымъ. Во время лѣта пустынные берега Оби оживляются сотнями людей, пріѣзжающихъ сюда ради рыболовства изъ окрестностей Тобольска; въ это время на всѣхъ главнѣйшихъ пескахъ живетъ по 40 — 80 человѣкъ рабочихъ, съ ихъ хозяевами, прикащиками, въ то же время русскіе разсѣяны повсемѣстно по сорамъ для скупки рыбы. Но въ сентябрѣ всѣ эти временные гости исчезаютъ. Преобладающимъ населеніемъ на берегахъ Оби остаются остяки—эти первобытные обитатели суроваго края во всѣхъ отношеніяхъ къ нему приноровленные. Кромѣ того, что остякъ ниже Березова есть оленеводъ, онъ же

является въ свою очередь замѣчательнымъ рыболовомъ. Какъ на оленѣ, въ какихъ бы то ни было пустынныхъ мѣстахъ онъ чувствуетъ себя, какъ дома, такъ и на водѣ онъ самый опытный и ловкій пловецъ; достаточно хорошо знакомый съ мѣстностью, съ характеромъ рѣки, присмотрѣвшись къ характеру атмосферныхъ явленій, остякъ при всей своей смѣлости на водѣ рѣдко бываетъ жертвою неосторожности. Отдавая лучшія рыболовныя мѣста въ распоряженіе русскихъ, обладающихъ большими рѣчными неводами. онъ ловитъ для себя рыбу небольшими неводами въ заливахъ рѣки, а на самомъ теченіи Оби—онъ «колыданитъ». Колыданъ—довольно значительной величины мѣшокъ, сдѣланный изъ крупно ячейной сѣти; къ нижней сторонѣ его прикрѣплена палка, на срединѣ которой находится плоскій камень до 3 ф. вѣсомъ; при опусканіи мѣшка въ воду. палка, вмѣстѣ съ камнемъ, играющимъ роль грузила, и съ нижней частью сѣти ложится на дно рѣки; отъ камня идетъ черезъ кольцо по срединѣ верхней стороны мѣшка веревка въ руки колыданщика, кромѣ того, чтобъ верхняя часть мѣшка не упала на нижнюю и чтобъ мѣшокъ, будучи опущенъ въ воду, былъ открытъ, отъ верхняго края мѣшка идутъ въ руки колыданщика нѣсколько тонкихъ нитей (симы). Въ такомъ видѣ колыданъ, опущенный въ воду, идетъ по дну рѣки и имѣетъ видъ морды съ жерломъ, но безъ вставочнаго конуса; лишь только рыба заходитъ въ него и ища выхода соприкасается со стѣнками легкой снасти, колыданщикъ чувствуетъ ея присутствіе, спускаетъ симы, а веревку тянетъ вверхъ; такимъ образомъ рыба оказывается запертой въ мѣшкѣ или въ колыданѣ, въ которомъ ее ловецъ и вытаскиваетъ на дневную поверхность. Колыданъ есть одна изъ любимѣйшихъ рыболовныхъ снастей остяковъ; имъ ловится по преимуществу крупная рыба: осетръ, нельма, муксунъ и др. Нѣкоторые сора и мѣстности по теченію Оби въ особенности славятся этимъ способомъ ловли; таковъ напримѣръ Казымскій песокъ, лежащій по Оби, ниже Устрёма. Въ хорошихъ случаяхъ остякъ добываетъ колыданомъ до 200 — 300 муксуновъ въ лѣто, кромѣ того добыча

можетъ быть увеличена уловомъ осетровъ, нельмъ и пр. Въ мѣстахъ распространеннаго колыданнаго промысла остяки шныряютъ по заливамъ и плесамъ р. Оби цѣлыми флотиліями: изящная рыболовная снасть, легкія и красивыя лодочки, замѣчательная ловкость управлять ими колыданщиковъ особенно, если это имѣетъ мѣсто при тихой и ясной погодѣ, когда ловъ колыдапомъ наиболѣе успѣшенъ — все это дѣлаетъ картину жизни въ долинѣ Оби весьма оригинальной и своеобразной.

Я могъ бы привести еще много такихъ примѣровъ изъ внѣшняго и промышленнаго быта остяковъ, которые ясно доказываютъ способность ихъ приноравливаться къ внѣшнимъ условіямъ окружающей ихъ природы, но чтобъ не забѣгать впередъ, отложу это до болѣе удобнаго случая и обращусь къ причинамъ внутреннимъ, въ силу которыхъ грозитъ опасность краю лишиться и этихъ первобытныхъ дѣтей природы, до сихъ поръ исключительно его оживляющихъ; остяки несомнѣнно вымираютъ, въ силу чего край современемъ можетъ сдѣлаться совершенно пустынимъ, такъ какъ едва ли найдется населеніе болѣе съ нимъ освоившееся, чѣмъ нынѣшнее. Въ предупрежденіе этой печальной будущности слѣдовало бы обратить строжайшее вниманіе на нравственный и экономическій складъ жизни остяковъ и принять неуклонныя мѣры къ отстраненію тѣхъ явленій въ ихъ жизни, которыя особенно гибельно на нихъ отзываются

Въ виду всего этого я тѣмъ болѣе съ удовольствіемъ, сейчасъ же по пріѣздѣ въ Обдорскъ, поспѣшилъ дать отвѣтъ на нижеслѣдующіе обращенные ко мнѣ вопросы со стороны Н. Г. Казпакова. Между прочимъ, требовались свѣдѣнія:

1) Относительно эксплоатаціи инородцевъ рыбопромышленниками и другими торговцами,— о порядкѣ заключенія условій по отдачѣ въ арендное содержаніе рыболовныхъ инородческихъ песковъ, — на какіе сроки таковые отдаются и кѣмъ свидѣтельствуются помянутые договоры?

Въ какомъ находится приблизительно процентномъ отношеніи сумма годовой арендной платы къ цифрѣ дивиденда, получаемаго

рыбопромышленникомъ отъ этой его операціи, за всѣми расходами съ нею сопряженными?

Существуетъ ли при отдачѣ песковъ въ аренду какая-либо конкуренція?

Расплачиваются ли арендаторы когда-нибудь деньгами, или же, по обыкновенію, снабжаютъ инородцевъ предметами первой необходимости, каковы напримѣръ: мука, соль, морежи, сукно и холстъ, и сколько теряетъ при этомъ инородецъ въ суммѣ капитала, который онъ могъ бы получить деньгами и пріобрѣсть на эти деньги болѣе свободнымъ путемъ тѣ же продукты отъ другихъ лицъ? Вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе по отношенію къ существующей въ краѣ томъ мѣновой торговлѣ, въ виду крайнихъ неудобствъ оной для инородцевъ сравнительно съ обращеніемъ денежныхъ знаковъ.

Существуетъ ли и въ настоящее время и удерживаетъ ли за собою характеръ общаго явленія такой порядокъ сдачи рыбопромышленникамъ рыбы, наловленной самими инородцами, при которомъ принимаются двѣ рыбы за одну, хотя бы первыя (такъ называемыя маломѣрки) и немного были менѣе условленной величины?

Въ какомъ количествѣ распространенъ ввозъ рыбопромышленниками запретныхъ для обитателей сѣверной окраины Тобольской губерніи спиртныхъ напитковъ?

Въ какой степени эксплоатируется этимъ инородческое населеніе и на сколько безполезною оказывается въ дѣлѣ надлежащаго контроля мѣстная полиція съ ея наличными ограниченными силами, обязанными слѣдить на такихъ громадныхъ разстояніяхъ?

2) Эксплоатація обскихъ рыбопромышленниковъ, не встрѣчающая препятствій и поэтому незнающая никакихъ границъ, въ одинаковой мѣрѣ можетъ тяготѣть и на артеляхъ судорабочихъ, нанимаемыхъ въ Тобольскѣ и другихъ мѣстахъ. Цѣны, выдаваемыя имъ, чрезвычайно низкія, что̀ обусловливается и тѣмъ, что нанимающійся забираетъ еще съ осени впередъ всѣ деньги,

необходимыя для уплаты податей и, такимъ образомъ ставитъ себя въ безъисходно-обязательныя отношенія къ судохозяину. По слухамъ, обращеніе хозяевъ съ рабочими безконтрольно-деспотическое и содержаніе рабочаго въ отношеніи ли употребленія его въ работу, такъ равно и въ пищѣ, одеждѣ и помѣщеніи, вѣроятно во многомъ погрѣшаетъ противъ правилъ самой необходимой гигіены. Обо всемъ этомъ надѣюсь выслушать отъ васъ живой разсказъ.

3) Обращаюсь къ предмету, непосредственно интересующему и васъ — къ самымъ пріемамъ лова рыбы, въ которыхъ проглядываетъ тоже недобросовѣстная эксплоатація, соединенная съ ущербомъ для другихъ и во вредъ самимъ промысламъ. Такъ называемые сора, или большія низменныя пространства, залитыя водою во время весенняго разлива Оби, при убыли воды запираются искусственнымъ образомъ вмѣстѣ съ скопившеюся тамъ рыбою въ громадномъ количествѣ; за тѣмъ, когда крайне стѣсненная, она начинаетъ задыхаться и искать исхода, берутъ ее руками и не будучи въ состояніи справиться съ засоломъ, выбираютъ лучшую, а остальную кучами оставляютъ на берегу. Зло въ томъ, что кромѣ происходящей отсюда гибели рыбы, рыболовныя мѣста выше лежащія на Оби ставятся, вслѣдствіе сказанныхъ заборовъ, внѣ прямаго сообщенія съ послѣдовательнымъ ходомъ рыбы, тогда какъ послѣдняя при дальнѣйшемъ ростѣ получаетъ и лучшее качество. Та же безцеремонность или безразсчетливость замѣчается въ ловѣ рыбы даже во время метанія икры. Желательно бы знать, — въ какой мѣрѣ существуетъ это зло и если до настоящаго времени быть можетъ успокаивались мѣстнымъ обиліемъ рыбы, то не настала ли пора принятія рациональныхъ и регулирующихъ мѣръ?

4) Въ отношеніи возможнаго матеріальнаго поддержанія быта инородцевъ обращаетъ на себя главное вниманіе употребленіе здоровой пищи. Къ сожалѣнію, самое расположеніе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ едва ли можетъ похвалиться своею цѣлесообразностью. Большинство изъ нихъ находится на Оби, въ тѣхъ

пунктахъ, гдѣ, кромѣ казенной продажи муки, распространена и вольная продажа, причемъ казна, которой заготовленіе хлѣба и доставка на мѣсто обходится несравненно дороже, естественно конкурировать не можетъ, что въ свою очередь неблагопріятно отражается на недостаткѣ освѣженія хлѣбныхъ запасовъ, которые по долгу остаются не проданными, а между тѣмъ въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ рыбныхъ промысловъ (въ долинахъ притоковъ Оби: Югана, Ваха и др.), гдѣ вовсе нѣтъ вольной продажи хлѣба и гдѣ между тѣмъ разбросано кочующее племя остяковъ и самоѣдовъ, казенныхъ запасовъ хлѣба почти не существуетъ. Прошу васъ собрать для меня возможно точныя свѣдѣнія по этому предмету, равно и о томъ, на сколько нуждаются инородцы въ запасахъ соли,—въ какомъ вообще количествѣ распространенъ ввозъ рыбопромышленниками соли въ округа Сургутскій и Березовскій,—сколько изъ этого приходится приблизительно на долю инородцевъ, какъ для употребленія въ пищу, такъ и для промысла рыбы, и во что обходится имъ въ большинствѣ случаевъ покупка соли на рыбу или на мѣха?

Наконецъ 5) Особенно желательно было бы мнѣ знать итоги, какіе будутъ выведены изъ личныхъ вашихъ наблюденій объ общемъ экономическомъ положеніи изслѣдуемой вами мѣстности: въ какихъ отношеніяхъ и въ какой мѣрѣ естественныя условія ея являются благопріятствующими или, напротивъ, препятствуютъ человѣку въ устройствѣ его быта? Гдѣ та грань, за которую уже не смѣетъ переступить съ своей сохою пахарь; чѣмъ вознаграждается его тяжелый трудъ и можно ли простираться еще далѣе въ этой культурной борьбѣ съ природой. Зато съ другой стороны мѣстное обиліе рыбы и непроходимые урманы, богатые строительнымъ матеріаломъ, орѣхомъ, лѣсною дичью и пушнымъ звѣремъ, развѣ не привлекаютъ къ себѣ человѣка съ его разумной энергіей и для его выгодъ? Данные такого рода получатъ особенно серьёзное значеніе при постановкѣ вопроса о возможномъ развитіи мѣстнаго осѣдлаго населенія и улучшеніи его экономическаго и промышленнаго быта. Даже и тамъ, гдѣ

съ совершеннымъ исчезновеніемъ лѣсовъ. такъ сказать самой природой ставится преграда для постоянной правильной осѣдлости, — громадныя водныя пространства (ниже Березова и Обдорска), изобилующія морской рыбой, давно уже посѣщаются болѣе смѣлыми промышленниками, а этимъ фактически подтверждаются возможность разведенія тамъ особыхъ промышленныхъ колоній по крайней мѣрѣ на лѣтнее время, живой организаціи которыхъ могли бы служить и болѣе развитое пароходство и другіе улучшенные пути мѣстныхъ сообщеній»

Эти вопросы послужили рамкой для нижеслѣдующаго очерка «Остяки и рыбопромышленность въ долинѣ р. Оби». Въ этой статьѣ, во время пребыванія въ Обдорскѣ и сборовъ въ дальнѣйшій путь, не только старался я дать бѣгло отвѣты на предыдущіе вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось выбрать наиболѣе характерныя жизненныя явленія въ краѣ и, показавъ ихъ связь и взаимодѣйствіе, опредѣлить то направленіе, въ которомъ въ настоящее время развивается здѣшняя общественная жизнь. Факты, относящіеся до этой жизни, еще болѣе характерные и пріобрѣтенные мною уже послѣ перваго моего пребыванія въ Обдорскѣ, я кстати укажу, можетъ быть, въ слѣдующемъ отчетѣ; но главнымъ образомъ я долженъ буду отложить ихъ до спеціальной работы о здѣшнемъ населеніи.

12 декабря 1876 года.
С.-Петербургъ.

V.

Остяки и рыбопромышленность въ долинѣ р. Оби.

Ходъ развитія остяковъ отъ временъ до-историческихъ до нашего времени и ихъ вымираніе — Первобытная степень культурнаго развитія остяковъ выражается въ ихъ нравахъ и обычаяхъ: плодовитость и браки остяковъ. — Женщина, ея семейныя права или безправіе. -Непродуемотрительность остяковъ. — Вѣрованія остяковъ въ связи съ животными отправленіями человѣческаго организма — Условія существованія остяковъ въ первобытныя времена по отношенію къ звѣроловству и рыболовству. Перемѣна въ экономическомъ. бытѣ остяковъ съ приходомъ русскихъ въ область ихъ обитанія: новинности и случаи порабощенія. покупки и продажи остяковъ; лѣсные пожары, вліяніе ихъ на жизнь звѣрей; черты изъ быта и заработки. — Нищета и кормильцы остяковъ. — Рыбопромышленность: условія аренды песковъ отъ остяковъ и крестьянъ; отъѣздъ каравановъ изъ Тобольска и бытъ рабочихъ, условія ихъ найма на рыболовныхъ пескахъ. — Низовые пески и сора. — Что приходится нынѣ отъ рыболовства рыбопромышленникамъ и остякамъ: расплата деньгами. товаромъ, водкой — Что сдѣлали рыбопромышленники для рыболовства — хищническая фаза. — Что можно сдѣлать для того, чтобъ хоть сколько нибудь вывести населеніе по р. Оби изъ его первобытнаго и безъисходно-печальнаго экономическаго состоянія, — обрабатывающая фаза рыбопромышленности. Заключеніе.

Хотя исторія развитія человѣка даетъ всегда много поучительнаго для наблюдателя, однако я не буду касаться ея на столько, насколько она извѣстна относительно первобытныхъ жителей долины р. Оби. Несомнѣнно, что человѣкъ здѣсь прошелъ черезъ тѣ послѣдовательныя фазы развитія, какія имѣли мѣсто и на другихъ пунктахъ земнаго шара. Прежде чѣмъ русскіе съ ихъ булатными мечами и кольчугами распространили свои завоевательныя стремленія на Сибирь, предки нынѣшнихъ остяковъ умѣли уже обрабатывать желѣзо, имѣя однакоже предшественниками въ этой области такихъ жителей, которые умѣли обрабатывать для своихъ орудій и домашнихъ принадлежностей только кость и камни. Въ какихъ племенныхъ отношеніяхъ находились древніе остяки къ этимъ первобытнымъ жителямъ, сказать трудно; что же касается нынѣшнихъ остяковъ, то ихъ нужно разсматривать, какъ непосредственныхъ потомковъ тѣхъ древнихъ остяковъ, остатки жилья которыхъ сохранились по теченію

р. Оби. Это—такъ называемые остяцкіе городьи; по формѣ они напоминаютъ частію лежащія по Иртышу татарскія городища, также находящіяся въ Россіи, напримѣръ около озера Селигера — городокъ на берегу озера Глубокаго, относящійся къ курганному періоду. Городокъ Карымкарскій, лежащій у Карымкарскихъ юртъ, на правомъ берегу Оби, представляетъ собою возвышенный островъ, совершенно круглый, съ пламенной окраиной и срединной высокой терасой. Городокъ Мало-Атлымскій расположенъ непосредственно на правомъ высокомъ берегу рѣки, отдѣленный отъ материка искуственно вырытой канавой или рвомъ. Въ мусорѣ преобладаетъ береста съ перегнившими палками; здѣсь очевидно стояли чумы изъ году въ годъ, въ теченіе столѣтій: ихъ обитатели, питаясь рыбой, оленями и лосями, остатки которыхъ сохранились, дѣлали изъ глины посуду, изъ оленьей кости и рога разныя принадлежности хозяйства; они добывали хорошаго качества болотную желѣзную руду и умѣли ее обработывать; вмѣстѣ съ нетронутой болотной рудой, я находилъ въ городкахъ большое количество окалины. Повидимому только съ появленіемъ русскихъ естественный ходъ жизни въ этихъ городкахъ былъ нарушенъ: въ нихъ мало по малу прекратились дѣятельность и пребываніе человѣка, они сдѣлались пустынными и молчаливыми съ однимъ мусоромъ, свидѣтелемъ ихъ прошлаго. Потомки древнихъ остяковъ нынѣ разбросаны въ долинѣ Оби и ея притоковъ небольшими селеніями, число которыхъ и величина также съ годами уменьшаются; рядомъ съ древними городищами я замѣчалъ по теченію Иртыша и Оби остатки селеній болѣе новыхъ, обитатели которыхъ исчезли съ лица земли, — «вывелись» — уже въ нашемъ столѣтіи или даже годовъ десять, двадцать тому назадъ; въ другихъ же селеніяхъ, какихъ не мало, вмѣсто прежнихъ десятковъ жителей, одинъ или два остяка влачатъ свое жалкое существованіе. Такимъ образомъ очевидно, что остяки вымирали и прежде, каковой процесъ продолжается и до сихъ поръ. Въ чемъ же дѣло, во внѣшнихъ ли условіяхъ или во внутреннемъ складѣ ихъ жизни? — Остяки забыли то, что вы-

работали хорошаго ихъ предки, напримѣръ кузнечное мастерство, получивъ возможность брать у русскихъ болѣе совершенныя желѣзныя издѣлія, хотя, можетъ быть, и на болѣе тяжкихъ условіяхъ; съ другой стороны они свято хранятъ тотъ первобытный складъ своей жизни, тѣ первичныя ея формы, рядомъ съ которыми немыслимо никакое дальнѣйшее развитіе, — отсюда низкій уровень ихъ экономическаго благосостоянія, гибельно отзывающійся на ихъ существованіи во всѣхъ его главнѣйшихъ фазахъ.

Остякъ мало плодовитъ, при чемъ на дѣтяхъ его, въ силу ненормальныхъ условій питанія и ухода, тяготѣетъ чрезвычайная смертность; не считая остяковъ совершенно бездѣтныхъ, у большинства изъ общаго количества дѣтей умираетъ до $^2/_3$ — $^3/_4$. Кромѣ того есть остяки, остающіеся на всю жизнь холостыми, такъ какъ пріобрѣтеніе жены сопряжено съ платой калыма и обыкновенно въ такихъ размѣрахъ, которые не для всякаго мыслимы. Рѣдкій остякъ въ состояніи сей часъ же уплатить калымъ; обыкновенно уплата длится годъ, два и болѣе; нѣкоторые остяки, во избѣжаніе платы, подговоривъ себѣ жену, уводятъ ее воровски, тайно отъ родителей невѣсты, — обычай, который, можетъ быть, полезно было бы поощрять, а не преслѣдовать, какъ это сдѣлано недавно со стороны духовныхъ властей, воспротивившихъ вѣнчать невѣсть, уведенныхъ воровски, безъ согласія ихъ родителей. Привожу здѣсь отрывокъ изъ біографіи остяка Василія Кипріянова изъ Ендырскихъ юртъ, 31 года: у него есть жена, платилъ за нее калыму 150 руб.; деньги браль у покойнаго отца Ивана, священника Сухоруковской церкви, подъ проценты; отдавалъ орѣхомъ по 70 к. за пудъ, вмѣсто 1 р. 20 к., лосинами по 3 р. за штуку, вмѣсто 5—6 р.; соболями по 4 р. за штуку, вмѣсто 6—8 р., бѣлками по 7 коп., вмѣсто 10—14 к., весь долгъ выплатилъ въ теченіе 14 лѣтъ. Ребятъ не было. Воровать невѣсты было нельзя, такъ какъ два старшіе брата уже воровали; иначе на семью пошли бы нарсканія отъ своихъ же собратій

остяковъ». Другіе примѣры могутъ быть въ томъ же родѣ; вотъ показаніе молодаго остяка изъ Низямскихъ юртъ, Тимоѳея Алачева, принадлежащаго къ роду Кондинскихъ князей, старшая вѣтвь которыхъ была извѣстна съ 1599 года и которой представители, переселившись въ Россію, были женаты на русскихъ дѣвицахъ изъ знатныхъ фамилій (Списки насел. м. Рос. Имперія. Тобольская губ., стр. CLXV). Названный изъ ныпѣшнихъ сородичей этихъ древнихъ князей менѣе свободенъ въ выборѣ для себя подруги жизни; первая ему стоила 100 р., но скончалась, вторая 90 р., но въ обоихъ случаяхъ онъ остался бездѣтнымъ, а деньги долженъ былъ брать у еврея въ Кондинскѣ по 10% въ мѣсяцъ. Послѣдствія остяцкаго брака очевидны: для пріобрѣтенія средствъ къ уплатѣ калыма остякъ ставитъ себя часто въ безвыходное экономическое рабство; а пріобрѣтая себѣ жену за деньги, онъ смотритъ на нее, какъ на купленный имъ товаръ, какъ на свою собственность, которою онъ конечно можетъ располагать по своему личному произволу; жена въ глазахъ остяка имѣетъ тѣ же права, какъ его собственный олень или теленокъ, которыхъ онъ можетъ казнить и жаловать. Чисто животный взглядъ на женщину въ особенности ясно выражается у сѣверныхъ остяковъ; помимо распространеннаго здѣсь многоженства, остякъ отецъ пріобрѣтаетъ для своего сына, еще малолѣтняго, лѣтъ 10, жену, также очень молодую и вскармливаетъ ее до надлежащаго возраста, въ родѣ того, какъ воспитываютъ здѣсь молодыхъ лисятъ, извлекая изъ нихъ потомъ нужную выгоду; иногда для малолѣтняго сына добывается отцемъ жена совершеннолѣтняя, лѣтъ на 7—10 старше жениха. Хотя такое явленіе и оправдывается тѣмъ, что одной работницей въ семьѣ становится больше, однако здѣсь можно иногда заподозрить безкорыстіе старшихъ въ ихъ заботахъ о младшихъ членахъ семьи, и можетъ быть въ предупрежденіе такого подозрѣнія остячки имѣютъ обычай закрывать свое лицо платкомъ передъ всѣми старшими мужчинами нетолько въ семьѣ, но и въ родѣ и въ племени (по всему теченію р. Оби); этотъ обычай по Оби во-

шелъ въ такую силу, что остячка, усердно кутая свое лицо, не стѣсняется, если у ней окажутся не совсѣмъ закрытыми другія, болѣе сокровенныя части тѣла, чему признаться, и я былъ свидѣтелемъ. Во всякомъ случаѣ всѣ условія остяцкаго брака весьма не нормальны; съ ними связана ранняя половая дѣятельность, неравенство по лѣтамъ; здѣсь подборъ родичей, можно сказать, самый не естественный, ослабляющій племенную крѣпость остяка, ведущій его къ регресу, въ противоположность тому естественному подбору родичей, въ силу котораго развиваются и совершенствуются представители животнаго и растительнаго царства. Есть случаи, когда мало цивилизованные народы, выбирая женъ изъ племени болѣе развитаго, сами мало по малу переходятъ на болѣе высокую степень развитія. Такое явленіе отчасти имѣетъ мѣсто и между остяками. По Иртышу есть нѣкоторыя мѣста, гдѣ остяки берутъ себѣ женъ по преимуществу изъ русскихъ, такъ какъ за нихъ не требуется калыма или, если требуется, то малый (деревня Кошелева): въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они смѣшались съ русскими до такой степени и такъ уже обставили свой бытъ и хозяйство, что ихъ трудно признать за остяковъ; такова деревня Базьяны, гдѣ остяки имѣютъ и дома совмѣстно съ русскими. Но такого рода примѣры сравнительно рѣдки даже по Иртышу; влеченіе къ первобытнымъ формамъ жизни существуетъ и здѣсь, съ особенной же ясностью является оно по теченію Оби, хотя и здѣсь, именно въ деревнѣ Карымкарахъ, остяки, благодаря совмѣстному жительству съ русскими, усвоили отъ нихъ бо́льшую наклонность къ чистотѣ и опрятности, къ болѣе порядочной семейной жизни; эти привычки впрочемъ скоро исчезли у остяковъ, какъ скоро послѣдовало запрещеніе селиться русскимъ вмѣстѣ съ остяками, — я не знаю, почему именно. Въ общей сложности остякъ до сихъ поръ остался первобытнымъ человѣкомъ и въ случаѣ, если ему какъ нибудь удается жениться на русской женщинѣ, то не онъ подчиняется ея вліянію, а старается привить ей тѣ привычки и вѣрованія, которыя самъ онъ получилъ въ наслѣдство отъ своихъ древнихъ предковъ. И

если русская женщина рѣшается выйти за остяка и быть косвеннымъ образомъ, хотя и напрасно, проводникомъ болѣе человѣческихъ привычекъ, то только подъ вліяніемъ крайней нужды и бѣдности, ибо въ жизни своей она все такп не привыкла переносить то, къ чему расположенъ и привыченъ остякъ. Такъ въ юртахъ Воронпнскихъ остякъ принуждалъ насплыственно свою жену-русскую признавать своихъ идоловъ, фетишей, т. е. склонялъ, какъ здѣсь говорятъ, къ своей вѣрѣ, сопровождая свои убѣжденія обычными въ его положеніп побоями и истязаніемъ. Другой примѣръ у меня здѣсь въ Обдорскѣ на лицо; молодая дѣвица изъ Березова по волѣ своихъ бѣдныхъ родителей должна была выйти въ замужество за остяка, уже обжившагося около русскихъ и состоявшаго даже при церкви трапезникомъ: остякъ съ первыхъ дней женитьбы выказалъ свой характеръ, бранилъ и укорялъ въ томъ, что жена не принесла ему капитала, началъ варварски бить ее; послѣ побоевъ, въ холодъ выгонялъ ее полунагую на улицу, такъ что въ сосѣдяхъ она должна была искать себѣ спасенія, иногда бросалъ ее съ высоты, напримѣръ съ лѣстницы, топилъ въ водѣ; въ особенности несогласія возрастали потому, что остякъ водилъ свою супругу на различныя религіозныя языческія празднества, по обыкновенію устраиваемыя остяками послѣ удачнаго или неудачнаго лова рыбы, звѣря, какъ о томъ будетъ сказано наже; когда жена отказывалась ѣсть (такъ поступила бы, по моему мнѣнію, даже всякая порядочная собака) копину и коровье мясо, сваренныя въ одномъ котлѣ, вмѣстѣ съ грязью и всякими другими нечистотами, остякъ считалъ себя посрамленнымъ передъ своими собратьями и вымѣщалъ на своей супругѣ всѣ свои огорченія, истязая ее побоями и выгоняя изъ дому. Иногда возвращаясь съ празднества обыкновенно въ нетрезвомъ видѣ, — безъ водки немыслимъ ни какой остяцкій праздникъ, — онъ приводилъ съ собой своихъ соплеменницъ, склонныхъ къ водкѣ, какъ и представители мужскаго пола, и проводилъ съ ними ночи въ такихъ отношеніяхъ, на глазахъ своей супруги, какія можно считать крайне неумѣстными для

женатаго человѣка. Въ этомъ тяжкомъ опытѣ открывается живой примѣръ, въ которомъ остякъ, какъ семьянинъ, рисуется во всей своей цѣлости. Представленный здѣсь остякъ-мужъ, не есть конечно исключеніе: это господствующій типъ въ одинаковой степени, какъ по отношенію къ русскимъ, такъ и соплеменнымъ женщинамъ. Оставляя въ сторонѣ большое количество фактовъ, собранныхъ мною о положеніи женщинъ въ остяцкой семьѣ и объ ихъ правахъ, или вѣрнѣе о безправіи, укажу на одинъ обычай, существующій въ особенности у сѣверныхъ остяковъ, по которому жена передъ родами обязана сознаться мужу во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, которымъ весьма благопріятствуютъ сопровождаемыя виномъ празднества; опьянѣлые остяки повально грѣшатъ съ той и другой стороны противъ супружеской вѣрности, чего кавалеры ни при какихъ условіяхъ не ставятъ себѣ въ вину, а женщинъ подвергаютъ побоямъ и истязаніямъ и не рѣдко совершенно изгоняютъ изъ дома, что̀ ясно выражается у остяковъ многоженцевъ. Остякъ женолюбивъ; жена слѣдуетъ за нимъ на рыбный промыселъ, часто на охоту; даже когда онъ нанимается въ работники, жена отправляется за нимъ съ юртой и семьей; жена ѣздитъ за нимъ съ мѣста на мѣсто даже при случайныхъ отлучкахъ его изъ постояннаго жилья, хотя бы онѣ были только на 3 на 4 дня.

Остякъ не можетъ воздержаться отъ какой бы то ни было страсти, будь она физіологически растительная или нравственная. Страсть къ водкѣ — не единственный порокъ въ остякѣ; растрачивая быстро и непроизводительно все, имъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ пріобрѣтенное, онъ затѣмъ остается голодать, терпѣть нужду, забираться въ долгъ снова или идти въ кабалу. При удачныхъ уловахъ рыбы, при хорошемъ промыслѣ звѣря, остякъ пьетъ и ѣстъ до отвалу и не двинется на дальнѣйшій заработокъ, хотя бы этому благопріятствовали всѣ внѣшнія условія, до тѣхъ поръ, пока весь запасъ его не истощится. За то при недостаткѣ жизненныхъ средствъ онъ ищетъ всякаго случая

удовлетворить свой голодъ: ему нужно все скорѣе, сей часъ, какъ бы это невыгодно не отозвалось на немъ въ послѣдствіи: но думать о будущемъ тогда, когда такъ плохо настоящее,—некогда. Рѣзкій примѣръ подобнаго рода я встрѣтилъ около Больше-Атлымскихъ юртъ. Ходъ морской рыбы былъ въ полномъ разгарѣ; въ соръ или рѣчной заливъ, лежащій на лѣвомъ берегу Оби, началъ заходить сырокъ громадными стаями. По принятому повсемѣстно здѣсь правилу, какъ о томъ будетъ сказано ниже, сора оставляются въ полномъ покоѣ въ теченіе всего періода переселенія рыбъ до тѣхъ поръ, пока уровень Обской воды будетъ понижаться и рыба направляется изъ соровъ въ рѣку. Больше-Атлымскіе остяки Лѣтнихъ юртъ вмѣсто того, чтобъ ждать обратнаго хода рыбы изъ сора, перегородили его во время переднято хода и слѣдовательно не пускали въ соръ рыбу съ тѣмъ, чтобъ сейчасъ же воспользоваться той, которая будетъ подходить къ сору; рыба, видя преграду, направлялась далѣе, вверхъ, хотя остяки дѣйствительно получили возможность изловить ее въ достаточномъ количествѣ. Во время нашего проѣзда, въ теченіе $1^1/_2$ дней было отдано скупщикамъ около 4,000 шт. сырка и конечно за половинную цѣну, такъ какъ сырокъ былъ весьма мелокъ (часть ушла на собственное пропитаніе остяковъ и въ запасъ). Если бы остяки продолжали еще ловить сырка такимъ образомъ въ теченіе $1^1/_2$ или 2-хъ недѣль, то и тогда въ концѣ концовъ остались бы въ чрезвычайномъ убыткѣ. Если бы остяки заперли соръ въ надлежащее время, то получили бы изъ него рыбы по крайней мѣрѣ къ 10-ть разъ противъ того, что они изловили и притомъ всякая рыбка во время лѣта, отъѣвшись въ сору, вдвое увеличилась бы въ вѣсѣ,—слѣдовательно они получили ровно въ 20-ть разъ меньше, чѣмъ бы мѣсяцъ или $1^1/_2$ спустя. Отсюда слѣдуетъ, что остякъ, какъ и большая часть первобытныхъ народовъ, населяющихъ земной шаръ въ Америкѣ, Африкѣ, Австраліи и Азіи, съ коими у него весьма много общаго и во многихъ другихъ отношеніихъ, не выработалъ въ себѣ той необходимой для экономическаго благосостоянія

человѣческой способности, которая называется предусмотрительностью. Тѣ неблагопріятныя обстоятельства въ его жизни, которыя вытекаютъ изъ его собственной нерасчетливости и безпечности, онъ приписываетъ гнѣву боговъ своихъ; то, что онъ пріобрѣтаетъ случайно, онъ относитъ къ нисходящей на него ихъ милости. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онъ считаетъ долгомъ то благодарить ихъ, то умилостивлять.

Всѣ религіи первобытныя, олицетворяя на себѣ своихъ собственныхъ приверженцовъ, тѣсно связаны съ тѣми животными слабостями, страстями, на которыя я частію указалъ выше, въ противоположность религіознымъ вѣрованіямъ, принадлежащимъ народамъ болѣе высокаго культурнаго развитія и проповѣдующимъ воздержаніе, трезвость и пр., до аскетизма. Боги остяковъ, которыхъ у нихъ очень много (хотя большая часть остяковъ — христіане), изъ горькаго, какъ и сами остяки, любятъ только водку: очень уважаютъ медъ; за тѣмъ, само собой разумѣется, для нихъ необходимо мясо коровы, теленка, лошади, а иногда отъ цѣлаго села надо принести богамъ не меньше, какъ 7 телятъ или коровъ, чтобъ склонить боговъ на доброе къ человѣку расположеніе. Но всѣ боги живутъ — далеко; Турмъ или Туромъ — свѣтъ, имѣетъ центромъ своего пребыванія то мѣсто, гдѣ восходитъ солнце (Иртышскіе остяки). На Оби думаютъ, что весь міръ состоитъ изъ 7 свѣтовъ: на 7-мъ послѣднемъ свѣтѣ въ высоту живетъ самъ — Сорнэ — Туромъ, — онъ все знаетъ, видитъ и слышитъ: кромѣ него по землѣ, въ лѣсахъ, въ глубинѣ водъ распространены *тонги*, *мэнги*, *кумы* и пр.; въ частности въ Тромпцкихъ юртахъ живетъ *Урть-ики*, — его «почитаютъ въ родѣ сына Турома и младшимъ братомъ Николѣ». Затѣмъ слѣдуютъ *Айсъ-турмъ*, бывшій Березовскій въ Непкинскихъ юртахъ, *Нувый-аэи* (бѣлый дѣдушка) въ Тегинскихъ юртахъ, *Юхлиму нувый сорнэ* (безлѣсный богъ) въ Обдорскѣ; Ляпинскій — *Тохтенъ-тонгъ* (крылатый), отличается своею мудростью. Всѣхъ этихъ представителей своего религіознаго культа остякъ конечно не видитъ,

ихъ видятъ только посвященные, избранные остяки, въ нѣкоторой степени играющіе роль жрецовъ; но на самомъ то дѣлѣ видятъ ли ихъ эти послѣдніе, — это лежитъ на ихъ совѣсти; говорятъ, что будто бы жрецы могутъ нѣкоторыхъ видѣть только одинъ разъ въ годъ (Тегинскій); у другихъ они видятъ только голову и слышатъ голосъ (Троицкій) и пр. Нѣкоторые изъ боговъ завѣщали жрецамъ дѣлать вмѣсто себя изображенія, чучела. Такъ именно сдѣлалъ Тегинскій: онъ выразилъ свою волю, чтобъ его изображенію дѣлались приклады: водка, ситцы, одежды, пушной товаръ, деньги и проч., кто что найдетъ у себя лучшаго. Одному остяку сторожу, или какъ здѣсь называютъ, трапезнику, при Мало-Атлымской церкви, лѣтъ 10-ть тому назадъ, снизошла будто-бы во снѣ Матерь Божія и наказала, чтобъ завтра же былъ принесенъ въ церкви въ жертву баранъ, что и было въ точности исполнено остяками, въ присутствіи всѣхъ, имѣвшихся на лицо, остяцкихъ властей, старшины, десятскихъ и пр. Остякъ не откажется принести жертву никакому, по его понятію, изъ высшихъ существъ, лишь только отъ принесенной жертвы быть бы ему самому сытымъ и пьянымъ, какъ это и случается: принося водку въ жертву тонгу или мэнгу, онъ ставитъ налитую рюмку передъ истуканомъ: произнося нѣсколько просьбъ о благополучіи въ будущемъ, онъ самъ, старѣйшій въ родѣ, выпиваетъ водку; въ честь водянаго хозяина или «вотчинника», *куля* или *хун-урта* онъ колетъ пѣтуха, овцу или теленка и ограничивается только тѣмъ, что брызгаетъ нѣсколькими струями крови изъ только что заколотаго животнаго въ воду: обязанность же съѣсть его лежитъ на самихъ жертвоприносителяхъ; то же самое относится къ лѣсному вотчиннику или урманщику *ун-тонгу;* все то, что долженъ былъ съѣсть и выпить умилостивляемый, падаетъ на долю его поклонниковъ. Въ совершенно подобной же формѣ выражается поклоненіе деревьямъ, кусту черемухи, лиственичной рощѣ, ели, камню, мысу, рѣчной заводи, также домашнимъ, семейнымъ и родовымъ истуканамъ. Кромѣ жертвоприношеній, дѣлаемыхъ остяками по слу-

чаю болѣзни, несчастій въ домѣ, — они по различнымъ случаямъ устраиваютъ вклады или приклады своимъ божествамъ. Остякъ, идя напримѣръ на охоту, обѣщаетъ, въ случаѣ удачи, принести лучшую добычу тому или другому его покровителю. Иногда можно смѣнить лучшее на худшее, напримѣръ Троицкому: но Васпухольскому, покровителю лося, нельзя, — вѣчная кара ожидаетъ тогда нарушителя обѣта. Одинъ остякъ хорошо промышлялъ, а все потому, что былъ у Васпухольскаго и у Троицкаго, другой хуже — значитъ потому, что у Троицкаго былъ, а къ Васпухольскому не зашелъ. Изъ 10 убитыхъ соболей одинъ навѣрное предназначенъ тому или другому изъ этихъ остяцкихъ покровителей, и мѣстные русскіе даже узнаютъ, какой изъ соболей и какому покровителю предназначенъ, смотря потому, какой онъ отмѣченъ тесмой, черной или красной. И на основаніи такой остяцкой логики, издалека стекаются къ Троицкому Уртъ-пгэ на поклоненіе не только ближайшіе южные, но и сѣверные остяки и самоѣды. Нѣсколько лѣтъ назадъ, съ 4-хъ самоѣдовъ за провозъ отъ деревни Торопковой до Троицкихъ юртъ, т. е. можетъ быть только за $^1/_{10}$ долю всего пройденнаго ими разстоянія (они ѣхали изъ своихъ мѣстъ съ ноября до конца января), было взято до 40 р., причемъ возчикъ обязался быть и переводчикомъ съ самоѣдскаго на остяцкій и обратно. Обыкновенно же остяки ѣдутъ на поклоненіе своимъ святынямъ иногда за 700 верстъ и болѣе разстоянія на оленяхъ зимой или въ легкихъ лодкахъ лѣтомъ. По пріѣздѣ къ Троицкимъ юртамъ, всѣ они не удостоиваются лицезрѣть старика — *Уртъ-игэ*. Отъ сборщиковъ прикладовъ они слышутъ, «что старикъ находится за 2 — 3 дня ходу, идти къ нему нельзя, да и неудобно, но мы сами — тоже, что и *Уртъ-игэ*». Пріѣхать издалека и не захватить гдѣ-нибудь дорогой для того, кто постоянно управляютъ судьбою людей, также и для его непосредственныхъ служителей, сладкаго меду, вина и другихъ явствъ, — нельзя. И начинается заочное жертвоприношеніе, съ непосредственнымъ въ немъ участіемъ глотокъ и желудковъ испрашивающихъ и ищу-

щихъ милости отъ невѣдомой и можетъ быть и олицетворяемой въ какомъ-нибудь грубомъ образѣ силы, поклоненіе которой ведетъ человѣка къ тратѣ времени и убыткамъ. За тѣмъ сборщики принимаются испытывать глубину уваженія, чувствуемаго остяцкими пилигримами къ находящейся у нихъ святынѣ и просятъ на нее доказательствъ, убѣждая въ ихъ полной необходимости: дѣлаются тогда вклады ситцами, холстами, звѣриными шкурами и деньгами: если цѣнность вклада дойдетъ до 20 — 50 руб., то сборщики даютъ вкладчику шапку копѣекъ въ 30, халатъ до 1 руб. цѣнностью, какъ знакъ милости со стороны ихъ божества старика: полученіе вклада сопровождается со стороны сборщика вымогательствомъ, съ сладкими рѣчами о томъ, что *Урту* надо рубль на голову, соболя на подушку, столько то ситцу на халатъ и пр. Сборщики этимъ впрочемъ не довольствуются; въ іюнѣ мѣсяцѣ, передъ Петровымъ днемъ, а зимой въ декабрѣ и январѣ, они отправляются сами по юртамъ, вплзъ или вверхъ по теченію Оби, иногда верстъ за 500 и болѣе. Обыкновенно сборщикъ везетъ съ собой нѣсколько ведеръ водки—отъ 1 до 5, смотря по разстоянію, на которое онъ отправляется, и дорогой, объѣзжая всѣ юрты, какъ давно жданный гость, взываетъ къ усердію своихъ собратій остяковъ на вклады для Урта. Въ этомъ случаѣ уже самъ онъ обязанъ угощать остяковъ; всякій, дѣлающій вкладъ, получаетъ то или другое количество водки; $^1/_4$ ведра онъ даетъ за соболя, $^1/_2$— штофа за 7 бѣлокъ (шесть не возметъ и восемь тоже, а непремѣнно—7): въ послѣднее время бѣлка стоитъ отъ 12 до 14 коп. Въ прежнее время у всѣхъ главныхъ истукановъ бывали довольно большія сокровища деньгами и мѣхами; но съ тѣхъ поръ, какъ эти притоны разграблены, между прочимъ отъ Обдорскаго они понадобились какимъ то образомъ бывшему здѣсь должностному лицу, то объ этомъ сборщики, ремесло которыхъ переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну изъ старѣйшихъ родовъ, отчета не даютъ, да сдвали что нибудь опредѣленнаго извѣстно объ этомъ и самимъ вкладчикамъ. Во всякомъ же случаѣ, при

нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ подобная первобытная религія весьма убыточна. Иногда остякъ, принося въ жертву своимъ пенатамъ по случаю ли своей болѣзни, или болѣзни жены, неудачъ въ жизни, оленя за оленемъ, теленка за телепкомъ, пѣтуха за пѣтухомъ, которыхъ ему нужно покупать, лишается своего послѣдняго имущества и впадаетъ къ нищенство, чему не мало способствуютъ и здѣшнія ворожеи. эти явные остатки шаманства. Бывали даже и такіе случаи, конечно крайніе, что остяки приносили сами себя въ жертву своимъ богамъ. Какъ тотъ молодой рыцарь-юноша Среднихъ вѣковъ, который бросался нѣсколько разъ въ пучину за кубкомъ въ ожиданіи разныхъ наградъ отъ своего повелителя, одинъ остякъ, изъ желанія очистить тяготѣвшіе надъ нимъ великіе грѣхи, нырялъ два раза въ Бѣлогорскую заводь, наиболѣе чтимую остяками. и выходилъ изъ нее здравъ и невредимъ; затѣмъ онъ бросился снова въ третій разъ въ быстро крутящійся водоворотъ и уже не показывался больше на глаза своихъ собратій, тогда увѣровавшихъ, что ихъ сотоварищъ, великій грѣшникъ по своимъ поступкамъ, очистился наконецъ отъ грѣховъ, сдѣлался угоденъ «кулю» и навсегда остался въ глубинѣ водъ созерцать его, недоступный обыкновеннымъ смертнымъ. Однако же я забылъ сказать еще объ одномъ божественномъ представителѣ справедливости на землѣ — о медвѣдѣ. Нѣкогда онъ былъ сыномъ Турома и жилъ съ нимъ тамъ, на недосягаемой высотѣ, откуда земля представлялась ему во всей своей внѣшней красотѣ; лѣтомъ испещренная рѣками, покрытая травою и безконечными лѣсами, она казалась ему красиво раскрашенной: зимой, покрытая снѣгами, она была въ его глазахъ какъ бы устлана коврами безукоризненной бѣлизны, съ бродившимъ по нимъ скотомъ, съ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ деревнями и чумами. Послѣ настоятельныхъ просьбъ сына, еще простодушнаго, Туромъ наконецъ принужденъ былъ пустить его на землю, именно на лугъ; здѣсь медвѣдь побѣгалъ, побѣгалъ,—ѣсть нечего, и ему надоѣло; по просьбѣ, онъ снова былъ взятъ къ Туром у; и послѣ этого

отецъ пустилъ его уже окончательно на землю съ тѣмъ, чтобъ онъ, злой по природѣ, не трогалъ бы безвинныхъ людей, скота, а питался бы тѣмъ, чѣмъ будетъ ему свыше указано, ѣлъ бы неправыхъ и злыхъ людей, былъ бы на землѣ представителемъ справедливости. И медвѣдь, живой онъ или мертвый, все знаетъ, все видитъ; поэтому клятва передъ лапой или зубомъ его, со словами «если я неправъ, съѣшь и издери меня» считается одной изъ сильнѣйшихъ. Передъ убитымъ медвѣдемъ самцомъ обязательно праздновать 5-ть дней, передъ самкой — 4 дня, съ отдачей всѣхъ почестей шкурѣ убитаго, какъ божеству; передъ убитымъ пьютъ водку, обращаясь къ нему съ просьбами, какъ къ живому, о благополучіи въ будущемъ; пляшутъ передъ нимъ, съ представленіемъ различныхъ эпизодовъ изъ своей жизни, изъ жизни и характера самого медвѣдя. Но и этотъ представитель правды не всегда сохраняетъ въ чистотѣ данный ему завѣтъ; иногда онъ задираетъ штучку по штучкѣ порядочное количество скота изъ скуднаго остяцкаго хозяйства, какъ это было нынче въ Большомъ-Атлымѣ; нерѣдко и сами остяки гибнутъ подъ его лапами окончательно, или же послѣ схватки съ нимъ не досчитываются у себя челюсти, ребра, или приползаютъ домой съ дырой въ животѣ, съ изъѣденнымъ затылкомъ и т. д.— это можетъ быть грѣшные. Да и едвали есть между ними безгрѣшные люди: они болѣютъ, терпятъ лишенія, видятъ несправедливость; но этотъ свѣтъ, гдѣ теперь живутъ остяки, второй по ихъ мнѣнію,—лучшій; послѣ смерти всѣ они пойдутъ «внизъ, въ первый свѣтъ». Это—находящееся подъ землей темное царство, въ родѣ «русскаго ада»; въ немъ темно, но также текутъ рѣки, остяки живутъ деревнями, все дѣлаютъ, ходятъ, только не говорятъ между собой, все молчатъ; ходъ въ него тамъ, далеко, за устьями Оби въ Океанѣ. Остяки, отправляя въ эту дальнюю дорогу своего сородича, снабжаютъ его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ и пользовался на этомъ свѣтѣ: они кладутъ съ покойникомъ, одѣвая его въ лучшія одежды, лукъ, стрѣлы, ножъ, котлы со всякой другой утварью, наполняя ее лучшими

кушаньями: варкой, поземами, водкой и пр. Въ заключеніе убивается на могилѣ любимый олень, мясо его съѣдается, а кости и рога со всею упряжью и нартой кладутся сверхъ могилы;—все это, какъ и олень, пригодится покойнику на томъ свѣтѣ. Иногда съ однимъ покойникомъ кладутъ лишній запасъ платья, съ тѣмъ, чтобъ онъ передалъ его по назначенію, тому или другому изъ ранѣе умершихъ; посылаютъ и деньги. Жена, въ знакъ траура по покойномъ мужѣ, дѣлаетъ вмѣсто него погремушника и спитъ съ нимъ, какъ съ мужемъ; днемъ выставляя его передъ своими глазами, любуется имъ, какъ бы отъ того, что послѣ смерти оригинала, бока ея отдыхаютъ. Покойниковъ хоронятъ въ землю весьма неглубоко, въ Обдорскѣ еще въ добавокъ въ песчаной почвѣ, гдѣ вѣтеръ и вода весьма скоро выгоняютъ ихъ на дневную поверхность, благодаря чему я и имѣлъ возможность поживиться здѣсь порядочнымъ количествомъ остяцкихъ череповъ, на основаніи чего и постараюсь представить въ послѣдствіи свои дальнѣйшія заключенія объ ихъ умственныхъ способностяхъ. Кромѣ двухъ выше указанныхъ свѣтовъ, есть третій, тамъ, въ высотѣ; тамъ жить хорошо, есть тоже лѣса, земля; живутъ тамъ и люди, но какіе, — остяку неизвѣстно; было слышно, что туда попалъ одинъ самоѣдинъ волшебникъ, съ семьей, можетъ быть туда попадаютъ и русскіе, но нѣтъ въ томъ свѣтѣ ни одного остяка: они всѣ идутъ, какъ грѣшники, внизъ. Вверху на третьемъ свѣтѣ люди не знаютъ ни болѣзней, ни нужды, а главное у нихъ «нѣтъ русскаго дѣла», т. е. ясаку, налоговъ подводъ, чиновниковъ, торгашей, всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ вліяній, на которыя я теперь и укажу мимоходомъ.

«Богатъ и славенъ Кочубей, его поля необозримы» и пр. Тоже можно было бы сказать объ остякѣ, имѣя въ виду ту географическую область, которую онъ занимаетъ. Рѣка Обь—величайшая изъ рѣкъ въ мірѣ; за постоянство и широту ея теченія ручается сѣдой Алтай, какъ сѣверными, такъ и южными своими склонами; съ запада шлетъ въ нее многочисленными потоками

свои воды Уралъ. въ среднихъ частяхъ почти плоскій и едва замѣтный, на сѣверѣ становящійся мрачнымъ и моршинистымъ, даже лѣтомъ покрытый грязно бѣлыми снѣговыми пятнами, какъ это теперь по крайней мѣрѣ замѣтно изъ Обдорска. Несутся потоки и рѣки въ Обь съ востока и сѣверо-востока, на разныхъ частяхъ ея теченія, оттуда, пока еще изъ невѣдомыхъ пространствъ. Но настолько широка и величественна сама Обь, съ ея безпредѣльными разливами, но даже многіе изъ ея притоковъ могутъ уподобиться по величинѣ многимъ изъ европейскихъ главныхъ рѣкъ, каковы: Иртышъ, Вахъ и пр. Во время весны, независимо отъ того, что уровень Оби поднимается отъ притока воды изъ ея верховьевъ, на него оказываетъ замѣтное вліяніе разновременно расходящіеся притоки ея: вотъ, говорятъ, пошла Иртышская вода: нѣсколько времени спустя, замѣчаютъ, что уровень Оби снова началъ повышаться, значитъ идетъ Ваховская вода. Главнѣйшими вотчинниками этихъ пространствъ по нижнему и среднему теченію Оби, на разстояніи большемъ 1,500 верстъ, также всѣхъ ея притоковъ, въ томъ числѣ нижняго теченія Иртыша, на протяженіи около 500 верстъ въ длину, верстъ на 800—1.000 по р. Сосвѣ, также по Кондѣ, Казыму и т. д.— нужно признать остяковъ. Они издревлѣ были здѣсь собственниками или помѣщиками, разселенные сравнительно въ небольшомъ количествѣ душъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, съ несмѣтными богатствами, которыми они даже пренебрегали, имѣя ихъ въ слишкомъ большомъ избыткѣ сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ нуждались. Запирая рѣку, соръ, остяки получали изъ нихъ столько рыбы въ теченіи всего года, сколько имъ было нужно для своего годового продовольствія, изъ запертаго мѣста или изъ рѣки позволялось обычаемъ брать столько рыбы для своего дневного пропитанія, сколько кому нужно, но не больше; доступъ къ рыбѣ былъ открытъ и для прохожихъ, путешествующихъ на тѣхъ же условіяхъ, лови и ѣшь, сколько хочешь, но съ собой не носи и въ запасъ — не берп; такой обычай еще не очень давно вымеръ въ селеньи Яркинскомъ, въ области Иртыша, вмѣстѣ съ придер-

живавшимися его остяками. Точно также всякій изъ родовъ владѣлъ большими пространствами лѣсными, въ которыхъ въ опредѣленное время можно было промышлять того или другого звѣря; осенью, когда бѣлка и соболь дѣлаются пушистыми и даютъ теплый мѣхъ, ихъ промышляютъ, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобъ потомъ весной не ходить уже въ эти мѣста, такъ какъ тогда они уже бѣгаются и щенятся, но зато весной можно идти въ тѣ вотчины, гдѣ осенью никто не былъ, и куда поэтому собрался на зимовку лось,—въ уединенныя мѣста, гдѣ онъ думаетъ зимой найдти достаточно корму, а весной благополучно спастись отъ преслѣдованій, во время наста. Изъ того или другого количества убитыхъ лосей онъ бралъ шкуры и столько говядины, сколько ему было желательно и возможно, смотря по средствамъ переноски, остальную вывѣшивалъ въ амбарушкахъ, построенныхъ на сваяхъ, или лабазахъ для просушки, которой за тѣмъ и пользовался по мѣрѣ надобности,—такой порядокъ въ нѣкоторой степени и до сихъ поръ сохранился по рѣкамъ Ендырю и Васпухолу. Такимъ-то образомъ остякъ былъ обезпеченъ продовольствіемъ въ теченіи всего года, безъ особеннаго труда; у него также было въ достаткѣ одежды, такъ что въ общей сложности онъ могъ вести свою жизнь, лежа на боку, во многомъ не нуждаясь. Можетъ быть ту же рыбу онъ ѣлъ по преимуществу сырую въ совершенно свѣжемъ видѣ, только что вынутую изъ воды или предварительно замороженную, какъ это и до сихъ поръ въ обыкновеніи по теченію Оби не только у остяковъ, но и у русскихъ; въ такомъ случаѣ можетъ статься онъ не особенно нуждался въ желѣзной или мѣдной посудѣ, пріобрѣтеніе которой стоило бы дорого.—При такихъ-то условіяхъ видимо и сложился тотъ характеръ остяка, какой можно усмотрѣть въ немъ и въ настоящее время; не пріученный обстоятельствами особенно много трудиться, при маломъ трудѣ получающій все, остякъ вышелъ кроткимъ, миролюбивымъ, малоподвижнымъ дикаремъ; при довольствѣ тѣмъ, что онъ имѣлъ, у него сложилась привычка уважать чужую собственность, которая сохранилась въ немъ и до

нашего времени; тутъ же онъ видимо пріобрѣлъ уваженіе къ водѣ, которая его кормила, къ лѣсу, въ которомъ онъ промышлялъ; водой онъ клянется, лѣсъ — обожаетъ. — Но съ приходомъ русскихъ, если характеръ остяка, складъ жизни его и привычекъ остались тѣ же самые, то измѣнились условія его существованія.

Въ грамотѣ Оеодора Іоанновича, данной въ Августѣ 1586 г., на имя «съ великія рѣки Оби городовъ Куповата, Илумы и Ляпина, да городковъ Мункоса, Юіля и Березова» князю Лугую, за то, что онъ въ Москву «пріѣхалъ напередъ всѣхъ бить челомъ» постановлено, вмѣстѣ съ данью, «по 7 сороковъ соболей лучшихъ», въ годъ на Лугуя князя и его городки ратныхъ людей не посылать и воевать его не велѣть, и помниковъ и посуловъ съ нихъ не имать». Выполнились ли эти относительно благія намѣренія съ точностью, ограничились ли эти наложенныя на остяковъ тягости такой скромной дозой налога, можно видѣть изъ послѣдующихъ событій, сколь ни мало ихъ находится теперь у меня въ распоряженіи. Въ самыя первыя времена подчиненія остяковъ дѣйствія находившихся здѣсь русскихъ властей были конечно безконтрольны, объ нихъ осталось, вѣроятно, мало отчетовъ. Извѣстно, что въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія корыстолюбіе воеводъ доходило до крайнихъ предѣловъ, до возмущенія инородцевъ даже въ мѣстахъ менѣе глухихъ, чѣмъ долина Оби; сто лѣтъ спустя, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, «сборщики ясака брали съ каждаго самоѣда для поклона по 10 бѣлокъ или по 2 горностая; Нарымскіе воеводы Аврамовъ и Казаковъ брали съ каждаго остяка по 10 соболей, съ каждой волости по 500 рыбъ, а лѣтомъ, во время промысловъ, брали на себя для провозки судовъ до Кетска и другихъ работъ по 20 человѣкъ». (Сп. нас. м. Тоб. губ. стр. LXXXV). — Это однако же явленіе, исключительно, случайно обнаружившееся, можетъ быть только въ силу раздоровъ и контровъ между самими правителями; всѣ же воспоминанія и данныя объ общемъ ходѣ управленія безъотвѣтными инородцами унесены вѣроятно теченіемъ Оби туда, въ не-

цу такіе пожары гибельны потому, что они истребляютъ звѣря, или заставляютъ его переселяться въ другія мѣста. Такимъ образомъ изъ сказаннаго становится болѣе или менѣе очевидно, что съ приходомъ русскихъ потребности остяка мало по малу увеличились, т. е. ему оказалось необходимымъ имѣть больше, хотя и не лично для себя, того, что онъ имѣлъ прежде, вмѣстѣ съ тѣмъ возможность къ этому сравнительно уменьшилась, такъ какъ область для его промысловъ должна была въ нѣкоторой степени съузиться, а кромѣ того потому, что напр. звѣриные промысла онъ долженъ былъ усилить, самые звѣри, особенно цѣнные, должны были уменьшаться въ количествѣ, независимо отъ лѣсныхъ пожаровъ. Независимо отъ ясака, который еще при Екатеринѣ II состоялъ изъ 2-хъ соболей съ души, также поборовъ, которые, какъ было выше указано, доходили иногда до громадныхъ размѣровъ, съ приходомъ русскихъ спросъ на цѣнныхъ звѣрей увеличился въ такой мѣрѣ, что торговые люди скупали ихъ прежде, чѣмъ инородцы успѣютъ внести ясакъ, въ силу этого неблагопріятнаго для сбора ясака явленія еще въ 1620 году былъ запрещенъ тотъ весьма популярный тогда между торговцами путь, изъ Байдарацкой губы въ долину р. Оби, снова открывать который нынѣ поѣхали двѣ ученыя экспедиціи (см. Абрамовъ, описаніе Березовскаго края, въ З. Г. Общ. 1857 г. кн. XII). Если одновременно съ ясакомъ, налогами и поборами *), остяки были отягчены подводами, — въ виду чего по Иртышу съ 1637 года были основаны два яма, — Демьянскій и Самаровскій, которые едвали въ особенной степени достигли своей цѣли, то еще болѣе печальнаго имѣютъ за собой отношенія остяковъ къ торговцамъ, которые замѣтили и воспользовались въ остякахъ двумя главными слабостями, свойственными всѣмъ первобытнымъ народамъ — дикарямъ: любовью ко всякаго рода бездѣлушкамъ самаго безъискуственно поддѣльнаго

*) Въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Березовѣ существовала даже торговля остяками: маленькаго остяка или остячку можно было купить за какой нибудь двугривенный.

блеска и низкой стоимости и неудержимой склонностью къ одуряющимъ веществамъ, табаку и водкѣ.

И такъ, остякъ, растративъ свои первоначальныя богатства, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ лѣтъ около 300 тому назадъ, онъ не пріобрѣлъ ни особенной энергіи къ труду, ни той умственной изворотливости и точнаго разсчета, которые были бы необходимы въ его измѣнившихся экономическихъ условіяхъ. Можетъ быть съ тѣхъ поръ только внѣшность его. одѣяніе, измѣнилось: даже мертвыхъ, съ помощію вѣтра, я вырывалъ изъ могилъ, окруженными бисеромъ, бусами, мѣдными и оловянными бляхами, кружкáми; теперь, когда идетъ одна нарядная остячка, то уже обращаетъ на себя вниманіе пестротой и убранствомъ наряда; когда же ихъ много, то звенятъ у нихъ на косахъ, на ушахъ и пр. бубенчики, колокольчики, по бокамъ бряцаютъ цѣпи, пестрѣютъ кольца изъ олова, мѣди, бусы разныхъ цвѣтовъ, Все это дорого стоитъ, но дороже еще обходится другое новое удовольствіе—водка. Остякъ до тѣхъ поръ пока не выпьетъ на столько, чтобъ свалиться съ ногъ, онъ не скажетъ, что былъ пьянъ. Въ случаѣ, если онъ соображаетъ, что по количеству водки онъ не достигнетъ этого состоянія, то прежде чѣмъ выпить брепный остатокъ, онъ накладываетъ напр. въ рюмку, до половины, нюхательнаго табаку, въ остальную половину выливаетъ остатокъ водки, размѣшиваетъ его съ табакомъ и тогда выпиваетъ; если такой пріемъ не доводитъ его до сумасшествія, что̀ случается, а онъ просто падаетъ безъ чувствъ на землю, то значитъ остякъ достигъ того блаженнаго момента, который онъ называетъ: *корейта-унда*. О всякомъ другомъ случаѣ, сколько бы остякъ не выпилъ, но если онъ держался на ногахъ, говоритъ съ пренебреженіемъ, пилъ такъ себѣ, былъ полупьянъ (*каскэм-улъ*). (Обдорскъ). Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ остякъ сдвали особенно отклонился отъ своего первобытнаго типа; на Сѣверѣ онъ живетъ въ берестяныхъ чумахъ, кутая ихъ берестомъ, рѣдко кожами; на Югѣ онъ хотя и построилъ себѣ юрту, четырехъ-угольный деревянный срубъ, по внѣш-

ности нерѣдко сходный съ избой, но внутри только съ однимъ чуваломъ, а иногда и съ печкой; въ юртѣ у него осталось тоже замѣчательное неряшество, какого не представляютъ жилища многихъ чистоплотныхъ животныхъ: иногда въ юртѣ отъ невыносимаго смрада и запаха даже у человѣка съ крѣпкими нервами захватываетъ дыханіе; этотъ же запахъ сопровождаетъ остяка и въ дорогѣ; комнату, въ которой сидѣли нѣсколько времени остяки, можно узнать по запаху; зажмуривъ глаза, можно чувствовать, съ какой стороны остякъ приближается (по теченію Оби между Бѣлогорьемъ и Березовымъ). Когда у меня въ каютѣ каюка Куноватскій князь со своимъ семействомъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ бесѣдахъ, мнѣ нужно было нѣсколько часовъ для того, чтобъ уничтожить остававшіеся въ воздухѣ слѣды его посѣщенія. Вообще хозяйки мало заботятся о чистотѣ, но еще меньше сами хозяева, хотя на югѣ остяки заводятъ бани и иногда моются. Все это однако же не мѣшаетъ хозяйкамъ плести ковры, совершенно сходные съ таковыми же жителей Камчатки, Тихаго океана и угасшихъ уже на землѣ обитателей свайныхъ построекъ въ Швейцаріи: это ковры изъ растительныхъ продуктовъ, ситника и осоки. На югѣ остяки прекрасно обработываютъ крапиву, дѣлая изъ нея холсты, — притомъ нѣкоторыя изъ орудій для обработки крапивы совершенно напоминаютъ таковыя же изъ остатковъ каменнаго вѣка, каковыя мнѣ удавалось находить на Сѣверѣ Россіи. Это изобрѣтеніе — обработку и примѣненіе крапивы, кажется, не давно кто-то вновь сдѣлалъ въ Западной Европѣ. Къ пищѣ остяковъ, кромѣ прежнихъ продуктовъ которые несомнѣнно во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлались болѣе скудны, естественно прибавился новый — хлѣбъ; на Югѣ остяки пекутъ его въ юртахъ, по среднему теченію Оби въ печкахъ, устраиваемыхъ отдѣльно отъ жилья; здѣсь же пробиваются уже и другіе способы приготовленія хлѣба, весьма многообразные: хлѣбъ дѣлается съ икрой, кровью, бѣличьими кишками. Именно: съ икрой напр. остячка дѣлаетъ тѣсто такъ: сухую икру разбалтываетъ въ водѣ, затѣмъ прибавляетъ сюда муку и снова мѣситъ, полу-

чая тѣсто; такимъ же образомъ готовитъ она тѣсто съ кровью, причемъ послѣдняя замѣняетъ икру, то же самое съ бѣличьими кишками; кишки толкутся, — получается кашица, которая разжижается водой, за тѣмъ прибавляется мука, замѣшивается и является тѣсто. Тѣсто разминается въ корытѣ, потомъ хозяйка, отстраняя со своихъ колѣней, за чистоту которыхъ нельзя конечно ручаться, всё свое скудное одѣяніе, раскатываетъ на нихъ тѣсто и получаетъ лепешки. Ихъ она уже печетъ въ золѣ, поджариваетъ около пламени или варитъ въ котлѣ, въ рыбьемъ жирѣ. Наконецъ у самыхъ сѣверныхъ остяковъ и самоѣдовъ господствуетъ хлѣбъ русскаго приготовленія — Обдорскаго. Въ началѣ осени русскіе въ Обдорскѣ начинаютъ напекать хлѣбъ въ громадныхъ количествахъ, такъ что къ зимѣ, особенно къ Обдорской ярмаркѣ, выпекается хлѣба въ Обдорскѣ до 80,000 ковригъ. Предварительно до продажи, за мѣсяцъ или полтора онъ складывается въ амбары, какъ дрова; ковриги смерзаются, запосятся спѣгомъ, — что это за хлѣбъ, я подожду случая впослѣдствіи дать болѣе подробный отчетъ о немъ. Остяки и самоѣды, закупая его полѣнницами, везутъ въ тундры, въ запасъ на цѣлый годъ; какъ они его тамъ ѣдятъ, я тоже еще не видалъ.

Приведу теперь нѣсколько примѣровъ о домашнихъ заработкахъ остяковъ. Вотъ примѣръ остяка, живущаго въ наиболѣе изобильной звѣремъ мѣстности и въ годъ наиболѣе благопріятный для промысла. «Павелъ Есенковъ изъ Ендырскихъ юртъ, 34 года; у него — жена, за нее калыму не платилъ, воровалъ; съ ея отцемъ мирился за похищеніе дочери съ уплатой 3 руб., $^1/_2$ ведра водки и далъ сукна. Осенью, спустя недѣли 3 послѣ Покрова, ходилъ за промысломъ по Ендырю, верстахъ въ 15—25 отъ юртъ, вдвоемъ съ племянникомъ, лѣтъ 18; собакъ было 7. Ходили недѣлю, добыли 60 бѣлокъ, раздѣлили ихъ пополамъ; ходили вдвоемъ еще дѣнъ 8, добыли 80 бѣлокъ, потомъ ходили дней 6, добыли 35 бѣлокъ. Ходилъ одинъ сначала 5 дней, добылъ 30 бѣлокъ, потомъ 3 дня и добылъ 20 бѣлокъ. Затѣмъ пошли въ гору вчетверомъ, собакъ было въ артели 12; ходили $1^1/_2$ мѣсяца; сперва

добыли 2-хъ лосей, 6 оленей, да соболя. Послѣ, какъ сдѣлались морозы, убили 10 лосей и 2-хъ оленей; одного оленя нашли задавленнаго волками, полуизъѣденнаго; волковъ было штукъ полтараста, а оленя задавили 3 волка. Когда назадъ пришли, снѣгъ растаялъ, стали рыбу ловить для пропитанія; 3 лосины отдалъ въ счетъ стараго долга за 15 руб. Башмакову. Потомъ нанялся въ работники, взялъ еще зимой 23 р.; поборовъ было много на подводы. Ждали сначала одного большого начальника и было собрано съ души по 1 р. 50 к., въ счетъ денегъ брали бѣлку по 8 коп., потомъ ожидали другаго, опять было собрано по 1 р. 20 к. На станціи стояло 35 лошадей въ теченіи 15—20 сутокъ. Съ лошадями стояло много людей, которые также нанимались. Ожидавшіе голодали сами, да и семьи дома шли почти по міру». Если сосчитать весь приходъ этого остяка звѣрями на его собственно долю, то онъ получитъ за весь періодъ охоты 138 бѣлокъ, 3 лося, 2 оленя, $^1/_4$ соболя; въ переводѣ на деньги, если считать бѣлку всю по 12 коп., лося по 5 руб. за шкуру, оленя по 1 р. 50 к., соболя въ 6 р., ему слѣдовало бы получить около 36 руб.; изъ этой суммы остякъ уже отдалъ 3 шкуры лося въ счетъ долга за 15 р.; затѣмъ считая по 8 коп., въ палогъ за 1 р. 50 к. онъ отдалъ 20 бѣлокъ, еще въ палогъ за 1 р. 20 к. онъ отдалъ 15 бѣлокъ, пороху 1 ф. онъ израсходовалъ на 10 бѣлокъ, свинцу и дроби $2^1/_2$ фунта на $7^1/_2$ бѣлокъ, считая по 3 бѣлки за 1 фунтъ, если включить сюда собственно ясакъ въ 75 к., за который онъ платитъ 10 бѣлокъ, то на все это остякъ уже долженъ израсходовать 62 бѣлки; если же сюда прибавить еще обыкновенныя повинности, которыя онъ платитъ вмѣстѣ съ ясакомъ повсемѣстно, всего съ ясакомъ отъ 2 р. 75 к. до 3 р., то по крайней мѣрѣ за остающееся количество повинностей въ 2 р. онъ долженъ внести 20 бѣлокъ, всего 82 бѣлки; изъ 138 у него останется только 56 бѣлокъ, 2 оленя и $^1/_4$ соболя на свои расходы, всего на сумму около 11—12 руб., если только у него нѣтъ иныхъ долговъ. Но если представить, что остяку нуженъ хлѣбъ, обувь, одежда и проч. продовольствіе, то онъ конечно долженъ

снова должать или идти въ работники, какъ и сдѣлалъ Есенковъ со многими другими товарищами, притомъ не нужно забывать, что когда онъ вышелъ изъ лѣса, то конечно не отказалъ себѣ въ удовольствіи испытать: корейта-унда и можетъ быть не одинъ разъ: передъ началомъ промысла, послѣ благополучнаго его окончанія, нужно было зайдти къ тому *тонгу*, возблагодарить этого *мэнга* и т. д. Можетъ быть такія-то потребности и заставили остяка идти въ работники и кромѣ полученныхъ 23 р. онъ, вѣроятно, успѣетъ еще задолжаться. Въ случаѣ, если года бываютъ менѣе изобильны, остяки получаютъ меньше и еще больше входятъ въ долги. Нерѣдко неурожайные годы на звѣря, скудные рыбой, вводятъ остяка въ безвыходное положеніе. За недостаткомъ времени, не увеличиваю больше примѣровъ, доказывающихъ ту неизбѣжную необходимость, по которой остякъ, сообразно съ своими заработками, долженъ становиться въ зависимости отъ другимъ. Укажу только на тотъ печальный путь, въ которомъ онъ ищетъ исхода, но который вовлекаетъ его еще въ большую нищету.

Остякъ не любитъ надъ чѣмъ нибудь долго думать, останавливаться мысленно, высчитывать: у него есть люди, которые объ немъ заботятся, думаютъ, разсчитываются за ясакъ и налоги, доставляютъ ему хлѣбъ, соль, все, что онъ пожелаетъ, не жалѣютъ ему даже денегъ. А между тѣмъ, что съ него возмешь? — У него ни чего ни позади, ни впереди, помретъ, съ кого искать? Приходитъ, напримѣръ, остякъ просить денегъ въ долгъ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ уважаемый человѣкъ: — на что тебѣ? — Весь погорѣлъ. Что же сгорѣло? — Юрта сгорѣла. Слѣдовательно юрта, да лоскутья въ ней все имущество остяка. Такимъ-то образомъ и приходится «кормить» остяковъ людямъ болѣе состоятельнымъ. — Автору статьи: «О сочиненіи Григорія Новицкаго:» Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, «писанномъ около 1715 года», напечатанной въ Извѣстіяхъ И. Р. Г. Общ. за 1875 г. № 1, конечно будетъ пріятно узнать, что фамилія

Новицкаго не исчезла въ Тобольской губерніи. Нынѣ, какъ разъ въ той самой Кондинской волости, гдѣ авторъ «сочиненія объ остяцкомъ народѣ» былъ надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками христіанскихъ обязанностей и гдѣ онъ былъ впослѣдствіи убитъ, существуетъ село Шаркалинское, почти исключительно населенное Новицкими. Изъ разсказа старѣйшаго въ родѣ я узналъ, что предокъ нынѣшнихъ Новицкихъ былъ полякъ, что̀ предполагается и о Григоріѣ Новицкомъ, именно, онъ былъ полякъ или малороссіянинъ военно-плѣнный, поселенный въ Сибири. Какъ авторъ древняго сочиненія тѣсно связалъ свое имя съ судьбами остяковъ, такъ и нынѣшніе Новицкіе, можетъ быть его потомки, стоятъ на той же дорогѣ. Они кормятъ остяковъ, обуваютъ, одѣваютъ ихъ, несутъ за нихъ ясакъ и подати на громадномъ протяженіи, начиная отъ Кондинска и Шеркаловъ по Большой и по Малой Оби далеко за Березовъ, на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, также по всему Казыму, по Сосвѣ и пр.; при всемъ томъ они арендуютъ у инородцевъ большую часть песковъ, доставляя имъ кусокъ хлѣба. Въ условіе они, между прочимъ, ставятъ только одно, напримѣръ по р. Сосвѣ; за пудъ хлѣба, стоющій на Оби, отъ Сухорукова до Березова, отъ 30 до 35 к., берутъ 10 бѣлокъ, на бѣлку — 2 фунта соли; 1 ф. табаку — 5 бѣлокъ; одна бѣлка 4—5 мѣдныхъ колецъ; одна четвериковая сальная свѣча — 1 бѣлка; такимъ образомъ пудъ хлѣба обходится остяку, считая бѣлку во всѣхъ случаяхъ среднимъ числомъ по 12 к. — 1 р. 20 к., а бѣлка придетъ г-амъ Новицкимъ въ 4 к., вмѣсто 12 к., притомъ если настоящую стоимость хлѣба принять въ 40 к ; пудъ соли станетъ остяку 2 р. 40 к., а принимая настоящую стоимость соли черной, печищенной въ 80 к., бѣлка обойдется покупателю въ 4 к., фунтъ табаку, стоющій много 15 к., обойдется остяку 60 коп. а бѣлка покупателю — 5 к. *), 100 мѣдныхъ колецъ стоитъ въ Ирбити

*) При отобраніи этихъ показаній, одинъ изъ господъ Новицкихъ замѣтилъ мнѣ, что собственно имъ, хозяевамъ, идетъ за фунтъ табаку только 4 бѣлки, а пятую беретъ прикащикъ.

50 к., слѣдовательно 5 мѣдныхъ колецъ = $2^1/_2$ к. = 1 бѣлкѣ, если фунтъ сальныхъ свѣчей представить равнымъ 20 к., то $^1/_4$ = 5 = 1 бѣлкѣ. (Данныя взяты изъ біографіи остяка Даниды Маримьянина, записанной у меня въ дневникѣ, цифры стоимости давались имъ въ сообществѣ и другихъ бывшихъ на лицо, его товарищей). При выѣздѣ моемъ изъ Самарова мнѣ встрѣтилась лодка, принадлежащая одной только вѣтви Новицкихъ. Въ ней было кромѣ всякихъ другихъ мѣховъ 50,000 бѣлокъ, шедшихъ на ярмарку; по выше приведеннымъ даннымъ, стоимость бѣлки среднимъ числомъ, мѣной на товаръ, обойдется въ 4 к., слѣдовательно за 50,000 — они заплатили 2000 р., если они продадутъ ихъ на ярмаркѣ по цѣнѣ, стоявшей нынѣ на свободѣ по долинѣ Оби, по 14 к., то пріобрѣтутъ 5000 барыша; съ инородческихъ песковъ гг. Новицкіе нагружаютъ до 3 большихъ паволковъ всякаго рода рыбой, за обыкновенную существующую по р. Оби низкую арендную плату, между тѣмъ какъ остякъ прикормленный ими, надѣленный хлѣбомъ, состоящій имъ кругомъ въ долгахъ, не имѣетъ права отдавать ни песковъ, ни пушнаго товара въ какія либо другія руки. Въ какой степени дѣйствуютъ гг. Новицкіе при всѣхъ этихъ неусыпныхъ заботахъ и попеченіяхъ объ остякахъ, въ духѣ того христіанскаго ученія, котораго можетъ быть ихъ предокъ былъ однимъ изъ первыхъ проводниковъ, — предоставляю судить другимъ. Послѣ этого примѣра кстати приведеннаго мною по двойному его научному интересу, я не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности въ отношеніяхъ между остяками и ихъ «кормильцами», изъ коихъ послѣдніе заняли даже свои опредѣленныя области по теченію Иртыша и Оби, также по побочнымъ притокамъ этихъ рѣкъ, въ которыхъ кормленіе остяковъ кажется еще болѣе привлекательнымъ для кормильцевъ, по глухому и часто совершенно изолированному ихъ положенію, въ силу чего здѣсь и можно быть въ той или другой степени самостоятельнымъ; тамъ, гдѣ кто либо достигъ такого идеала, — значитъ хорошо, можно быть вполнѣ самостоятельнымъ и безконтрольнымъ. Но въ

особенности на главныхъ рѣкахъ стоитъ нерѣдко между кормильцами сильная борьба за области или преобладаніе, то, что въ общежитіи называютъ конкуренціей, и чтобъ выйдти изъ нее побѣдителемъ, нужно занимать удобное географическое положеніе, т е. имѣть постоянное жительство между остяками, или жить въ центрѣ ихъ земель, какова напр. Кондинская волость, нужно начать пріучать остяковъ къ хлѣбу съ болѣе или менѣе древнихъ временъ, т. е. ихъ прикармливать. Даже этихъ двухъ условій достаточно, чтобъ считать прочнымъ свое положеніе даже въ центральномъ, бойкомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сталкиваются два, три кормильца, пришлеца; они всѣ задаютъ впередъ деньги хорошему охотнику (или рыбаку), въ разное время и въ немаломъ количествѣ. Но въ 1870 году при бывшемъ хорошемъ урожаѣ кедровыхъ орѣховъ съ одного ничтожнаго клочка кедровника, уцѣлѣвшаго по какому-то случаю отъ лѣсныхъ пожаровъ, было выношено до 13000 пудовъ орѣховъ сравнительно небольшимъ количествомъ Ендырскихъ остяковъ, получившихъ за орѣхи до 21,000 руб.; небольшая часть изъ этихъ денегъ пала на долю русскихъ, собиравшихъ орѣхи, часть была уплачена въ казну тысячъ до 3000, все же остальное было пропито; то же самое и съ остякомъ-охотникомъ, получающимъ впередъ деньги подъ звѣря; еще до начала промысла онъ все промотаетъ, или если выйдетъ изъ лѣсу со шкурами, то въ крайней нуждѣ, которая и влечетъ его къ кормильцу, занимающему центральное положеніе, который ближе всѣхъ и дорога къ которому пробита его дѣдами и прадѣдами, и къ которому онъ самъ ходитъ за необходимыми ему въ нуждѣ крохами хлѣба зиму и лѣто. При такихъ то условіяхъ конкуренція ложится на остяковъ еще болѣе тягостно; остякъ, уплачивая долгъ ближайшему хозяину, начинаетъ бѣгать, скрываться отъ остальныхъ, которыхъ долгъ онъ чувствуетъ за собой. При такихъ то условіяхъ можно всегда вѣрить торговцамъ, что долги за инородцами остяками пропадаютъ или остаются за ними на весьма долгое время; всѣ же другіе случаи пропажи долговъ нужно подвергнуть крайнему

ограниченію, кромѣ одного, съ которымъ и я вполнѣ буду согласенъ: это бываетъ тогда, когда вымираютъ не только задолжавшіеся отцы, но и ихъ дѣти и все ихъ потомство, тогда долги всѣ конечно пропадаютъ... И прежде чѣмъ привести изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ одинъ или два въ пользу того, что за остяками въ большинствѣ случаевъ долги не пропадаютъ, если только кто либо изъ потомковъ задолжавшагося остается въ живыхъ, я позволю здѣсь сдѣлать себѣ въ пользу этого одно наведеніе чисто научнаго характера. Фамиліи всѣхъ русскихъ, занимавшихъ издавна центральное положеніе между остяками и вліявшихъ на нихъ экономически, имѣютъ чрезвычайно много представителей, т. е. сильно расплодились, тогда какъ всѣ онѣ происходятъ отъ единичныхъ личностей; еслибъ собрать въ полной степени точныя статистическія данныя, то можно было бы несомнѣнно придти къ заключенію, что въ долинѣ Оби изъ русскихъ преимущественно плодились: торгующіе казаки, бывшіе вахтера запасныхъ хлѣбныхъ и соляныхъ магазиновъ, отчасти лица духовнаго сословія, однимъ словомъ всѣ тѣ лица, которыя стояли въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ остякамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя по преимуществу должны были пещись о пользѣ и благѣ инородцевъ. Такъ на Оби изъ торгующихъ господствуютъ фамиліи Кайгородовыхъ, Протопоповыхъ, Новицкихъ, Нижегородцевыхъ, Плехановыхъ, Карповыхъ. Большая часть Березовскихъ казаковъ — Шаховы, первоначальный прародитель которыхъ первый пришелъ въ Березовъ и сокрушилъ здѣсь остяцкаго— Нувый-ази (Ѣманъ тоже), перенесеннаго за тѣмъ въ Тегинскія юрты. (По преданію остяковъ). Въ рукахъ этихъ фамилій сосредоточены капиталы, вліяніе на мѣстную экономическую жизнь, притомъ есть нѣкоторыя, владѣющія капиталами, но или не имѣющія особенной плодовитости (Буторины, изъ вахтеровъ) или плодовитыя только на дочерей и поэтому служащія умпротворяющимъ элементомъ для сплачиванія другихъ фамилій, черезъ порожденіе между ними родства. (Черезъ родство едвали все болѣе и болѣе не упрочивается неприкосновенность многихъ обла-

стей для кормленія остяковъ). Я почелъ долгомъ привести этотъ фактъ размноженія тѣхъ или другихъ фамилій потому, что онъ находится въ соотношеніи съ одновременно совершающимся съ нимъ фактомъ вымиранія остяковъ. Природа представляетъ намъ много явленій аналогичныхъ этому, для вывода падлежащихъ умозаключеній; напр. въ яйцѣ первоначально существуетъ только ничтожное зародышевое пятнышко, но когда въ силу неизмѣнныхъ законовъ оно начинаетъ развиваться, то поглощаетъ первоначально окружающій его желтокъ, затѣмъ бѣлокъ и дѣлается тогда уже весьма замѣтнымъ зародышемъ или цѣлымъ организмомъ. Мнѣ приходитъ на умъ еще другое біологическое явленіе изъ жизни сравнительно низко организованныхъ животныхъ, уподобляющееся отношенію кормильцевъ къ остякамъ. Это фактъ замѣчательнаго ухаживанія муравьевъ за травяными вшами, при которомъ первые холятъ, очищаютъ, стерегутъ отъ всякой опасности послѣднихъ; притомъ оказывается, что у трудолюбиваго насѣкомаго простой разсчетъ, — онъ хочетъ воспользоваться за свои труды тѣмъ нектаромъ, который выдѣляютъ невзрачныя, покровительствуемыя имъ созданія. И нужно думать, что муравей гораздо болѣе благороденъ въ своей роли, чѣмъ тѣ изъ Обскихъ торгующихъ, которые говорятъ о себѣ, что остяки ихъ раззоряютъ, не платятъ имъ долговъ и что они, торгующіе, кормятъ остяковъ изъ благодѣянія. — О томъ, что остяки платятъ свои долги не только за себя, но и за отцовъ и дѣдовъ своихъ,— говорится во всѣхъ объ нихъ описаніяхъ, не только научныхъ, но и популярныхъ. Прибавлю къ этому слѣдующее; мнѣ извѣстенъ остякъ въ Маломъ Атлымѣ, который, оставшись отъ отца 10-ти лѣтнимъ, до сихъ поръ, въ теченіи 15 лѣтъ заслуживаетъ долги своего отца, живя въ работникахъ, причемъ ему конечно неизвѣстно, былъ ли его отецъ долженъ и дѣйствительно ли столько, сколько говорятъ, притомъ нужно сказать, что рѣдкій остякъ знаетъ величину своихъ собственныхъ долговъ. Онъ знаетъ, что долженъ и иногда говоритъ долгъ вдвое больній, чѣмъ у него можетъ быть; онъ взялъ хлѣба, холста, знаетъ тогда-то,

тогда-то бралъ, по сколько за это поставятъ,—полагается на добросовѣстность торгующаго. А въ какой степени на нее нужно полагаться, можно видѣть изъ слѣдующаго. Послѣ смерти стараго князя Артанзіева, сынъ его, нынѣшній князь, встрѣтился съ нѣкоимъ Булатниковымъ, проживающимъ въ селѣ Кушеватскомъ, который говоритъ князю, что отецъ его былъ долженъ ему Булатникову и чтобъ покрытать этотъ долгъ, князь бы заплатилъ ему 15 р. денегъ и отдалъ бы принадлежащій ему, князю, соръ для рыбной ловли въ теченіи 5 лѣтъ, что и было исполнено, хотя Артанзіевъ не имѣлъ никакого понятія и никакихъ данныхъ о долгахъ своего отца. Нынѣ прошло 20 лѣтъ со смерти стараго князя, а Булатниковъ все еще говоритъ Артанзіеву, не пора, долгъ еще не кончился, онъ долженъ еще владѣть соромъ и ловить въ немъ рыбу.

Но, чтобъ не стоять на мелочахъ, обращусь къ главнѣйшему источнику, изъ котораго остякъ могъ бы черпать себѣ благосостояніе; это конечно Обь, которую не поглотитъ пожаръ и теченіе которой не остановитъ никакая земная сила; но остякъ умѣетъ изъ огня выходить цѣлымъ, изъ воды сухимъ, попросту нищимъ; въ его владѣніяхъ, часто его собственными руками теплые люди жаръ загребаютъ. Вотъ примѣръ. По Иртышу, около Романова, на Филинскомъ пескѣ, принадлежащемъ остякамъ, арендаторъ нѣсколько лѣтъ назадъ выловилъ и продалъ 1000 осетровъ, по пуду среднимъ числомъ каждый; взявши за пудъ по 5 р., онъ получилъ 5000 руб., затѣмъ язя, щуки, стерляди добылъ до 1000 пудовъ, по 2 р. за пудъ, онъ получилъ 2000 р., не считая до 18,000 шт. всякой другой, мелкой рыбы. Если ему содержаніе неводовъ и рабочихъ обойдется, по самому большому масштабу 2000 р., то онъ получитъ чистаго барыша въ лѣто съ песка — 5000 р. с., платя за него какихъ нибудь презрѣнныхъ 100—150 р., и то по большой части гнилымъ товаромъ, такъ какъ арендаторъ—мѣстный житель. Теперь возьму для примѣра другой песокъ, на Оби, въ самомъ бойкомъ мѣстѣ, и одинъ изъ

лучшихъ и постоянный — Бѣлогорскій. Онъ, какъ и большая часть песковъ, гдѣ живутъ остяки съ русскими, принадлежитъ имъ пополамъ. Остяки отдаютъ свою половину въ аренду, такъ что въ ловлѣ крестьяне чередуются съ арендаторомъ посуточно. Крестьяне ловятъ 3-мя артелями и добываютъ въ лѣто и осень, считая на всѣ три артели:

Сырка	30,000 головъ, по 2 коп. за штуку.	600 р.
Муксуна	3,000——=360 пуд., по 3 р. пудъ.	1080 »
Нельмы	180 головъ, по 50 к. голова . . .	90 »
Осетра	150——=150 пуд. *) 3 р. пуд. .	350 »
Язя	750 пуд., 80—90 к. пудъ	630 »
Щуки	900 пуд., 25—55 к. пудъ	495 »

Нельмы осенней мѣрной:

не менѣе 8 вершковъ	195 пуд.	по 3 р.	485 р.
» » 7 »	150 »	» 1 » 90 к. . .	285 »
Ножавки или сырковки	120 »	» 1 » — » . .	120 »
Налима	210 »	»— » 50 » . .	105 »

Слѣдовательно крестьяне тремя артелями вылавливаютъ въ лучшемъ случаѣ рыбы на 4240 руб. по мѣстнымъ цѣнамъ. Неводъ стоитъ имъ на каждую артель — 300 руб., на все общество 900 руб., не считая работы, которая идетъ у нихъ на устройство невода; но такъ какъ въ ловлѣ участвуютъ только 39 человѣкъ, а всѣхъ крестьянъ собственниковъ 78, то ловящіе покупаютъ у остальныхъ 39, неучаствующихъ въ ловлѣ, ихъ право на песокъ за 91 руб. въ лѣто. За вычетомъ этихъ расходовъ, приходится участвующимъ въ ловлѣ крестьянамъ около 80 руб. на человѣка за трудъ по неводьбѣ. Естественно думать, что то же количество рыбы вылавливаетъ и арендаторъ на ту же сумму, такъ какъ онъ располагаетъ своими сутками, какъ и крестья-

*) По 3 р. за пудъ мѣрнаго осетра, до 5 четв., а недостающій даже $^1/_2$ вершка, идетъ за половинную цѣну.

не. Расходы у него слѣдующіе: два невода, можетъ быть большіе, чѣмъ у крестьянъ, стоимость ихъ много—700 руб.; жалованья 26 рабочимъ по 25 руб. (оно можетъ быть и меньше, какъ я твердо убѣдился на сѣверѣ при дальнѣйшемъ путешествіи) и 100 руб. башлыку—750 руб., содержанія имъ на 215 руб. (табакъ, бродни, рукавицы, хлѣбъ). Всего 700+750+215=1665 р. Вычитая эти расходы по неводу и по всѣмъ затратамъ на содержаніе рабочихъ изъ 4240 руб., — найдемъ 2575 руб., которые получилъ бы арендаторъ, еслибъ продалъ рыбу тутъ же на мѣстѣ, при всѣхъ тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, при какихъ продаютъ ее крестьяне: покупатели бы нашлись, такъ какъ уже въ Тобольскѣ за нее можно получить цѣну въ полтора раза большую, даже двойную. Но оставаясь при мѣстныхъ условіяхъ, арендатору изъ 2575 руб. нужно заплатить 62 руб. годовой арендной платы остякамъ, на 13 руб. выпоить имъ водки, что было бы знакомъ крайней милости, и еще болѣе бы закрѣпило за нимъ песокъ (крестьяне даютъ остякамъ за песокъ 100 руб. въ годъ, но они отказываются). Затѣмъ арендатору остается 500 руб. откладывать отъ дохода на случай неуловнаго года, что въ теченіе лѣтъ 5 можетъ случиться хотя одинъ разъ. И при всѣхъ этихъ условіяхъ доходъ съ песка въ 2000 руб. сер. ежегодно будетъ прочно ему обезпеченъ.

Нужно думать однако же, что остяки сравнительно дешевле отдѣлываются отъ своихъ кормильцевъ, чѣмъ такіе же вотчинники на рыболовные пески, — крестьяне, которые во многихъ случаяхъ закабаляютъ не только пески свои капитальнымъ рыбакамъ, но даже и лично себя. Я приведу здѣсь выписку изъ контракта, изъ которой будетъ видна и сѣистема заготовленія рыбы для продажи. Рыба, выловленная въ теплое время, лѣтомъ,— солится; въ это время вода повсемѣстно въ долинѣ Оби теплая, нагрѣтая, подергивается массой водорослей, діатомей, «вода цвѣтетъ» какъ здѣсь говорятъ; да и рыба въ это время дряблая, мягкая, даже положенная въ спиртъ, скоро портится, разла-

гается; въ жары рыба любитъ воду свободную, свѣжую, она ищетъ себѣ приволья, корма, отъѣдается; въ жаркое лѣто, по солнечнымъ днямъ, она любитъ всплывать на поверхность воды, какъ бы дышетъ здѣсь свѣжимъ воздухомъ, ловитъ мошекъ, комаровъ, липку,—говорятъ: «экая погода, даже рыба играетъ». Рыбу, выловленную въ этотъ періодъ, солятъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ жары начинаютъ упадать, вода холодѣетъ,—отъѣдается и рыба, она становится плотной, крѣпкой и выносчивой. — такую здѣсь, на всемъ протяженіи отъ устья Иртыша до Березова, садятъ въ сады, въ которыхъ она живетъ до самыхъ значительныхъ заморозовъ; когда холодъ сдѣлается постояннымъ, рыбу вынимаютъ неводами изъ садовъ и замороженную везутъ на продажу въ Тобольскъ, въ Екатеринбургъ, въ Ирбитъ, къ Нижній, въ Москву, и она даже доходитъ до Петербурга. Вотъ условія, на которыхъ крестьяне одного села при рѣкѣ Оби ловятъ эту рыбу: «1) Мы, крестьяне такіе то и такіе то съ товарищами, по обоюдному нашему соглашенію, условились съ ними (рыбопромышленниками), такими то и такими то, производить въ лѣто сего года рыбопромышленность стрежевыми неводами на принадлежащихъ намъ рыболовныхъ пескахъ и добываемую нами разнаго рода рыбу съ самаго начатія промысла сдавать имъ, рыбопромышленникамъ, свѣжую въ соль, по условленнымъ цѣнамъ, а именно: осетра мѣрнаго (одинъ пудъ до $1\frac{1}{2}$ и болѣе пудовъ вѣсомъ) по 1 руб. 15 к. за голову, нельму мѣрную 45 к., муксуна обыкновенно 12 к., сырка, язя и щуку по 2 к., нельму недомѣрка $22\frac{1}{2}$ к.; а когда будетъ удобно, по выпадкѣ изъ подъ воды земляныхъ садовъ, обязаны таковую садить всю безъ изъятія въ подобные сады; а во время осени должны имѣть неослабное наблюденіе за садами, чтобы въ оныхъ не было ущербу или упадка рыбы отъ нерадѣнія и недосмотра нашего. Въ случаѣ же отъ воли Божіей послѣдуетъ какой либо упадокъ рыбы, то за это намъ не отвѣчать, такъ равно и съ хозяевъ иску не чинить: а по заморозу рѣкъ въ удобное время обязаны мы, крестьяне, выневодить изъ садовъ всю посаженную рыбу и заморозить въ самомъ

лучшемъ видѣ, хорошаго мороза и цвѣта, скласть таковую въ глухое мѣсто, дабы она отъ теплаго воздуха не могла попортиться, а когда хозяева потребуютъ для сдачи садовой рыбы, тогда безпрекословно каждый изъ насъ обязанъ явиться и сдать оную хозяевамъ по слѣдующимъ цѣнамъ: осетра мѣрнаго отъ 5 четвертей, муксуна и нельму отъ 9 вершковъ по 2 руб. 40 к. за пудъ, сырка 1 руб. 15 к. за пудъ, язя на 1 руб. за пудъ, щуку, налима уступить противъ существующихъ цѣнъ 12 к. съ пуда и сколько будетъ въ уловѣ разной рыбы, отнюдь на сторону, кромѣ ихъ, рыбопромышленниковъ, не сдавать за какіе либо частные долги.

2) Въ счетъ этого подряда мы, крестьяне, такіе то и такіе то съ товарищами, вырядили отъ нихъ, рыбопромышленниковъ, на каждый пай забору, какъ-то: хлѣбомъ и деньгами, съ неводнымъ матеріаломъ по тридцати рублей, — всего на тридцать шесть паевъ одну тысячу восемьдесятъ (1080) руб. Въ счетъ ихъ получили отъ рыбопромышленниковъ впередъ, на уплату податей за 2-ю половину 1875 г. по 6 руб. и ржаной муки по 10 пудовъ, цѣною по35 к., на 3 руб. 50 к., итого на каждый пай по 9 руб. 50 к., а остальное количество получить по приплаву баржи неводнымъ заведеніемъ и мукою.

3) По принятію отъ нихъ, рыбопромышленниковъ, неводныхъ обзаведеній, весною мы обязаны приступить къ сдѣлкѣ неводовъ своевременно и окончить таковые во всей исправности до появленія морской рыбы, а также приступить къ расчисткѣ принадлежащаго намъ рыболовнаго песка. Въ продолженіе рыбопромышленности должны быть съ должнымъ стараніемъ, не упуская изъ виду принадлежащія сутки и тони и никто безъ дозволенія артели не долженъ отлучаться на домашнія и другія работы.

4) По окончаніи всего лѣтняго промысла и по сдачѣ садовой рыбы должны сдѣлать съ рыбопромышленниками вѣрный расчетъ, и если противъ забора нашего окажется недоловъ рыбы, то причитающіяся съ насъ деньги обязаны заплатить имъ безъ недоимочно, по неимѣнію же таковыхъ въ наличіи, должны

поступить къ нимъ въ этотъ же подрядъ въ слѣдующемъ лѣтѣ на тѣхъ кондиціяхъ, какія по обоюдному нашему согласію условлены будутъ; буде же сверхъ забора будетъ переловъ рыбы, то предоставляемъ право имъ, рыбопромышленникамъ, зачесть таковой за расчеты, состоящіе на насъ по этому же подряду по неулову рыбы въ прошлые года».

Эта выписка говоритъ сама за себя; изъ контракта видна вся тяжесть условій, падающихъ на крестьянъ: здѣсь крестьяне на своемъ собственномъ пескѣ, со своими рабочими силами являются какъ бы крѣпостными; — хозяевами становятся — подрядчики-рыбопромышленники, интересъ которыхъ въ контрактѣ огражденъ со всѣхъ сторонъ. Крестьяне должны работать лѣтомъ при жарахъ, къ концу его въ сырости и слякоти, зимой на морозахъ и притомъ во всемъ подвержены отвѣтственности или своимъ карманомъ или постоянными долгами, закрѣпляющими ихъ въ одномъ и томъ же положеніи; мало выловилъ — давай, много выловилъ рыбы, тоже давай за нынѣшніе или старые годы, — рыбопромышленнику остается только получать рыбу во всей исправности по цѣнамъ самымъ низкимъ; пудъ мѣрныхъ: осетра, нельмы, максуна, тутъ же, въ этомъ селѣ или въ другихъ селахъ ближе или далѣе лежащихъ, продается на свободныхъ условіяхъ въ мороженномъ состояніи по 3 р. 50 к., слѣдовательно, если бы подрядчики продали рыбу тутъ, на крестьянскомъ пескѣ, то получили бы по 45% на рубль; на самомъ же дѣлѣ имъ пришлось бы еще больше, такъ какъ деньгами они израсходовали только 216 р., остальное — до 1080 р. — они уплатили неводными матеріалами и мукой. Оставляя въ сторонѣ коренные расчеты о возможной стоимости муки съ доставкою на мѣсто (доставка, по водѣ и по теченію, должна быть дешева, такъ какъ хлѣбъ гонится на баркахъ, силою рабочихъ, нанявшихся на лѣто, въ неводьбу, о чемъ будетъ еще рѣчь), укажу только на тотъ фактъ, что нынѣ же въ Елизаровѣ торговцы отдавали хлѣбъ, въ долгъ, безъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ рыболовству, по 30 к. за пудъ; если они надѣялись такимъ образомъ

выручить здѣсь не только свою цѣну, но и пріобрѣсти выгоду на хлѣбѣ, то подрядчики, по выше приведенному контракту, несомнѣнно взяли на рубль, уплачивая его хлѣбомъ по 35 к. за пудъ, по крайней мѣрѣ 15% лишнихъ, значитъ рыба уже обойдется имъ болѣе, чѣмъ на 60% дешевле ея дѣйствительной мѣстной стоимости. Такимъ то образомъ крестьяне, употребивши деньги на подати, сѣдятъ даже во время самаго рыболовства весь взятый ими хлѣбный запасъ (земледѣлія здѣсь не существуетъ), а осенью должны снова возобновить тотъ же приведенный мною контрактъ, на тѣхъ же условіяхъ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ недолова рыбы, денегъ имъ взять совершенно негдѣ. Но Елизаровцы еще болѣе счастливы, чѣмъ сосѣди ихъ, — крестьяне Сухоруковскіе.

1866 годъ засталъ Сухоруковцевъ состоящими въ подобномъ же вышеприведенному подрядѣ съ однимъ купцомъ рыбопромышленникомъ, владѣвшимъ тогда самыми лучшими песками по теченію р. Оби, до самаго ея устья. Лѣто этого года обрадовало Сухоруковскихъ крестьянъ замѣчательно хорошимъ уловомъ, такимъ, на какой весьма трудно было надѣяться. Рыбы ловилось столько, что прикащики купца едва могли управляться съ засоломъ ея; наконецъ дошло до того, что у нихъ истощилась вся соль; они должны были отказывать крестьянамъ въ пріемкѣ рыбы по неимѣнію соли, и просили ихъ пускать ее въ садъ; и такъ какъ прикащиками соли совершенно не было найдено, то посадка рыбы въ садъ, начавшись съ самаго жаркаго періода лѣта, долго продолжалась и наконецъ отъ жаровъ, отъ тѣсноты, частію вообще бывшей въ этотъ годъ слабости рыбы, она начала дохнуть. При начавшейся за тѣмъ попыткѣ, подъ руководствомъ прикащиковъ, выпеводить рыбу, большая часть ея была упущена. Изъ 150 головъ осетра разошлось по сору и издохло 90, изъ 600 головъ пельмы — 130, изъ 27,000 муксуна — 18,000, изъ 15,000 сырка — 10,000, всего, не считая мелкой рыбы, по самому умѣренному расчету на 5400 р. Кто же здѣсь виноватъ, на комъ должна лежать отвѣтственность за эту громадную утрату; чѣмъ въ контрактахъ гарантируется интересъ крестьянина?—

Если бы у купца рыбопромышленника было достаточно соли, то большая часть рыбы осталась бы у него въ бочкахъ, соленою; остальная, пущенная въ садъ въ меньшемъ количествѣ и уже въ болѣе окрѣпшемъ видѣ, имѣла бы больше шансовъ, вынести неволю; тогда не потребовалось бы выпеваживать рыбу не въ свое время, все бы пошло, безъ вмѣшательства въ дѣло прикащиковъ Еслибъ съ крестьянами случилась такая бѣда, что они не выпеводили бы изъ сада рыбу зимой въ теченіе долгаго времени, по какимъ либо домашнимъ обстоятельствамъ, то рыбопромышленникъ могъ бы придраться къ нимъ за несвоевременную доставку рыбы по первому требованію; на основаніи контракта, онъ могъ бы привести доводы. что время ушло. цѣны упали и т. д. Точно также онъ могъ бы придраться къ крестьянамъ, если бы они, получивши отказъ принимать рыбу въ соль, по недостатку ея у хозяина, унесли бы другому рыбопромышленнику. Между тѣмъ по отношенію къ крестьянамъ онъ другаго мнѣнія: «въ бочкахъ у меня рыбы нѣтъ, мороженною она не принята», а если и «послѣдовалъ» у крестьянъ упадокъ рыбы, то «отъ воли Божіей» и слѣдовательно онъ ничѣмъ за это не отвѣтствуетъ. Поступилъ бы этотъ рыбопромышленникъ нѣсколько болѣе человѣчно, если бы принялъ хотя часть бѣды на свою долю; но во время многолѣтней своей практики на поприщѣ рыбопромышленности по р. Оби онъ не привыкъ особенно вникать въ положеніе рыбаковъ и въ данномъ случаѣ, сложивъ съ себя всякую отвѣтственность за упадокъ рыбы, старые долги, причитающіеся по его счету на крестьянахъ села Сухорукова, пожертвовалъ, вмѣстѣ со всѣми другими, въ пользу благотворительныхъ заведеній въ Тобольскѣ. Уже достаточно очевидно изъ примѣра, выше мною приведеннаго, что крестьяне, въ теченіе десятковъ лѣтъ служащіе рыбопромышленнику, побуждаемые нуждой и часто крайностью, на выясненныхъ уже условіяхъ, были бы достойны нѣсколько лучшей участи, чѣмъ нынѣшніе Сухоруковскіе. Изъ 49 человѣкъ, участвовавшихъ въ подрядѣ у этого рыбопромышленника, на каждаго положено уже офиціально вносить на

благотворительныя заведенія, за долгъ, по 1 руб. въ годъ; нынѣ осталось изъ участвовавшихъ только 27, слѣдовательно они вносятъ уже много лѣтъ за всѣхъ; со временемъ число участвовавшихъ въ подрядѣ конечно еще уменьшится и тогда благотворительность рыбопромышленника тяжело ляжетъ не только на оплаканные рубли отцевъ, но и на рубли ихъ потомства.

Укажу еще на одинъ источникъ, съ помощію котораго торговцы наполняютъ свои суда, или посудины, по здѣшнему выраженію, всякаго рода рыбой изъ р. Оби. Со вскрытіемъ Иртыша, около Тобольска начинается оживленіе. Десятки барокъ, коченѣвшія до того времени во льду, начинаютъ чиститься, подновляться и грузиться всякаго рода товаромъ: мука, соль, табакъ, всякаго рода мелочь, побрякушки для остяковъ, кожи, бродни, бочки, осмоленныя сверху, и которыя мнѣ казались подозрительными: не оправдываютъ ли онѣ на себѣ пословицы, что «наружность бываетъ обманчива» тѣмъ болѣе, что иногда мнѣ даже и говорили, что на баркѣ есть водка для рабочихъ»; въ томъ то и дѣло, что въ фактѣ ея присутствія въ разныхъ посудинахъ, смоленыхъ и не смоленыхъ, я ни чуть не сомнѣвался; но потомъ убѣдился, что рабочему на промыслахъ не удается даже понюхать того мѣста, гдѣ она лежитъ. Наконецъ является и самый дешевый товаръ на баркѣ — сами рабочіе, въ большинствѣ случаевъ они то же нагружены спиртомъ; но въ нихъ онъ проявляетъ свое естественное свойство скоро испаряться, въ силу чего они снова исчезаютъ съ барки на берегъ, чтобы найдти доступъ къ тому, что для нихъ надолго потомъ сдѣлается недоступнымъ. Барка нагружена, стоитъ, ждетъ рабочихъ, но ихъ нѣтъ, хозяинъ горюнится. Ищутъ ихъ, собираютъ, иногда грузятъ на барку едва живыхъ отъ переполненія спиртомъ; но это для нихъ — послѣднее удовольствіе. Иногда предусмотрительные хозяева за нѣсколько дней до отплытія барки садятъ рабочихъ въ полицію, еслибъ они были и трезвы, дабы сохранить ихъ отъ пагубной страсти, для удовлет-

ворсніи которой кажется загадочнымъ. гдѣ рабочіе берутъ средства, такъ какъ ничтожныя деньги подъ работу еще съ осени забираются впередъ. Они по большей части люди бывалые, съ Камы. съ Волги, изъ разныхъ частей Россіи поселенцы, также мѣстные жители: крестьяне, татары, бухарцы; многіе изъ нихъ, еслибъ они жили при Ермакѣ, пошли бы съ нимъ въ самыя невѣдомыя страны, покорять Сибирь, Китай, Индію, и руководимые умнымъ, сильнымъ нравственно, энергичнымъ и справедливымъ человѣкомъ, терпѣливо, безъ ропота несли бы всѣ трудности и лишенія на пользу предпринятаго дѣла. Несутъ они эти трудности и здѣсь, но едвали всегда подъ руководствомъ людей прочно установившейся нравственности и чувства справедливости. — Съ отплытіемъ барки изъ Тобольска начинается одна изъ самыхъ трудныхъ обязанностей рабочаго. Барка идетъ, какъ здѣсь говорятъ, «своссильно», по теченію. Но всѣмъ, знакомымъ или научно или на опытѣ съ сѣверомъ Азіи и даже Россіи, хорошо извѣстно, что отъ береговъ Камчатки «до Финскихъ хладныхъ скалъ», по всѣмъ большимъ и малымъ рѣкамъ, во всѣ времена года, изъ чего и весна не составляетъ исключенія, преобладаютъ вѣтры сѣверные, какъ разъ противные ходу всѣхъ Обскихъ «посудинъ», пробирающихся иногда со своимъ грузомъ далеко къ сѣверу, тысячи за полторы, за двѣ и болѣе верстъ отъ Тобольска; при такихъ то условіяхъ посудина, какая бы она ни была, недалеко уйдетъ къ мѣсту своего стремленія. Между тѣмъ хозяинъ торопится, боится опоздать къ промыслу и тутъ уже рабочій не имѣетъ ни днемъ, ни ночью покоя; ему нужно сидѣть въ гребяхъ на громадной и неуклюжей посудинѣ, владѣть веслами, имѣющими форму едва обтесанныхъ бревенъ, подъ противнымъ, нерѣдко крѣпкимъ вѣтромъ; нужно заботиться, чтобъ барку не нанесло на мель; если сѣла она, нужно лѣзть въ холодную весеннюю воду. За наступающую въ немъ вялость и утомленіе онъ получаетъ потасовки и подзатыльники — привычка, которая до такой степени на посудинахъ вошла въ обычай, что съ нихъ распространяется на суда болѣе изящныя, появившіяся на

водахъ р. Оби съ цѣлями болѣе высокими. Сплавъ судна, это только косвенная работа; главное назначеніе рабочихъ — неводьба на тѣхъ пескахъ, которые арендуются рыбопромышленниками отъ инородцевъ. Но прежде, чѣмъ сдѣлать набросокъ общей жизни рабочаго на пескѣ—мѣстѣ удобномъ для рыболовства, замѣчу, что на каждый неводъ, длиною отъ 350 до 500 ручныхъ маховыхъ саженей (отъ 700—1000 метровъ), полагается 8—9 человѣкъ рабочихъ, кромѣ береговаго — рабочаго, обязаннаго слѣдить за починкой невода и башлыка, главнаго лица при неводѣ, который руководитъ неводьбой, исправляетъ неводъ сообразно съ требуемыми при рыболовствѣ общими и мѣстными условіями: глубиной рѣки, быстротой и пр. Я подъѣзжаю къ любому песку, подхожу къ первой такъ называемой артели рабочихъ, стоящихъ за однимъ неводомъ. Оказывается при неводѣ 9 рабочихъ рядовыхъ, кромѣ того одинъ башлыкъ на 2 невода, одинъ береговой, то же обязанный слѣдить за цѣлостью двухъ неводовъ. По окончаніи топи я подзываю перваго рабочаго — только чтобъ тутъ не было хозяина или заступающихъ его мѣсто, иначе услышишь: «всѣмъ довольны, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю»; задаю ему вопросы, изъ которыхъ складывается такой эпизодъ изъ его біографіи, сопровождаемый спорами уже собравшихся рабочихъ и окончательнымъ заключеніемъ: «вѣрно»!

«Михаилъ — крестьянинъ Тобольскаго округа, Дубровной волости: жалованья 18 руб., взялъ передъ Новымъ годомъ; ходитъ «на низъ» — 5 лѣтъ. Пришелъ нынѣ въ Тобольскъ на барку служить по забору 2-го мая; изъ дому шелъ пѣшкомъ 3 дня; взялъ пищи только одинъ хлѣбъ. Отъ Тобольска плыли сюда на песокъ на паузкѣ (судно — по формѣ совершенный утюгъ), который былъ нагруженъ товарами до 15,000 пудовъ, притомъ работали веслами при противной погодѣ, — самая худая работа. По пріѣздѣ на песокъ получилъ бродни, ихъ хватаетъ на $^1/_2$ мѣсяца, потомъ дѣлаются дырявыми, течетъ вода, ходишь какъ босой; за заплатками нужно ходить къ хозяину разъ 10 (одинъ изъ артели, молодой еще парень, утверждалъ, что да-

егъ и тогда, когда сходишь раза два, но такъ какъ онъ въ неводьбѣ еще въ первый разъ, то другіе съ нимъ не согласились). Получаетъ по 1 фунту табаку въ мѣсяцъ и рукавицы, стоимостью въ 30 к. Кормятъ только рыбой, той мелочью, которая остается отъ тонь; мясо только въ передній и задній путь, такъ какъ покупка рыбы въ это время стоила бы дорого. Водки никогда не даютъ. Живутъ въ избушкахъ безъ печки, негдѣ просушиться. Пологовъ на защиту отъ комаровъ не даютъ. Не только для пологовъ, а не даютъ холста, чтобъ зачинить дыры на единственной рубашкѣ. Вся «одежа» — своя; нижнее бѣлье въ единственномъ экземплярѣ, (слѣдовательно мѣнять его нельзя, а нуженъ случай, чтобъ только просушить его). Въ чемъ пришелъ, въ томъ и здѣсь и съ тѣмъ придется идти домой, т. е. въ лоскутьяхъ. Тянутъ артелью пять тонь невода: при хорошей погодѣ на тоню нужно 4 или $4^1/_2$ часа, слѣдовательно пять тонь можно вытащить въ сутки; если худая погода, то тащутъ и $1^1/_2$ сутки, значитъ въ теченіе сутокъ или полуторыхъ сутокъ требуется безпрерывная, тяжелая работа. По окончаніи пяти тонь наступаетъ другая артель и тянетъ неводъ тоже пять разъ; отдыхать приходится, да сушиться часовъ 8—10, а тамъ опять гонятъ на работу, чистить рыбу и пр. По окончаніи пяти тонь второй артели, снова принимается за свои первая. Если послѣ тяжелой и трудной работы, особенно послѣ непогодъ, рабочій утомится и разстроится здоровьемъ, если ему «заскудается», то хозяинъ все таки нудитъ къ работѣ, гонитъ и ругается. Бываетъ, что и побьетъ. Въ Тобольскъ возвращаются къ Покрову или послѣ, въ первой половинѣ октября». Затѣмъ въ артели слѣдуютъ русскіе крестьяне: отецъ, 19 р. жалованья, его сынъ — 20 р., пятовщикъ — 20 р., полотенщикъ — 15 р., татаринъ — 18 р., бухарецъ — 18 р.; два остяка, одинъ получаетъ 18 р. и сверхъ получаемыхъ другими рабочими броденъ, рукавицъ и табаку,— беретъ верхнюю одежду: гуся изъ фабричнаго сукна на 3 р. 60 к., рубаху и порты, второй — 20 р., но безъ гуся, а только съ портами и рубахой. Всего слѣдовательно на неводъ жалованья рабо-

чимъ, считая ½ башлыка и ½ береговаго, идетъ 236 руб., а среднее на человѣка — 20 р., въ каковой цифрѣ я убѣждался и раньше и послѣ, гдѣ только самъ лично записывалъ показанія рабочихъ. Оставляю теперь въ сторонѣ всѣ другіе результаты сдѣланнаго много перечета рабочихъ и ихъ жалованья. На нѣкоторыхъ пескахъ преобладаютъ поселенцы, въ другихъ смѣсь націй и сословій: крестьяне, мѣщане, татары, поселенцы и пр. Много людей бездомныхъ, бобылей, есть и семейные; дома остаются жены, дѣти, матери, сестры, которыя кормятъ себя уже своими силами и заработываютъ иногда на мѣстѣ, на покосахъ и жатвахъ у сосѣдей руб. до 20, т. е. больше, чѣмъ многіе изъ работниковъ на отдаленнѣйшихъ Обскихъ пескахъ. Прибавлять дальнѣйшія подробности на счетъ содержанія и быта рабочихъ къ тѣмъ болѣе или менѣе короткимъ характеристикамъ, которыя уже приведены выше въ эпизодѣ изъ біографіи любого рабочаго, будетъ даже не особенно здѣсь кстати. Касательно помѣщенія нужно сказать напр., что и сами хозяева живутъ на пескахъ въ самыхъ походныхъ жилищахъ, въ избахъ, съ комарами, съ запахомъ, часто темныхъ. Тѣмъ болѣе трудно найдти какія либо удобства въ помѣщеніи самихъ рабочихъ: оно состоитъ изъ низенькой лачуги, въ формѣ четырехъ-угольнаго сруба, часто съ плоской крышей, напоминающей деревенскія бани, саженп 1½ — 2 по діагонали; въ одномъ углу его обыкновенно находится чувалъ, — самая первобытная форма камина; полъ помѣщенія — земля; на нѣкоторой высотѣ отъ пола находятся по стѣнамъ лачуги нары, на которыхъ рабочіе спятъ въ повалку; въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи спятъ обыкновенно до 15—20 человѣкъ рабочихъ и воздуху можетъ быть еще достаточно и смрадъ въ помѣщеніи уменьшается потому, что лачуга представляетъ безчисленное множество отверстій въ стѣнахъ, въ крышѣ; съ послѣднимъ обстоятельствомъ соединено однако другое неудобство: сквозь щели и отверстія лѣтомъ забираются комары безчисленными стаями; къ концу лѣта бури и непогоды даютъ себя знать въ жильѣ рабочаго, котораго положеніе дѣйствительно не завидно: лѣтомъ, въ

жары онъ преслѣдуется комарами, во время работы въ теченіе сутокъ, возвратившись на отдыхъ, онъ встрѣчается съ ними же: осенью или въ концѣ лѣта, промокшій на сырости и непогодѣ, среди воды, полуобутый, оборванный, онъ находитъ ту же слякоть, сырость, промозглость воздуха и въ своемъ печальномъ жилищѣ. — Невыносимо плохо положеніе остяка, но хуже оно еще у рабочихъ на неводахъ. Въ вышеприведенномъ перечнѣ рабочихъ я упомянулъ о двухъ остякахъ; они получаютъ лучшее или даже высшее жалованье, стоимостью выше, чѣмъ на 20 р., чего нѣтъ ни у одного изъ участвующихъ тутъ же, рядомъ съ ними, русскихъ рабочихъ; кромѣ того остяки не плывутъ съ судами рыбопромышленниковъ ни впередъ, ни назадъ, позже русскихъ приходятъ на песокъ, раньше уходятъ. Остякъ часто имѣетъ при пескѣ свою юрту, жену, семью; онъ живетъ на пескѣ, какъ дома; для спасенія отъ комаровъ онъ изыщетъ всѣ средства, чтобъ пріобрѣсти себѣ пологъ; въ случаѣ надобности онъ употребитъ на него платья своей жены, которыя онъ далъ ей на свадьбу или она принесла въ приданное. Отъ комаровъ — этого бича сѣвера, даже животныя, лоси, олени и пр. ищутъ себѣ спасенія то въ густомъ непроницаемомъ лѣсу, то заходятъ въ воду и погружаются въ нее всѣмъ туловищемъ, оставляя на ея поверхности только малую часть головы или рыло; лишенъ этой возможности избавиться отъ нихъ только русскій рабочій; онъ не имѣетъ не только полога, но даже и стараго лишняго лоскута, которымъ могъ бы прикрыть свою голую во время работъ шею, наиболѣе доступную комарамъ: я видѣлъ рабочихъ, которые съ удовольствіемъ закрывали свое лицо и шею, вмѣсто сѣтки, старыми засмоленными лоскутьями неводныхъ сѣтей, выброшенныхъ водой на берегъ. Обиженъ рабочій косвенно, обижается онъ и прямо, и нѣмыми свидѣтелями его обидъ являются только собственные его лохмотья и синяки. Вотъ выписка изъ дневника: «Рабочій, какъ человѣкъ, приниженъ и убитъ нравственно; онъ, какъ живой организмъ, подверженъ всѣмъ неблагопріятнымъ вліяніямъ однообразной и мало питательной рыбной пищи, суроваго и непостоян-

наго климата, тяжелаго труда, въ совокупности крайне гибельно отзывающихся на его здоровьи, которое поправить часто рѣшительно невозможно; съ другой стороны самыя условія найма и пребываніе на пескахъ не представляютъ къ этому никакихъ средствъ. Больной рабочій, если онъ только можетъ ходить и двигаться, высылается на какую либо другую работу около дома, кромѣ неводьбы, на обмываніе рыбы или поправку снастей. Больной тяжело предоставляется самъ себѣ и своимъ стономъ убаюкиваетъ монотонную и безотрадную жизнь своихъ собратій. Больные рабочіе не имѣютъ ни отдѣльнаго жилья, ни лекарствъ или докторскихъ совѣтовъ. На одномъ пескѣ я встрѣтилъ изъ 4-хъ артелей татарина: онъ вмѣстѣ съ другими, тутъ же спавшими усталыми рабочами, мучился отъ страшной боли и спазмовъ въ желудкѣ; онъ стонетъ и охаетъ, мечется въ стороны, то встанетъ, то ляжетъ; въ теченіе недѣли онъ уже не могъ ничего ѣсть. На другомъ пескѣ изъ 40 человѣкъ. было 5 больныхъ рабочихъ, съ совершенно почти отнявшимися ногами. Но въ особенности поразилъ меня своимъ видомъ одинъ изъ нихъ: щеки и глаза впалые, цвѣтъ лица изнеможенный, ротъ съ оскаленными зубами, какъ у покойника, руки исхудали, а ноги, какъ бревна, распухли, такъ что я едва могъ поднять и поставить его, чтобъ снять съ него фотографію; одѣтый въ заплатанное овчинное рубище, онъ представлялъ изъ себя только тѣнь живаго человѣка (по забору онъ взятъ уже больной изъ дому).

Скажу еще объ одной сторонѣ дѣла, относящейся больше къ мрачному сѣверу, гдѣ уже болѣе холодно и гдѣ вода болѣе мутная, въ которой впрочемъ и удобно рыбаку «рыбу ловить». Много разъ я пробѣгалъ глазами въ теченіе своего путешествія и читалъ съ огорченіемъ нижеслѣдующія строки: «Въ 1857 году Совѣтъ Главнаго Управленія, въ огражденіе инородцевъ отъ обмановъ и стѣсненій со стороны русскихъ, положилъ рыболовныя инородческія статьи Березовскаго края отдавать съ торговъ» (Списки нас. м. Тобольск. губерніи, стр. CCXXVIII).

Мнѣ было жаль потому, что это постановленіе осталось только на бумагѣ и лежитъ гдѣ нибудь спокойно въ архивѣ; дѣло ограничилось только тѣмъ, что объ немъ упомянули въ книгѣ, которой также вѣроятно никто съ особеннымъ усердіемъ не читаетъ, тѣмъ менѣе остяки, до которыхъ это непосредственно относилось. Дѣйствительнаго же примѣненія этого правила къ инородческимъ пескамъ я не встрѣтилъ нигдѣ по Оби, кромѣ одного случая уже не инородческаго. Между Березовымъ и Обдорскомъ находится на Оби одинъ изъ лучшихъ песковъ, Мелёксинскій; онъ принадлежитъ Березовскимъ крестьянамъ и съ небольшимъ, довольно маловажнымъ пескомъ, лежащимъ около него Комарьимъ, отдается крестьянами съ торговъ; за Мелёксинскій песокъ платятъ аренды по 1,600 р. въ годъ. На эти деньги возможно было бы пріобрѣсти большую часть остяцкихъ песковъ, лежащихъ на всемъ протяженіи Оби, отъ мѣста ея раздѣленія на Большую и Малую, около селенія Чумашевскаго, далеко не доѣзжая Березова, до самаго крайняго предѣла, докуда распространено теперь по ней рыболовство; тутъ бы вошли пески во многихъ отношеніяхъ лучшіе, чѣмъ Мелёксинскій—Куноватскій, арендуемый по здѣшней системѣ за 300 р., Яровской, самый лучшій по всей Оби, за 200 р.; за тѣмъ пески въ родѣ Питлярскаго, едва ли особенно уступающій Мелёксинскому — около 125 руб., Перегребный, со всею массою принадлежащихъ къ нему мелкихъ песковъ — 300 руб.; за тѣмъ Пудиланскій песокъ (полагая около 150 р.), на которомъ уже въ началѣ промысла было добыто до 5000 муксуна, коихъ попадало въ топю по 50—100 шт., не считая другой рыбы; песокъ Олепскій, арендуемый съ тремя другими за 200 р., Устрёмъ, арендуемый за 71 р. 43 к., кромѣ всего этого остается еще (до 1600 р.) 131 р., для найма весьма хорошаго песка. При нынѣшней частной системѣ найма песковъ, они такъ упрочились за тѣмъ или другимъ арендаторомъ, что передаются ими или въ другія руки, какъ личная собственность, съ платой за право на владѣніе ими, или даже просто поступаютъ какъ приданное за арендаторскими дочерями

или родственницами (песокъ Яровской). Но въ низовьяхъ Оби— пески не единственное средство пріобрѣсти рыбу; иногда бываютъ сора гораздо болѣе изобильные рыбой, чѣмъ пески; лѣтомъ они составляютъ главный притонъ для рыбы; въ нихъ, во время хода изъ моря, она первымъ долгомъ идетъ отъѣдаться, въ нихъ же загоняютъ ее дельфины — бѣлуга по здѣшнему названію; тутъ ловятъ во время прохода дельфиновъ по рѣкѣ не говорю сотнями, но до 1000—2000 шт. муксуновъ въ одну тоню и муксуны несчастные иногда являются съ оборваннымъ бокомъ, безъ хвоста, со сломанной челюстью и пр., но и то рады, что урвались отъ морского звѣря, бѣжали на мель, а тутъ ихъ и почерпнули въ неводъ: «повернешься—бьютъ, не повернешься— бьютъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ взрослая рыба поднимается вверхъ по рѣкѣ,— осенью она мечетъ икру и возвращается въ море (морская рыба); весной изъ икры вылупляется молодь, которая тоже старается идти вверхъ по рѣкѣ; но при этихъ попыткахъ, ей непосильныхъ, теченіемъ рѣки сноситъ ее въ теченіе сутокъ внизъ, верстъ на 5, и такимъ образомъ она собирается въ низовьяхъ, — къ ея счастію, потому что съ наступленіемъ зимы начинается въ Оби порча воды, отъ которой ей недалеко до моря или Обской губы. Весной она, уже достаточно подросши, идетъ въ рѣку и конечно не имѣя силъ преодолѣть теченіе, расходится въ низовьяхъ, по самой рѣкѣ и сорамъ. — Я спросилъ однажды заступавшаго мѣсто хозяина на одномъ пескѣ, даются ли у нихъ рабочимъ когда либо наградныя тони, какъ объ этомъ мнѣ кто-то разсказывалъ. — О, у насъ этого нѣтъ, да и я не слыхивалъ. А вотъ бываетъ, когда отъ тонь остается много этой мелочи — тогда даемъ. Вонъ въ прошломъ году у насъ на нижнемъ пескѣ столько ея попадало, что солили, солили, да и рабочимъ сколько давали,—они солили ее въ старомъ разсолѣ — просто возметъ этотъ старый разсолъ, что остается отъ насъ, и кладетъ въ него, — такъ и то оставалось; ну ужъ тогда кудажъ ее дѣвать — просто бросали. Въ какой степени похвальна подобная щедрость, особенно въ своемъ конечномъ результатѣ, — она конечно повторяется не въ

одномъ только мѣстѣ, — объ этомъ надо бы спросить бѣлугъ — когда имъ промыселъ доставался легче, прежде или нынѣ, а я пока объ этомъ, по недостатку времени и по обширности самаго предмета, умолчу, ограничившись однимъ замѣчаніемъ. Остяки свое первобытное право запирать и ловить неводомъ рыбу въ сорахъ уступили также рыбопромышленникамъ. Мнѣ извѣстенъ только одинъ соръ, за который платится аренды 200 р.; цѣны всѣхъ остальныхъ чрезвычайно низкія; такъ около Кушеватъ я знаю соръ, въ которомъ ежедневно, въ 3 тони невода, ловится штукъ до 20 осетровъ, по 200 — 300 муксуновъ, до 300 сырковъ, кромѣ другой мелкой рыбы; за него 10 руб. аренды въ годъ, также какъ и за другой Остеръ—варъ, который притомъ запирается: при этомъ я не говорю о тѣхъ сорахъ, въ которыхъ тотъ же хозяинъ ловитъ рыбу за доли остяцкихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. — Вліяніе рыбопромышленниковъ простирается и на тѣ мѣста, преимущественно сора же, которыя остяки оставляютъ для себя. Около каждаго остяцкаго жилья непремѣнно есть станокъ, въ которомъ живетъ прикащикъ отъ того или другаго рыбопромышленника; часть наловленной рыбы остяки оставляютъ у себя и сушатъ въ прокъ, часть продаютъ. Ниже по Оби распространенъ обычай нанимать остяковъ для ловли рыбы въ ихъ собственныхъ угодьяхъ, на слѣдующихъ условіяхъ: хозяинъ дастъ (хозяиномъ ужъ является тотъ, кто даетъ) остяку матеріалъ для невода, рублей отъ 20 до 40 денегъ, смотря по мѣсту и ловцу, съ тѣмъ, чтобы остякъ ловилъ со всѣмъ семействомъ и можетъ быть еще съ компаньономъ рыбу и половину улова отдавалъ хозяину, изъ другой продавалъ ему по условленной цѣнѣ то, что найдетъ держать у себя излишнимъ. Если остякъ вылавливаетъ въ своихъ собственныхъ угодьяхъ рыбы на 200 руб. по мѣстнымъ цѣнамъ, то хозяину уже окупится половина улова неводной матеріалъ на 25 р. и плата остяку— весь расходъ на половинщика среднимъ числомъ 55 р., съ двойной прибылью; кромѣ того онъ купитъ все лучшее изъ остяцкой половины, по крайне низкой цѣнѣ, особенно уплачивая за поку-

паемое товаромъ. Я не могу также привести всѣхъ подробностей касательно расплаты съ сѣверными остяками и покупки отъ нихъ рыбы. Рыба принимается по большей части счетомъ и мѣрой, свои товары отдаются на аршины и вѣсъ. На одномъ пескѣ сопровождавшіе меня остяки принесли мнѣ жалобу, что ихъ обвѣшиваютъ, что у прикащиковъ вѣсы невѣрные. Я попросилъ вѣсы, мнѣ принесли одинъ только доски; а коромысло вѣсовъ искали, искали и наконецъ окончательно объявили, что его увезъ уѣхавшій куда-то хозяинъ. На другомъ станкѣ я встрѣтилъ хотя и довольно исправное коромысло, но доски до такой степени требовали много разныхъ щепокъ и камней для разновѣсокъ, что на нихъ удобно можно изъ одного фунта соли сдѣлать два, еслибъ принимающій соль даже и зналъ толкъ въ гиряхъ, до чего однакоже далеко не дошли всѣ остяки. И самая покупка рыбы тоже, еслибъ взвѣсить ее на точныхъ вѣсахъ правосудія, едва ли бы осталась безупречною. — Остяки выловивъ, напримѣръ, осетра, продѣваютъ ему сквозь жабры веревку и привязываютъ къ какой нибудь палкѣ, воткнутой въ воду; въ случаѣ нужды вынимаетъ остякъ такого осетра, кладетъ его въ свою легкую лодку, наливая въ нее воды, и отправляется его продавать за 10 и болѣе верстъ на песокъ. Мнѣ разсказывали по этому поводу слѣдующій случай объ одномъ старомъ рыбопромышленникѣ; конечно, грѣшное дѣло наблюдателя, онъ не всегда и не все можетъ видѣть самъ: чаще, чтобъ узнать русскаго, ему приходится кротко побесѣдовать съ остякомъ, а чтобъ узнать ближе и понять остяка — нужно почаще разговаривать объ немъ съ русскимъ; чтобъ узнать новаго рыбопромышленника слѣдуетъ за всѣмъ прочимъ обратиться къ старому, если онъ только сохранилъ здравый смыслъ, что не всегда случается, и къ одному изъ такихъ и будетъ относиться нижеслѣдующее. Остякъ привозитъ осетра, предлагаетъ купить, хозяинъ не соглашается; нѣтъ, говоритъ, дорого просишь, а возьми 15 к.; остякъ умаливаетъ; наконецъ хозяинъ проситъ посмотрѣть осетра. Остякъ вынимаетъ его изъ лодки; хозяинъ начинаетъ его разсматривать съ важностью величайшаго

натуралиста: посмотритъ жабры, повернетъ съ боку на бокъ, подавитъ его со всѣхъ сторонъ, чтобъ узнать, икряный ли онъ и на сколько; потомъ остановится, подбодрится, подумаетъ, чмокнетъ губами и еще посмотритъ жабры, подниметъ на воздухъ, чтобъ узнать тяжелъ ли онъ. Наконецъ заключаетъ: нѣтъ, не возьму, дорого и уходитъ. Между тѣмъ осетръ, уже раньше истомленный дорогой, при продолжительной процедурѣ разсматриванія на воздухѣ, испустилъ дыханіе. Куда же везти его обратно и остякъ уступаетъ пудоваго и больше осетра за 15 к.

Впрочемъ это еще все ничего, если покупка рыбы совершается по низкимъ цѣнамъ, уплата производится плохими и дорого поставляемыми товарами, только бы въ уплату меньше всего замѣшивалась водка; а въ этомъ отношеніи низовья Оби, ниже Обдорска, и самые крайніе рыболовческіе пески, не остаются безупречными. Въ среднемъ теченіи Оби, до Березова, еще водятся въ разныхъ мѣстахъ офиціально извѣстныя заведенія для продажи водки; въ самомъ Березовѣ существуетъ 5 винныхъ оптовыхъ складовъ, торгующихъ ежегодно на 50 — 70 тысячъ руб. Остяки, въ случаѣ крайняго желанія, могутъ сами за ней съѣздить или получить ее въ частныхъ рукахъ не по крайне дорогой цѣнѣ. Ниже Березова всякія заведенія для продажи водки строго воспрещены; но запрещенный плодъ — сладокъ, съ чѣмъ вмѣстѣ водка пріобрѣтаетъ для остяка двойную прелесть. И даже изъ подъ Обдорска остяки сами ѣздятъ за ней, для чего избирается надежный человѣкъ, ему довѣряетъ всякій купить столько водки, сколько считаетъ необходимымъ: $^1/_4$ — $^1/_2$ ведра и болѣе, съ платою за комисію по 60 коп. съ ведра. Комисары въ особенности исполняютъ возложенныя на нихъ порученія, осенью, по окончаніи рыбопромышленниками рыболовства; тогда они сплавляютъ внизъ цѣлыми большими лодками — неводниками боченки съ запрещеннымъ, но дорогимъ для нихъ напиткомъ; съ установленіемъ зимняго пути цѣлые караваны нартъ пробираются съ водкой на сѣверъ, ча-

сто по путямъ только имъ однимъ вѣдомымъ. И эта система удовлетворенія желаній все таки лучшая у остяковъ, — они теряютъ здѣсь меньше; иначе, если они покупаютъ ее мелочами отъ русскихъ, въ болѣе или менѣе населенныхъ мѣстахъ или даже на пескахъ, она обходится имъ дорого, за бутылку $^1/_2$-штофа водки, на половину разведенную водой, они платятъ уже до 1 р. (въ Обдорскѣ и въ Кушеватахъ). Жители болѣе сѣверные, ниже Обдорска, живущіе за 500—700 верстъ отъ Березова, уже совершенно лишены возможности сноситься съ нимъ, особенно лѣтомъ. И мнѣ приходилось слышать, что половинщики нерѣдко губятъ не только свою собственную половину рыбы за ихъ лѣтній трудъ, но и ту сумму денегъ, которая имъ должна бы причитаться. Остякъ ругаетъ такихъ рыбопромышленниковъ, которые губятъ его отпускомъ ему водки; но за то ругаетъ и того, который ему совершенно въ ней отказываетъ. Ловкія манеры отпуска водки усвоиваютъ себѣ иногда и нѣкоторые остяки. Одинъ остякъ, который нѣсколько лѣтъ живалъ «на Надымѣ у Корниловскихъ», отправился однажды въ Березовъ, купилъ боченокъ ведеръ въ 8 спирту и поселился за тѣмъ въ тундрѣ, гдѣ около юртъ такіе поселенцы нерѣдки; около ихъ чума вывѣшена бываетъ даже бутылка, въ знакъ того, что тутъ можно поживиться выпивкой. Остякъ купилъ спирту не безъ умысла; онъ уже научился, на мѣстѣ своего служенія, какъ изъ спирта можно сдѣлать водку: надо взять воды (сколько, — ему уже извѣстно), вскипятить ее, потомъ дать немного охладиться, потомъ пожалуй немного подогрѣть и спиртъ (мѣра тоже извѣстна) и смѣшать съ водой — вотъ и все. За это небольшое, пріобрѣтенное имъ знаніе остякъ нажилъ на 8 ведеръ спирту не мало барыша; еслибъ везти водку въ томъ количествѣ, которое онъ получилъ изъ 8 ведеръ спирту, надо бы много подводъ, а тутъ все просто. Цѣна же водки въ тундрѣ установилась довольно прочно въ слѣдующемъ видѣ: $^1/_4$ ведра — олень, цѣна его отъ 3 до 7 руб.; 1 ведро — 4 оленя. Иногда же бываетъ 1 штофъ за оленя, или 10 оленей на ведро. Изобрѣтательный же остякъ

выгналъ тогда изъ тундры — 70 оленей за свои 8 ведеръ спирту и за знаніе дѣлать изъ него водку, пріобрѣтенное на русскихъ рыболовческихъ пескахъ.

На рѣку Обь ходитъ изъ Тобольска до 30 посудинъ, именно баржъ и такъ называемыхъ павозковъ, какъ объ этомъ сказано ниже; осенью, въ сентябрѣ, посудины возвращаются въ Тобольскъ обратно, нагруженныя рыбой, соленой, вяленой, рыбьимъ жиромъ, клеемъ, икрой. Вѣсъ вывозимой въ Тобольскъ рыбы изъ остяцкихъ земель можно смѣло положить въ 500,000 пудовъ, иногда нѣсколько меньше, иногда больше. На мѣстѣ лова все это количество рыбы можетъ быть пріобрѣтено при условіяхъ крайне разнообразныхъ и по цѣнамъ весьма низкимъ, но въ Тобольскѣ можно опредѣлить среднюю стоимость всей рыбы, считая по 2 руб. за пудъ, въ 1,000,000 руб. Вывезенная изъ Тобольска, вся эта рыба пріобрѣтетъ конечно большую стоимость; осетръ, покупаемый на мѣстѣ по номинальной цѣнѣ въ 2 руб. 40 коп. за пудъ, продается въ Москвѣ по 8 р.; полагая 3 руб. за провозъ его отъ мѣста покупки до Москвы, можно думать, что хозяинъ получитъ съ пуда 2 р. 60 к.; точно также и въ Петербургѣ я покупалъ муксуна по 25 к. за фунтъ отъ тамошнихъ торговцевъ, что̀ составитъ уже 10 р. за пудъ. Такими то оборотами хозяева съ одного песка получаютъ вѣрнаго дохода въ годъ до 10—15 тысячъ руб., а аренда за песокъ—200 р. Есть случаи, когда съ нѣсколькихъ песковъ добывается до 35 тысячъ р. дохода на одного хозяина; между тѣмъ, что же приходится на долю остяка за то, что развозятся его богатства по различнымъ направленіямъ, за цѣлыя тысячи верстъ разстоянія; со всей суммы, на которую вывозится изъ его владѣній рыбы, едва ли причитается на его долю до 10 тысячъ аренды и если взять и распредѣлить эту сумму только между остяками Березовскаго округа, которыхъ найдется до 12 т. жен. и муж. пола, то на нихъ не придется по 1 р. на человѣка. Изъ этого будетъ очевидно, кто кого на Оби кормитъ: дѣйствительно ли рыбопромышленники остяковъ или обратно?

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе частію то, что я раньше высказалъ, также и то, чему я былъ постороннимъ наблюдателемъ, то неизбѣжно придется остановиться на такомъ заключеніи: остякъ по своей жизни, взятой во всей ея цѣлости, находится еще на весьма низкой, первобытной степени своего культурнаго развитія; тутъ же рядомъ съ нимъ, на его собственныхъ владѣніяхъ, совершается промышленность представителями болѣе развитаго племени въ громадныхъ размѣрахъ, но по тѣмъ же первобытнымъ пріемамъ, на хищническихъ основаніяхъ. Въ такомъ положеніи ни то, ни другое не можетъ долго оставаться; нѣтъ въ природѣ, у всѣхъ живыхъ организмовъ, ни у растеній, ни у животныхъ, враговъ болѣе сильныхъ въ борьбѣ за жизнь, какъ имъ же близко подобныя, растенія и животныя, — таже фаза въ отношеніяхъ рыбопромышленника къ остяку и къ его естественнымъ богатствамъ. Но бываютъ случаи и между растеніями, изъ сотенъ тысячъ особей вырабатывается нѣсколько съ какой нибудь новой способностью въ своихъ корняхъ разлагать ту же почву, на которой прозябаетъ вся масса ихъ первобытныхъ собратій, инымъ образомъ, съ цѣлью извлечь изъ нея другія питательныя вещества; такимъ образомъ эти вооруженныя новой способностью растенія, передавая ее наслѣдственно, множатся, пріобрѣтаютъ особенную красоту и растутъ тутъ же рядомъ съ представителями своего первобытнаго образа и изъ смертельныхъ враговъ ихъ становятся неизбѣжно полезными спутниками, разлагающими ту же почву съ другой стороны и доставляющими этимъ болѣе легкій способъ питанія, черезъ что и первобытный типъ къ лучшему измѣняетъ свою форму, крѣпчаетъ, сильно разростается, получая большую внѣшнюю красоту. Таковъ, по моему мнѣнію, идеалъ, къ которому должна стремиться Обская рыбопромышленность изъ своего вполнѣ первобытнаго состоянія. Прежде всего она должна изъ тѣхъ денегъ, которыя хозяева кладутъ въ свои кошельки въ Тобольскѣ, Екатеринбургѣ и послѣ Ирбитской ярмарки, удѣлять значительную часть остякамъ, которые остаются въ своихъ убогихъ юртахъ и чу-

махъ постоянно въ долгахъ; — рабочимъ, которые уносятъ изъ Тобольска по полу-ковригѣ чернаго хлѣба, лохмотья, болѣзни, часто неизлечимыя, съ тупымъ воспоминаніемъ о понесенныхъ трудахъ, лишеніяхъ, о нанесенныхъ оскорбленіяхъ, въ добавокъ къ чему, возвращающійся и нищій уже рабочій находитъ въ той же нищетѣ и свою семью, представители которой можетъ быть заняты для добычи хлѣба самымъ тяжелымъ трудомъ. Въ частности для остяка деньги необходимы въ особенности для того, чтобъ дешевле обезпечить его потребности и продовольствіе, чтобъ создать для него сколько нибудь удовлетворительную администрацію и, наконецъ, главное, чтобъ создать для него по всей его обширной области обитанія, хоть нѣсколько центровъ, изъ которыхъ бы хотя частію распространялось на него доброе вліяніе въ формѣ тѣхъ поступковъ и идей «истины, справедливости и человѣколюбія», видимое отсутствіе которыхъ въ людяхъ, съ нимъ непосредственно сталкивавшихся, такъ его запугало и заставило еще съ большей силой замкнуться въ гибельной для него при нынѣшнихъ условіяхъ области первобытныхъ правовъ, обычаевъ и вѣрованій: теперь остякъ доволенъ и тѣмъ изъ русскихъ, болѣе или менѣе по его предположенію сильныхъ въ какомъ нибудь отношеніи, который «не рычитъ» на него; тѣмъ болѣе пріятно для него безкорыстно ласковое слово.

Но вѣдь рыбопромышленности окажется необходимымъ удѣлить очень много средствъ изъ своихъ доходовъ, чтобъ выполнить предполагаемое по отношенію къ остякамъ и къ рабочимъ, — тогда самимъ хозяевамъ ничего не останется? — Въ виду предполагаемаго въ будущемъ идеала для Обской рыбопромышленности, я въ предыдущемъ, разбирая ея современное состояніе, въ краткихъ и бѣглыхъ очеркахъ, коснулся оцѣнки поступковъ и такихъ лицъ, которымъ я обязанъ благодарностью за гостепріимство, за оказанное мнѣ сочувствіе и полное вниманіе; тѣмъ менѣе я могу посягать сколько нибудь на уменьшеніе

ихъ доходовъ. Мнѣ желательно, чтобъ всякій хозяинъ получалъ ихъ столько же, сколько имѣетъ теперь или даже больше. Откуда же ихъ взять, удѣляя многое для другихъ?

Для этого Обская рыбопромышленность должна перейдти изъ своей хищнической фазы въ обработывающую. Рѣка Обь представляетъ для этого такой богатый матеріалъ, какой едва ли возможно найдти въ какой либо другой рѣкѣ земнаго шара. Изъ преобладающихъ рыбъ въ уловѣ р. Оби являются представители двухъ семействъ, по научной зоологической классификаціи: Лососевыя и Осетровыя.

Семейство Лососевыхъ (Salmonoidei); изъ него господствуютъ въ рѣкѣ Оби представители рода сиговъ (Coregonus). Это — муксунъ, сырокъ, пыжьянъ, щокуръ, пельма и небольшіе снжки, неправильно называемые на Сосвѣ и въ низовьяхъ Оби — селедками; они весьма близки по формѣ къ европейскому сигу — ряпушкѣ. Ближайшіе родственники этимъ Обскимъ рыбамъ распространены въ холодной и въ холодно-умѣренной полосѣ сѣвернаго полушарія. Они славятся въ Америкѣ, по своему нѣжному и вкусному мясу, въ особенности изъ озера Верхняго — бѣлый сигъ, мясо котораго считается лакомствомъ. Въ Западной Европѣ сиги распространены въ Альпійскихъ озерахъ Швейцаріи, особенно въ Боденскомъ и Невшательскомъ и въ Сѣверной Германіи, гдѣ пища изъ нихъ считается за лучшее блюдо, хотя здѣсь они не достигаютъ значительнаго роста и не отъѣдаются такъ, какъ можно встрѣтить ихъ въ рѣкахъ и озерахъ Сѣверной Россіи. Но нигдѣ представители рода сиговъ не являются въ такихъ рѣзкихъ и самостоятельныхъ формахъ, какъ въ р. Оби и, можетъ быть, въ другихъ сѣверныхъ рѣкахъ Сибири. Нѣтъ ни одной формы или, сказать проще, породы сига въ свѣтѣ, которая бы могла уподобиться по величинѣ и нѣжности мяса муксуну или щокуру, кромѣ одного, въ высшей степени рѣдкаго вида, водящагося на недосягаемыхъ рыбаку глубинахъ Онежскаго озера; пельма имѣетъ у себя соперницу только въ р. Волгѣ — бѣлорыбицу, превосходящую величиной ее и совершенно себѣ подобную

представительницу изъ рѣкъ Западной Америки. Хорошо, что суровый зимній климатъ благопріятствуетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доставкѣ этихъ рыбъ въ Россію мерзлыми; но что же до сихъ поръ обскіе рыбопромышленники сдѣлали самостоятельнаго для сколько нибудь сноснаго приготовленія въ прокъ этой рыбы, лучшей на землѣ? — Они ограничиваются только тѣмъ, что нанимаютъ, смотря по предполагаемому улову, одного, двухъ засольщиковъ, — крестьянъ, съ платою каждому по 25 — 35 р. въ лѣто, производящихъ грязно и неряшливо засолъ по пріемамъ дѣдовъ и прадѣдовъ. А развѣ западно-европѣецъ, еслибъ когда нибудь открылся предполагаемый путь отъ устьевъ Оби моремъ на Архангельскъ и далѣе, отказался бы промѣнять свою тлѣнную селедку на хорошо приготовленнаго мѣрнаго муксуна, чтобы это ему ни стоило, такъ какъ иногда рыбопромышленникъ позволяетъ себѣ пить шампанское. Тогда тѣ муксуны, которыхъ теперь портятъ засоломъ и которые все-таки доставляютъ вѣрный двойной барышъ, приносили бы тройную выгоду и отдѣляя отъ нее должное на остяковъ и рабочихъ, рыбопромышленникъ получилъ бы барышъ большій, чѣмъ онъ теперь получаетъ, а все за то, что ловитъ лучшую рыбу въ наиболѣе изобильномъ ею пункгѣ земнаго шара. А поучился кто нибудь этому искуству солить или готовить рыбу, сдѣлалъ рядъ усидчивыхъ опытовъ, проѣхалъ настойчиво, съ цѣлью пріобрѣсти знаніе, Европу — нѣтъ; рыбопромышленники еще смолоду держатъ своихъ сыновей на пескахъ, пріучаютъ ихъ ѣсть просто — сырую рыбу, живую, только что вынутую изъ воды — по остяцкому обычаю.

Семейство Осетровыя (Chondrostei); главнѣйшіе представители этого разряда на большей части земной поверхности, гдѣ они прежде господствовали,—вымерли; нынѣ они остались только въ небольшомъ количествѣ видовъ въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Сѣверной Америки; но главнымъ центромъ ихъ распространенія на материкѣ Стараго свѣта—служатъ Арало-Каспійскій басейнъ и басейнъ Ледовитаго моря въ Сибири, со всѣми главными, впа-

дающими въ него рѣками, изъ которыхъ Обь должна занять конечно, по ихъ изобилію, самое видное мѣсто. Едва ли кто можетъ спорить о той громадной цѣнности, которой заслуживаютъ осетровыя рыбы. Изъ нихъ въ Оби господствуютъ — осетръ и стерлядь. Но въ той же степени, въ какой они здѣсь изобильны — осетръ больше на сѣверѣ, стерлядь — на югѣ, въ Иртышѣ, — распространено и незнаніе способовъ, по которымъ было бы возможно извлекать изъ нихъ надлежащую выгоду. Въ Тобольскѣ напр., весной я видѣлъ на рынкѣ лодки стерлядокъ по 5 к. десятокъ мелкихъ; покрупнѣе, по 10 к. и наиболѣе крупныя по 15 к. за десятокъ. Въ это время крестьяне продаютъ 1 пудъ икряныхъ стерлядей по 4 р. Покупая этотъ пудъ по такой цѣнѣ, можно изъ пуда икряныхъ стерлядей получить 10 фунт. икры и продать ее въ свѣжемъ видѣ тутъ же на рынкѣ, по 1 р. за фунтъ; здѣсь вся обработка стерляди будетъ состоять только въ томъ, чтобъ распороть ей брюхо, достать оттуда икру, очистить ее тоже какъ и продавать; изъ самыхъ стерлядей остается сдѣлать сколько угодно пироговъ и варить уху, а продажа 10 ф. икры доставитъ еще 6 р. барыша; такъ здѣсь и привыкли поступать промышленники. Точно также, нынче зимой пріѣхали въ Самарово самоѣды, привезли осетровъ, въ каждомъ пудовъ до 5 — 6 вѣсомъ и съ сдѣлавшимся на время оттепелью, должны были ихъ отдать и то умаливая покупщика, по 2 р. за каждаго; при томъ изъ нихъ было вынуто громадное количество икры. А все оттого, что рѣшительно нѣтъ никакого умѣнья приготовить осетровыхъ рыбъ и ихъ продукты въ прокъ. •Тутъ же въ Самаровѣ была попытка дѣлать балыки. Былъ для этого призванъ изъ Тобольска ссыльный уральскій казакъ; изъ 12-ти данныхъ ему осетровъ, онъ дѣйствительно получилъ балыки превосходные: но по его мнѣнію, ихъ еще нужно было «довести», сдѣлать лучшими, для чего нужно было съѣздить въ Тюмень; довѣрчивый хозяинъ конечно согласился, казакъ уѣхалъ съ балыками въ Тюмень, тамъ на имя бывшаго своего довѣрителя по приготовленію балыковъ, взялъ у кого то денегъ и исчезъ вмѣстѣ съ балыками,

такъ что теперь за нимъ и слѣдъ простылъ. О той бурдѣ, которую теперь дѣлаютъ изъ осетровой икры, я сказать что либо не рѣшаюсь.

Все говоритъ за то, что рыбопромышленнику необходимо пріобрѣтать прежде всего знанія, не только практическія, техническія, но и теоретическія. Если при твердо усвоенныхъ знаніяхъ, при рядѣ опытовъ (нужно по крайней мѣрѣ знать во многихъ случаяхъ, что такое герметически закупоренная банка), и ихъ примѣненіи къ практикѣ, выгода будетъ недостаточна, то нужно искать ее на всемъ обширномъ протяженіи Обской губы; а затѣмъ далѣе, за ея предѣлами, морскими промыслами въ Океанѣ нужно доказать остяку, что тамъ скрывается не путь къ его вѣчному мученію въ «темномъ царствѣ», а источникъ для счастія и развитія человѣка.

Каюкъ «В. Земцовъ», въ Обдорскѣ,
7-го августа 1876 г.

PS. Только что я успѣлъ кончить этотъ отчетъ и вышелъ на крышу моего каюка отдохнуть отъ довольно продолжительнаго сидѣнья, подышать свѣжимъ, уже прохладнымъ здѣсь воздухомъ, также разсѣяться отъ мыслей, только что мною высказанныхъ здѣсь и долго преслѣдовавшихъ меня во время моего путешествія, я замѣтилъ съ западной стороны, оттуда, гдѣ Уралъ уже двѣ недѣли стоитъ окутаннымъ въ непогоды и гдѣ вмѣсто него чернѣютъ массы тучь и облаковъ,—подплывающую къ Обдорску лодку. Оказалось, члены Бременской экспедиціи возвратились благополучно изъ путешествія въ долину Щучьей рѣки. Кромѣ длинной бесѣды, продолжавшейся далеко за полночь, о разныхъ предметахъ, была рѣчь между прочимъ о рыболовствѣ, о способахъ заготовленія рыбы въ прокъ. Я сообщилъ имъ нѣкоторыя мысли, уже высказанныя въ отчетѣ, и члены экспедиціи признали ихъ вполнѣ справедливыми, согласившись, что нѣтъ ху-

же метода на землѣ, по которому бы приготовлялась такая лучшая въ свѣтѣ рыба. Нынѣшній методъ приготовленія — порча рыбы, тогда какъ при лучшихъ методахъ, которые видѣли члены экспедиціи въ разныхъ концахъ земли, она бы могла легко конкурировать съ рыбами Норвегіи, Голландіи, Америки, Сардиніи и т. д. Во многихъ случаяхъ методъ простой: они угостили меня совершенно свѣжими стручками гороха, который былъ положенъ больше, чѣмъ годъ тому назадъ въ герметическія жестянки; жестянки только формой отличаются отъ тѣхъ коробокъ, въ которыхъ изъ за громадныхъ разстояній обскіе рыбаки привозятъ, какъ лакомство, сардинокъ въ область пребыванія тѣхъ обскихъ рыбокъ, называемыхъ селедками, которыя при подобномъ же способѣ приготовленія вдвое по крайней мѣрѣ превосходили бы рыбокъ Средиземнаго моря, но которыхъ иногда рыбаки въ громадномъ количествѣ вываливаютъ на берегъ по негодности.

VI.

Въ долинѣ р. Оби сохранился тотъ первобытный складъ жизни человѣка, который былъ пережитъ Европою въ до-историческія времена. — Виды пищи остяковъ, домашнія принадлежности. — Мѣста жертвоприношеній и ихъ характеръ.—Мысъ Ѣман`гнѣлъ.—Видъ на Уралъ изъ долины Оби и вліяніе его на характеръ окрестностей въ ледниковую эпоху и въ настоящее время. — Растительность и животныя нижняго теченія Оби.—Рыболовческій станокъ — Вульпаслинскія юрты и очеркъ происходящей въ нихъ жизни. — Путь въ устьяхъ Оби и въ Обской губѣ.—Характеръ мѣстности при устьяхъ Надыма, наводненія и животныя.—Преданіе о первыхъ жителяхъ при устьяхъ Надыма. — Нынѣшніе обитатели остяки и черты изъ ихъ нравовъ. — Надымскіе рыбопромышленники и сравненіе ихъ съ обскими: торговля водкой, вымѣниваніе рыбы на товары.—Остяки вотчинники и посягательство рыбопромышленниковъ на ихъ воды. — Обратный путь къ Обдорску.

Поздно вечеромъ, 10-го августа, я оставилъ Обдорскъ и направился внизъ по теченію Оби, въ Обскую губу. Сопровождавшая меня на этомъ пути картина природы и жизни не одинъ разъ заставляла останавливаться мысленно на одной изъ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ, которыя Европа пережила въ до-историческія времена.

Въ концѣ ледниковаго періода и въ началѣ современнаго, природа въ равнинахъ Франціи и Германіи имѣла совершенно иной видъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ она представляется теперь. Вмѣсто нынѣшнихъ, превосходныхъ виноградниковъ, тамъ устилали почву полярная ива и приземистая низкорослая береза; вмѣсто сочныхъ луговъ, мѣстности кутались въ безконечные покровы изъ мховъ и ягелей; вся разнообразная масса нынѣшнихъ лиственныхъ деревъ, оживляющая своимъ веселымъ видомъ равнины Средней Европы, замѣнялась болѣе мрачными породами хвойныхъ растеній, групировавшихся отдѣльными перелѣсками. Такія мѣстности населялъ уже и человѣкъ, стоя однакоже на весьма низкой степени культурнаго развитія; онъ былъ окруженъ животными, не похожими на нынѣшнихъ серн, козуль, ланей, благородныхъ оленей и пр.; то были громаднѣйшія животныя: мамонтъ, носорогъ, первобытный быкъ, гигантскій олень; съ ними обитали львы, гіены, пещерные медвѣди, вмѣсто современныхъ дикаго кота, рыси, волка и пр. Въ болѣе позднѣй періодъ большая часть этихъ животныхъ вымерла и въ Средней Европѣ, во Франціи и Германіи, остался господствующимъ — сѣверный олень. Въ эту эпоху господства сѣвернаго оленя и человѣкъ явился болѣе развитымъ, чѣмъ то было въ эпоху мамонта; хотя въ то время люди не знали еще металовъ и не умѣли ихъ обработывать, однако камни и въ особенности кость, замѣнявшіе имъ металы при выдѣлкѣ различныхъ домашнихъ принадлежностей, обрабатывались съ большимъ совершенствомъ. Нынѣ Западная Европа не представляетъ уже ничего подобнаго; рядомъ съ измѣнившейся природой степень культурнаго развитія ея жителей дошла до громадныхъ размѣровъ; вмѣстѣ съ широкой и разносторонней разработкой ея естественныхъ произведеній, въ нее стекается въ настоящее время все лучшее изъ всѣхъ частей свѣта. Между тѣмъ, эта первобытная жизнь, имѣвшая мѣсто въ Европѣ во времена до-историческія, не исчезла вполнѣ съ лица земли; нѣкоторые элементы западно европейской природы и жизни человѣка до-исторической эпохи сѣвернаго оле-

ня сохранились до нынѣ въ той области, въ которой я частію уже находился или которую мнѣ предстояло изслѣдовать. Здѣсь именно, въ окрестностяхъ Обдорска, возможно найдти живымъ тотъ складъ жизни человѣка, о которомъ западно-европейскіе ученые, по отношенію къ существовавшимъ у нихъ нѣкогда первобытнымъ обитателямъ, дѣлали свои заключенія по отдѣльнымъ, нерѣдко разрозненнымъ и неполнымъ остаткамъ. При всемъ томъ взгляды, установившіеся на до-историческихъ обитателей Западной Европы эпохи сѣвернаго оленя, поражаютъ своимъ точнымъ сходствомъ съ тѣмъ, что можно донынѣ видѣть между обитателями Обдорскаго края. Приведу нѣсколько примѣровъ: такъ называемые Везерскіе троглодиты эпохи сѣвернаго оленя были всеядны; въ ихъ пищѣ господствовалъ сѣверный олень; но кромѣ рыбы и различныхъ птицъ, также разныхъ видовъ тогдашнихъ животныхъ, лошади, зубра, быковъ, серны, горнаго козла, они ѣли мясо и *хищныхъ звѣрей*. Остяки и самоѣды до сихъ поръ считаютъ за большое удовольствіе ѣсть мясо песца, лисицы, россомахи, при случаѣ даже и волка; мясо медвѣдя съѣдаютъ, отправляя всякіе, приличные случаю, обряды и празднества. Если взять въ наибольшей чистотѣ самые методы приготовленія пищи, то они окажутся у остяковъ и самоѣдовъ Обдорскаго края весьма простыми; наибольшей степенью изысканности можно считать пожалуй слѣдующій способъ: у бѣлки остякъ цѣнитъ больше всего желудокъ, который онъ вынимаетъ и, въ полной цѣлости вздевая на палку, поджариваетъ около огня. Поджаренный желудокъ бѣлки въ то время, когда она исключительно питается кедровыми орѣхами, имѣетъ видъ начиненной орѣхомъ колбасы; тогда онъ снутри и снаружи совершенно бѣлый; когда же бѣлка, вмѣстѣ въ орѣхомъ ѣстъ и грибы, тогда поджаренный ея желудокъ черенъ въ разрѣзѣ; наибольшимъ почетомъ пользуется желудокъ съ чистымъ орѣхомъ. Такой способъ приготовленія пищи — поджариваніе, — существовалъ у Везерскихъ троглодитовъ; но отсутствіе въ массѣ оставленныхъ ими кухонныхъ остатковъ посуды, въ которой они могли бы готовить себѣ пищу, указываетъ

на то, что троглодиты употребляли пищу по преимуществу сырую, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ остяки и самоѣды, оправдываясь, что при здѣшнемъ холодномъ климатѣ нельзя иначе; но оправдать фактъ сыроядія имѣли совершенно такое же право и троглодиты, живя еще при довольно суровомъ климатѣ Средней Европы; въ существованіи же у нихъ этого явленія убѣждаютъ и кости среди кухонныхъ остатковъ, совершенно связанныя сухожиліями, — что̀ очевидно зависѣло не столько отъ изобилія пищи, сколько отъ того, что въ сыромъ видѣ возможно ѣсть только мягкія части; такъ это по крайней мѣрѣ можно наблюдать въ настоящее время у остяковъ: напримѣръ, приступая ко всякой рыбѣ, — нельма, муксунъ и пр., — остякъ тщательно снимаетъ съ рыбы чешую, срѣзываетъ съ нее съ величайшимъ искусствомъ всѣ мягкія части тѣла, въ видѣ красивыхъ лентъ, боковые и спинные мускулы, отдѣльно черевко-брюхо, ѣду начинаетъ съ черевка, какъ наиболѣе жирной и мягкой части тѣла, затѣмъ уничтожаетъ другія ленты; внутренности, — печень и сердце, жиръ, лежащій около желудка и кишекъ, служатъ для него послѣднимъ, хотя и не великимъ, но наиболѣе лакомымъ кускомъ; затѣмъ у него остается только костяной скелетъ рыбы, со всѣми связками и съ самымъ ничтожнымъ количествомъ мясистыхъ частей. При нынѣшнихъ условіяхъ у остяка не теряется однако и этотъ скелетъ: онъ высушиваетъ его на воздухѣ и потомъ пускаетъ въ кормъ собакамъ, а въ случаѣ недостатка пищи, толчетъ рыбьи кости и подмѣшивая къ нимъ муки съ водой, ѣстъ изъ нихъ похлебку. Расправа съ оленемъ имѣетъ подобный же характеръ; прежде всего съѣдаются сырыя внутренности, особенно печень, причемъ остякъ всякій отрѣзанный кусокъ помакиваетъ въ еще горячую, дымящуюся кровь убитаго животнаго; кромѣ того, эту горячую кровь онъ пьетъ ковшами; отъ внутренностей, какъ наиболѣе мягкихъ частей, онъ переходитъ уже къ мускуламъ и если затѣмъ съѣдается все остальное, то только потому, что остякъ нынѣ знакомъ съ котлами и прочей посудой для варки пищи. Вмѣстѣ съ тѣмъ остякъ до нынѣ остается чрезвычайнымъ любите-

лемъ, какъ и большая часть первобытныхъ народовъ, костянаго мозга, въ искуствѣ добывать который изъ большихъ трубчатыхъ костей животныхъ они едва ли уступитъ троглодитамъ, имѣвшимъ для этого даже особенные снаряды.

Если такимъ образомъ продолжать сравненіе чертъ жизни, аналогичныхъ или тождественныхъ у нынѣшнихъ остяковъ и у европейцевъ періода сѣвернаго оленя, то не трудно замѣтить сходство въ нѣкоторыхъ другихъ принадлежностяхъ домашняго быта; помимо того, что у остяковъ до сихъ поръ существуютъ каменныя принадлежности, выдѣлываемыя еще нынѣ по образцу древнѣйшихъ, каковы камни у колыдана, грузила у неводовъ, нужно сказать, что у нихъ оленьи кости, особенно рога, играютъ такую же первостатейную роль, въ выдѣлкѣ издѣлій, какъ это было у троглодитовъ. Кромѣ кожанныхъ лентъ въ оленьей упряжи въ видѣ блях и связей является исключительно только оленья кость; изъ олепьяго рога приготовляется громадная масса принадлежностей при устройствѣ ловушекъ; изъ оленьяго рога устраиваются ручки для ведеръ, наконечники для стрѣлъ и пр. Наконечники дѣлаются иногда изъ цѣлыхъ клыковъ молодыхъ моржей; кромѣ того идутъ на разныя издѣлія трубчатыя кости оленя; изъ роговъ лося производятся тѣ кружки для обработки крапивы у южныхъ остяковъ, подобные которымъ, но только сдѣланные изъ камня, встрѣчаются весьма часто въ остаткахъ каменнаго вѣка на Сѣверѣ Россіи. У троглодитовъ были не меньше распространены просверленные зубы разныхъ животныхъ; относительно ихъ назначенія ученые ограничиваются только догадками; но распространенность этихъ зубовъ между остяками и самоѣдами даетъ возможность угадать ближайшее ихъ назначеніе. Такъ зубы, клыки, мелкихъ животныхъ въ родѣ выдры имѣютъ иногда назначеніе запонокъ, съ зубами другихъ соединяется другое, болѣе глубокое значеніе. Таковъ напр. клыкъ медвѣдя; просверленный при основаніи, онъ прицѣпляется къ поясу и въ такомъ случаѣ предохраняетъ чело-

вѣка отъ спинной боли, въ случаѣ же ея присутствія, избавляетъ отъ нее; вещество, соскобленное съ зуба, идетъ также какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней; другое назначеніе зуба—служить посредствомъ, чтобъ увѣрить кого либо въ истинѣ сказаннаго или сдѣланнаго; для этого остякъ кусаетъ зубъ медвѣдя, со словами: «если онъ говоритъ неправду, то чтобъ медвѣдь грызъ его также, какъ онъ, остякъ, грызетъ его зубъ». Клятва передъ зубомъ медвѣдя, также какъ передъ его лапой и когтями, связана съ божественнымъ, по понятію остяковъ, происхожденіемъ медвѣдя и если просверленные зубы разныхъ животныхъ имѣли у древнѣйшихъ западно-европейцевъ аналогичное значеніе, то слѣдовательно и троглодиты не были лишены религіи, касательно чего теперь изслѣдователи не рѣшаются пока сказать что либо положительное. Между тѣмъ если взять въ примѣръ остяковъ, то можно положительно сказать, что троглодиты имѣли по крайней мѣрѣ понятіе о загробномъ существованіи человѣка; они съ покойникомъ клали обдѣланные кремни и украшенія изъ раковинъ; сопровождая пиршествомъ его отхожденіе изъ міра сего, остяки дѣлаютъ то же самое: кладутъ съ покойникомъ разнаго рода вещи, служившія ему при жизни, и украшенія, съ убѣжденіемъ, что все это пригодится въ будущемъ. Надмогильное пиршество остяковъ есть одно изъ цѣлой вереницы другихъ, ведущихъ непосредственно въ область ихъ религіи, которая у нихъ, какъ и у всѣхъ другихъ первобытныхъ народовъ, тѣсно связана съ интересами желудка. Во всѣхъ жертвоприношеніяхъ на долю высшей силы, олицетворяемой по обыкновенію въ формѣ какой нибудь грубо обдѣланной деревяшки, падаетъ все исключительно несъѣдобное, кости, главнымъ же образомъ рога оленя, да еще смазка по губамъ лакомымъ кускомъ, который съѣдается, какъ и все остальное, самимъ остякомъ; результатомъ этого является въ мѣстахъ жертвоприношеній, у подножія истукановъ, громадная масса костей, роговъ и череповъ разныхъ животныхъ. Подобнаго рода кучи оленьихъ роговъ, относящихся къ человѣку эпохи сѣвернаго оленя, были находимы въ Германіи (Фраазъ) и такимъ образомъ

религія, подобная остяцкой, должна была существовать если не у Везерскихъ троглодитовъ, то у другихъ, современныхъ имъ народовъ Средней Европы.

Глубоко врѣзались въ моей памяти эти мѣста, въ которыхъ остякъ совершаетъ свои религіозные обряды. Одно изъ такихъ я видѣлъ верстахъ въ 5-ти отъ Обдорска, вверхъ по р. Полую, въ Пасерцовыхъ юртахъ. Это рядъ бревенчатыхъ лачугъ, расположенныхъ на правой сторонѣ долины Полуя, среди рощъ изъ мелкаго березняка, прерывающагося безлѣсными, моховыми полянами, съ растущими на нихъ приземистыми кустами голубичника, полярной березы (B. nana), также покрытыми моропкой (Rubus chamaemorus), клюквой, воронцомъ (Empetrum nigrum); изрѣдка идутъ въ Полуй ручейки, долины которыхъ или травянисты или заросли ивовыми кустарниками. Березнякъ, какъ растительность наиболѣе выдающаяся и видимо тщательно охраняемая, сосредоточилъ въ себѣ наиболѣе слѣдовъ остяцкихъ религіозныхъ празднествъ. У подножія многихъ березокъ, дающихъ отъ одного корня нѣсколько отпрысковъ или небольшихъ стволовъ, навалены кучи оленьихъ роговъ; среди нихъ, тутъ же, выдаются простыя полѣнья разныхъ величинъ, съ нѣкоторымъ подобіемъ глазъ. носа и рта. Это мѣстопребываніе очень древняго пената, теперь уже забытаго; самъ онъ полугнилой, покрылся мхомъ и лишайниками, также какъ вся масса окружающихъ его оленьихъ роговъ. Далѣе около юртъ встрѣчаются истуканы — деревяшки болѣе новыя, можетъ быть еще до сихъ поръ имѣющія поклонниковъ. Но главнѣйшій — находится подъ лиственницей, одиноко стоящей среди рощи и почитаемой наиболѣе, чѣмъ другія деревья. Лиственница невысокаго роста, довольно корявая, сучковатая; ея вѣтви идутъ горизонтально, почти подъ прямымъ угломъ къ стволу, образуя шатеръ; у ствола лиственницы стоитъ, прислонившись, истуканъ; онъ представляетъ изъ себя полѣно, до 2-хъ аршинъ вышиной; верхняя часть его, изображающая голову и лицо, вся увѣшана пѣлымъ снопомъ всякаго

рода суконныхъ лентъ, красныхъ, черныхъ и пр.: этими лентами совершенно закрыто лицо его, какъ бы для того, чтобъ оно не было доступно глазу смертныхъ или можетъ быть потому, что въ истуканѣ остяки хотѣли изобразить нѣчто грозное и суровое: послѣднее вѣроятно и потому, что по правую сторону деревяшки на вѣтви виситъ половина военной сабли съ рукояткой — признакъ воинственности пепата, у ногъ котораго находятся ящички съ разнымъ хламомъ, съ рубашками, лоскутками сукна, обломками желѣза; тутъ же подъ деревомъ, между разрушившимися шкурами, находятся другіе, болѣе мелкіе болванчики, около же нихъ черепа съѣденныхъ лисицъ, песцовъ и пр. Это истуканъ родовой, который видимо переносился въ юрту старѣйшаго въ родѣ; отстранивъ лохмотья съ его лица можно было видѣть въ поперечной щели, соотвѣтствующей губамъ, остатки разныхъ яствъ, перемежающихся съ слоями дыма, который садился на него въ юртѣ. Далѣе внизъ по теченію Оби, верстахъ въ 120 отъ Обдорска, находятся остяцкіе юрты—Воксарковы. Обыкновенно крутой и возвышенный правый берегъ Оби пробитъ здѣсь поперекъ глубокимъ оврагомъ, по которому съ высоты къ уровню рѣки быстро сбѣгаетъ ключикъ съ прохладной и свѣтлой водой; сзади подступаетъ къ оврагу гора съ ровными скатами, раздѣляющая оврагъ вилообразно на двѣ вѣтви. На крутыхъ скатахъ оврага, обращенныхъ къ его устью, по преимуществу въ нижнихъ частяхъ, съ той и съ другой стороны, лѣпятся остяцкіе берестяные чумы; между ними пробиваются только одна-двѣ юрты изъ бревенъ: вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь одиночно разсѣяны лиственницы, которыя чѣмъ выше къ вершинамъ горъ, тѣмъ становятся рѣже, мельче и корявѣе; задняя гора, съ пологими скатами, совершенно лишена растительности; единственный мохъ застилаетъ ее безпрерывнымъ, толстымъ покровомъ. Сопоставленный съ этой скудной растительностью, безплодно борющейся здѣсь съ холодами и вообще съ суровой природой, остякъ ищетъ покровительства высшихъ силъ, олицетворяя ихъ конечно въ са-

мыхъ грубыхъ, сподручныхъ его понятіямъ формахъ. Такимъ образомъ и здѣсь, на правой сторонѣ оврага, по скату выше юртъ, онъ помѣстилъ своихъ покровителей, отдавъ подъ охрану ихъ все свое имущество. Имущество остяка состоитъ здѣсь изъ оленьихъ шкуръ, зимняго платья и пр.; оно все тщательно уложено въ нарты, въ которыхъ лежатъ и сами, обожаемые имъ истуканы; возы накрыты сверху берестомъ и крѣпко увязаны. Одна изъ большой кучи нартъ имѣетъ видъ отличный отъ другихъ; на ней лежитъ совершенно цѣлая шкура оленя съ головой и рогами, съ ногами и копытами; голова оленя набита и представляетъ нѣкоторое подобіе головы живаго оленя; — это олицетвореніе верховной силы. Въ большинствѣ случаевъ трудно однако рѣшить, кому именно принадлежатъ возы, собственно ли остякамъ или ихъ пенатамъ. Остякъ считаетъ свое имущество общимъ съ пенатами; чѣмъ богаче его покровитель, тѣмъ больше можетъ ему дать, поэтому остякъ приноситъ ему все, что имѣетъ, хотя потомъ можетъ занимать и распоряжаться имуществомъ покровителя по своему усмотрѣнію. Часто при своихъ кочеваніяхъ остякъ перевозитъ и истукановъ съ мѣста на мѣсто, въ слѣдъ за собой со всѣмъ ихъ достояніемъ. Непосредственная же жертва божеству состоитъ и здѣсь изъ остатковъ пищи: около нартъ висятъ въ разныхъ мѣстахъ сшитыя осетровыя шкуры, затѣмъ по другую сторону оврага выступаютъ снова черепа разныхъ животныхъ и оленьи рога, которыми бываютъ увѣшаны разныя лиственницы, замѣчательныя своимъ положеніемъ или оригинальнымъ видомъ. Какъ чтятся и цѣнятся всякаго рода предметы природы, такъ считается не менѣе важнымъ украсить эти предметы чѣмъ либо болѣе или менѣе необыкновеннымъ, и въ этомъ отношеніи особенно цѣнится здѣсь у остяковъ, какъ даръ высшему существу, скелетъ или черепъ бѣлухи (Delphinus leucas), загоняющей въ Обь рыбу. Отлагая пока въ сторону рядъ другихъ фактовъ, касающихся остяцкихъ религіозныхъ вѣрованій, я приведу еще одну выписку изъ дневника, знакомящую съ формой, въ которой остякъ рисуетъ себѣ высшую силу,

съ способомъ, какимъ онъ выражаетъ передъ ней свою преданность, а также и съ мотивами, на основаніи которыхъ онъ признаетъ присутствіе этой силы въ томъ или другомъ мѣстѣ.

«Рано утромъ, 20-го августа, я оставилъ остяцкое селеніе Хоровой, лежащее на р. Надымѣ, и пустился въ обратный путь на Обдорскъ. Хорошій попутный восточный вѣтеръ крѣпко надулъ парусъ и скоро вытащилъ надежную при всякихъ опасностяхъ лодку въ непроглядную ширь Обской губы; напрасно бурливыя волны старались настичь насъ, большая, но легкая лодка далеко оставляла ихъ позади. Такимъ то образомъ мы быстро примчались къ южному берегу Обской губы, гдѣ и встрѣтилъ насъ высокій, рѣзко очерченный мысъ — Ѣман'гніёлъ, считающійся мѣстопребываніемъ остяцкаго божества — Ѣмана. Было рѣшено принести жертву Ѣману, о которомъ я узналъ отъ остяковъ при распросахъ тутъ же на мѣстѣ слѣдующее: онъ имѣетъ жену, дѣтей, но неизвѣстно въ какомъ количествѣ; какой онъ имѣетъ видъ, тоже неизвѣстно. Видятъ только остяки, проѣзжая около Ѣман'гніёла зимой въ темныя ночи, что здѣсь горитъ огонь и освѣщаетъ имъ дорогу: въ свѣтлыя ночи этого нѣтъ. Лѣтомъ, когда при проѣздѣ около мыса приносится жертва Ѣману, погода часто изъ неблагопріятной становится благопріятною: измѣняется она именно по просьбѣ просящаго; въ случаѣ опасности, остякъ находитъ себѣ безопасный пріютъ въ лежащей около мыса рѣчкѣ. Въ этой рѣчкѣ можно ночевать многимъ остякамъ, но одному нельзя: ему снится и чудится. Въ лѣсу раздаются голоса, стукъ топора, ходятъ люди; вообще, все это можно больше всего видѣть и испытать ночью, но днемъ нельзя. Для умилостивленія Ѣмана въ благопріятномъ для человѣка направленіи необходима жертва; онъ, какъ семьянинъ, нуждается во всемъ, какъ и человѣкъ: притомъ онъ все знаетъ и предвидитъ: куда и откуда кто выѣхалъ, какая жертва ему приготовлена или будетъ сдѣлана. Жертву по силамъ долженъ принести всякій, особенно остякъ, что̀ у него только есть, даже если и лоскутъ отъ его платья. Но главнымъ образомъ для Ѣмана пріятно серебро; остякъ, не имѣю-

щій серебра, долженъ запасти его заблаговременно, предвидя проѣздъ черезъ Ѣман'гніёлъ. Потомъ лучшимъ даромъ служитъ ему водка. У насъ было назначено Ѣману: два серебряныхъ гривенника, три бронзовыхъ перстня, изъ нихъ два со вставками, двѣ пустыя гильзы отъ штуцера Бердана, нѣсколько нитокъ бусъ; наконецъ была и водка, причемъ остяки испросили у меня право подать водки Ѣману изъ имѣвшагося у меня серебрянаго стакана, но не изъ никелеваго, изъ котораго они по обыкновенію угощались сами.

Наконецъ насталъ важный моментъ жертвоприношенія. Совершеніе обряда взялъ на себя остякъ Индерма, какъ старѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ на лодкѣ остяковъ и какъ вотчинникъ мѣстностей, лежащихъ около мыса; здѣсь онъ кочуетъ зимой, ловитъ песцовъ и лисицъ, однакоже только на значительномъ разстояніи отъ священнаго мыса. Прежде всего онъ взялъ бутылку водки, наполнилъ ею серебряный стаканчикъ, устремилъ умоляющій и призывающій взглядъ на материкъ, безмолвно вылилъ водку въ воду, затѣмъ послѣдовательно бросилъ въ воду съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица: два гривенника, двѣ пустыя гильзы, бусы, кольца, снова обратилъ умоляющій взглядъ на мысъ и поклонился; заключилъ онъ свое приношеніе новой рюмкой водки, которую съ поклономъ Ѣману вылилъ въ воду. Затѣмъ онъ принялъ за непремѣнное условіе для самаго себя, а также и для другаго товарища, котораго онъ почему то считалъ равноспльнымъ себѣ по приношенію жертвы, — выпить водки, по рюмкѣ которой кстати исходатайствовалъ и для всѣхъ остальныхъ гребцовъ остяковъ, находившихся на лодкѣ. Я съ своей стороны проговаривался было выйдти на берегъ и напиться тамъ чаю, но Индерма всѣми силами старался отсовѣтовать мнѣ это, говоря, что жертва принесена и мы должны пользоваться попутнымъ вѣтромъ, но что на обратномъ пути они сами должны во что бы то ни стало купить бутылку водки и цѣликомъ ее поставить Ѣману. Вмѣстѣ съ тѣмъ остяки выражаютъ свое почитаніе мысу тѣмъ, что около него нельзя изъ губы пить воду, тутъ нельзя стрѣлять, нѣтъ,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже воспрещается грести или шевелить веслами; на самомъ материкѣ нѣкоторое пространство является угломъ вполнѣ завѣтнымъ, тутъ нельзя охотиться, женщинамъ воспрещается даже ходить туда и сбирать ягоды и пр.

Мысъ Ѣманъгніёлъ — послѣдній, лежащій на пути отъ острова Хэ въ Надымъ; миновавъ его, приходится ѣхать въ Надымъ по совершенно открытому водному пространству, иногда не видя береговъ, въ случаѣ непогоды около мыса встрѣчается наибольшій прибой волнъ — наибольшая, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. опасность. Но тутъ же около мыса, въ случаѣ опасности, есть и средство для спасенія: это рѣчка, вода которой спокойна при всѣхъ вѣтрахъ. Такія мѣста повсюду служили первобытнымъ жителямъ для поселенія: и у названнаго мыса два крайнія его свойства, въ силу топографическихъ его особенностей, послужили вѣроятно основаніемъ тому, что остяки помѣстили здѣсь всемогущую силу — Ѣмана. Съ другой стороны изъ всего сказаннаго видно, что остякъ въ своемъ олицетвореніи верховной силы выразилъ свой собственный характеръ, свои потребности; созданный имъ Ѣманъ — есть тотъ же остякъ. живущій своимъ домомъ, семьей, въ своихъ владѣніяхъ, въ которыя вмѣшиваться никто другой не вправѣ, иначе дерзкій подвергнется наказанію; онъ также ѣстъ оленину и прочую дичину, рыбу, пьетъ съ любовью водку, нуждается въ деньгахъ и одеждѣ, въ украшеніяхъ и бездѣлушкахъ, притомъ женскія украшенія, бросаемыя остяками, идутъ во владѣнія женщинъ же. напр. бусы, перстни со вставками: наконецъ онъ рубитъ дрова. деревья отъ его топора валятся иногда съ большимъ трескомъ, разводитъ огни и видимо грѣется, что̀ по временамъ бываетъ непзбѣжно въ этой холодной странѣ, къ очерку которой въ этомъ отношеніи я и перейду теперь.

Еще далеко не доѣзжая Обдорска, именно около песка Питлярскаго, Уралъ начинаетъ показывать свои мрачныя массы и гребень и чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ онъ принимаетъ болѣе и болѣе цѣлостный видъ и ясныя очертанія, приближаясь къ до-

линѣ Оби и сопровождая ее далеко за Обдорскъ; еще около Воксарковыхъ юртъ онъ рисовался передо мной въ юго-юго западномъ направленіи; при болѣе значительномъ отдаленіи отсюда, хотя онъ и не казался массивнымъ, но тѣмъ не менѣе сохранялъ ясность своихъ очертаній. Съ наибольшей ясностью на пройденномъ мною пути онъ представляется изъ окрестностей Обдорска. Уралъ отстоитъ отъ Обдорска къ западу верстахъ въ 80-ти; отсюда прежде всего рисуется передъ нимъ широкая, однообразная низменность, долина р. Оби, воды которой во время разлива покрываютъ большую часть низменности и многіе сора подходятъ близко, почти къ самому Уралу; особенно это часто случается по Малой Оби, между Обдорскомъ и Мужами. Мѣстности въ низменности наиболѣе выдающіяся заросли по обыкновенію ивняками и травами; но онѣ не нарушаютъ однообразнаго вида низменности, на западной окраинѣ которой рѣзко выступаетъ Уралъ, довольно крутой стѣной, безъ особенно замѣтныхъ предгорій. Часть Урала, составляющая южную его половину, состоитъ изъ ряда массъ, круто падающихъ къ низменности, а иногда еще болѣе круто и внезапно кончающихся по направленію къ сѣверу; это несомнѣнно уже описанная Гофманомъ вершина Пае-Ера, съ групою другихъ къ ней прилежащихъ и въ совокупности составляющихъ часть Урала, извѣстную подъ именемъ Обдорскихъ горъ. Рядомъ съ крутыми скатами этихъ вершинъ слѣдующія далѣе къ сѣверу вершины начинаются полого и лежатъ западнѣе, почему Уралъ кажется пересѣченнымъ нѣсколькими поперечными долинами, проходами, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ; но въ общей сложности и сѣверная часть его скоро принимаетъ видъ опредѣленнаго и ясно очерченнаго хребта, съ общимъ всему Сѣверному Уралу характеромъ суровости. Скалистый и каменистый, разщелленный въ разныхъ направленіяхъ крутыми долинами и лишенный на большой части своихъ высотъ растительности, онъ, мрачный и морщинистый, носитъ на себѣ еще больше отпечатокъ мертвенности и нелюдимости, чѣмъ раскинутая у его восточнаго подножія низменность,

хотя въ то же время видъ на него, при здѣшнемъ однообразіи, не лишенъ величія и нѣкоторой весьма своеобразной красоты; такой точно видъ представляли вѣроятно горы Средней Европы въ концѣ ледниковаго и въ началѣ современнаго періода. Большую часть года Уралъ покоится конечно подъ толстыми снѣговыми покровами; еще во время моего передняго пути, въ концѣ іюля, на его уже почернѣвшемъ остовѣ бѣлѣли пятнами и полосами массы снѣга, заполнявшія очевидно долины и ущелья въ наиболѣе высокихъ его пунктахъ. На возвратномъ пути, въ концѣ августа, можно было замѣтить, какъ вершины его снова кутались въ свѣжее снѣговое одѣяніе, которое впрочемъ скоро исчезало; около 10 сентября вершины Урала забѣлѣли на болѣе продолжительное время. По наблюденію Гоффмана, вершины Обдорскихъ горъ пудрились свѣжимъ снѣгомъ съ 20 на 21 іюля и трудно сказать, какой это былъ снѣгъ, послѣдній ли весенній или первый осенній; хотя отсюда очевидно, что не всегда старыя массы снѣга успѣютъ стаять прежде, чѣмъ свѣжій новый запасъ снѣга является уже на вершинахъ Урала болѣе или менѣе толстымъ и постояннымъ покровомъ. Не всегда Уралъ видѣнъ изъ Обдорска съ одинаковою ясностью; въ ненастную, пасмурную погоду онъ обыкновенно скрывается изъ виду, совершенно окутанный туманами; нерѣдко облака скрываютъ отъ глаза его отдѣльныя вершины; въ ясную погоду онъ рисуется на горизонтѣ болѣе отчетливо, одѣваясь, при значительномъ насыщеніи воздуха парами (передъ ненастьемъ), болѣе или менѣе прозрачною дымкою; съ воздухомъ болѣе чистымъ, онъ какъ бы приближается къ Обдорску и обнажаетъ весь свой мрачный остовъ, со всѣми подробностями его изгибовъ и очертаній. Въ противоположность прекраснымъ лѣтнимъ днямъ, въ половинѣ и въ концѣ августа погода въ окрестностяхъ Обдорска начала замѣтно измѣняться къ худшему; нерѣдко въ теченіи нѣсколькихъ дней стояло ненастье съ холодомъ, слякотью и вѣтрами, по вмѣстѣ съ тѣмъ по временамъ выпадали и теплые дни: вмѣсто непроницаемой, сѣро-свинцовой пелены, сплошь и равномѣрно расплывавшейся по небу, на немъ

появлялись густыя бѣловатыя облака, съ довольно опредѣленными очертаніями; въ однихъ мѣстахъ онѣ тѣсно сплачивались, въ другихъ разступались, выказывая скрывавшуюся за ними синеву неба. И бывали случаи, когда массы облаковъ бросали сплошную и густую тѣнь на всѣ окрестности Обдорска, на все доступное глазу протяженіе Обской долины, въ то время какъ на Уралѣ, сквозь существовавшіе между облаками промежутки, сквозь эти небесныя окна проглядывало солнце и освѣщало своими лучами тѣ или другія части хребта. Но въ игрѣ этихъ перебѣгавшихъ съ мѣста на мѣсто свѣтовыхъ полосъ и пятенъ, какъ въ панорамѣ, еще съ большею силою обнаруживался суровый характеръ Урала: его каменныя вершины, заостренныя или округленныя, темныя или сѣдоватыя, лишены лѣса, а скудная кустарная или древесная растительность среднихъ высотъ и подножія была одѣта уже совершенно пожелтѣвшей листвой, тогда какъ кустарная растительность долины Оби продолжала представлять на себѣ значительное количество зеленой листвы.

Уралъ несомнѣнно издавна уже вліялъ неблагопріятно на окружающія его окрестности. Въ отдаленную эпоху ледниковаго періода онъ видимо былъ закованъ громадными толщами ледниковъ, сползавшихъ съ него въ различныхъ направленіяхъ. Съ востока, у его подножія, разстилался значительный водоемъ, можетъ быть даже морской заливъ, на прежнемъ ложѣ котораго въ послѣдствіи Обь пробила себѣ долину и образовала нынѣшнюю Обскую губу. Матеріалъ изъ различныхъ горныхъ породъ выносился ледниками съ высотъ Урала и, попадая у его подножія въ водоемъ, разносился здѣсь вмѣстѣ съ глыбами льда по разнымъ направленіямъ и отлагался среди слоевъ на днѣ водоема. Во всемъ этомъ достаточно убѣждаетъ характеръ слоистыхъ образованій, сопровождающихъ р. Обь, на которыя мнѣ уже приходилось прежде указывать. Въ разныхъ слояхъ этихъ образованій, на различной глубинѣ, находятся втиснутыми валуны; имѣя величину отъ одного до нѣсколькихъ футовъ въ наибольшемъ попе-

рѣчникѣ. иногда футовъ до 5—6, они представляютъ часто на своихъ поверхностяхъ замѣчательно ясную политуру и ледниковую штриховатость; точно такого рода поверхности встрѣчаются у валуновъ и на выступахъ горныхъ породъ въ Финляндіи, въ Альпахъ и пр., однимъ словомъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ происхожденіе изборожденныхъ и полированныхъ поверхностей на глыбахъ горныхъ породъ было связано съ нѣкогда дѣйствовавшими или дѣйствующими еще теперь ледниками. Одновременно съ движеніемъ ледниковъ на восточномъ склонѣ Урала, таковое совершалось и на западныхъ его склонахъ, по направленію къ долинѣ Печеры, къ чему убѣдительное доказательство представляютъ наблюденія А. А. Штукенберга. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить, что валуны въ слояхъ вышеназванныхъ Обскихъ образованій никогда не встрѣчаются массами или слоями самостоятельными, но разбросаны болѣе или менѣе разъединенно въ слояхъ песчаныхъ, глинисто иловатыхъ и пр.; кромѣ ихъ, здѣсь не находится ни какихъ другихъ слѣдовъ отъ продуктовъ ледниковъ. Отсюда слѣдуетъ, что продукты ледниковъ не разносились въ водоемѣ съ восточной стороны Урала большими массами или самъ водоемъ отложилъ свои слоистые осадки, доступные теперь наблюденію, въ томъ періодѣ, когда ледники значительно уменьшились въ своихъ размѣрахъ. Одновременно съ разнесеніемъ валуновъ или съ сортированіемъ заранѣе оставленныхъ ледниками типичныхъ ледниковыхъ образованій, на восточной сторонѣ Сѣвернаго Урала жили гигантскія млекопитающія: мамонтъ, носорогъ и первобытный быкъ.

Вліяніе Урала на его окрестности продолжается и до нынѣ, хотя нѣсколько въ иной формѣ; онъ дѣйствуетъ на нихъ какъ холодильникъ. Мѣста въ долинѣ Оби, наиболѣе близко прилегающія къ Уралу, носятъ на себѣ слѣды большей суровости, чѣмъ мѣстности дальше къ востоку отстоящія отъ Урала, хотябы при томъ эти мѣста лежали и сѣвернѣе соотвѣтственныхъ по суровости мѣстъ въ долинѣ Оби. Уралъ охлаждаетъ свои восточныя

окрестности, потому что сравнительно долго сохраняетъ на себѣ снѣгъ, и вѣтры западный и сѣверо-западный, проходя чрезъ его высоты, достигаютъ до Обской долины уже охлажденными; эти вѣтра по своей силѣ и суровости считаются въ низовьяхъ Оби наиболѣе опасными во всѣхъ отношеніяхъ. Несомнѣнно въ силу этого вліянія Обдорскъ и его ближайшія окрестности бѣдны древесной растительностью; около Обдорска нѣтъ строеваго лѣса; береза здѣсь ничтожныхъ размѣровъ, лиственница низка, сучковата и корява, большая часть другихъ деревъ не растетъ здѣсь, какъ кедръ, сосна и пр.; мѣстами, разъединенно встрѣчается ель. Скудный запасъ деревъ не образуетъ здѣсь сплошныхъ лѣсовъ, а является въ видѣ перелѣсковъ, разъединенныхъ обширными, моховыми полянами съ ихъ скудной и еще болѣе однообразной полярной растительностью. Въ силу такого характера мѣстной древесной растительности Обдорскъ выстроенъ изъ привознаго лѣса, преимущественно изъ барочнаго: это большія плахи изъ южныхъ частей Оби, составлявшія нѣкогда неуклюжія посудины, приходившія въ Обдорскъ съ хлѣбомъ; всякая плаха пропизана большимъ количествомъ дыръ около 1 вершка въ діаметрѣ; при употребленіи въ постройку такія дыры забиваются соотвѣтственной величины деревянными стержнями: но при всемъ томъ Обдорскъ, построенный изъ барочнаго лѣса, кажется печальнымъ дырявымъ селеніемъ среди здѣшней холодной и пустынной страны. Есть нѣсколько домовъ, выстроенныхъ изъ лѣса, приплавленнаго изъ вершинъ р. Полуя, отстоящихъ верстъ на 60 къ юго-востоку отъ Обдорска, мѣстность видимо уже по своему болѣе восточному положенію и большему отдаленію отъ Урала, пользующаяся болѣе благопріятными условіями. Но и здѣшній строевой лѣсъ имѣетъ только до 4—6 вершковъ въ отрубѣ. Такимъ образомъ Обдорскъ на всемъ пройденномъ мною пути явился однимъ изъ самыхъ бѣдныхъ пунктовъ лѣсной растительности, хотя въ строгомъ смыслѣ его нельзя считать крайнимъ сѣвернымъ предѣломъ ея распространенія. Отдѣльныя рощи изъ лиственницы можно было наблюдать далѣе къ сѣверу отъ него,

хотя деревья взятыя въ отдѣльности уже не имѣютъ здѣсь правильнаго роста, который у нихъ малъ, стволъ сучковатъ, неровенъ, съ изгибами, развѣтвленіе—шатрообразное,—все напоминаетъ въ нихъ напряженную борьбу съ холодомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ по обрывамъ праваго берега Оби нерѣдко цѣлыми густыми плотными чащами ростетъ еще ольха (Alnaster), иногда къ ней примѣшиваются даже рябина, осина и береза. По выходѣ изъ Оби въ губу, вдоль южнаго берега на востокъ, растительность становится нѣсколько болѣе оживленной; такъ напримѣръ около Ъман'гиёла деревья имѣютъ болѣе высокій ростъ и являются въ формѣ болѣе густыхъ перелѣсковъ. Еще далѣе, по Надыму, встрѣчаются уже лѣса, въ составъ которыхъ входитъ даже кедровникъ, приносящій орѣхи. Вообще граница древесной растительности, съ углубленіемъ на востокъ, уходитъ далѣе къ сѣверу, около Обдорска она лежитъ южнѣе, чѣмъ къ востоку отъ Тазовской губы и около Енисея, какъ это можно видѣть, принявъ въ соображеніе наблюденія Ѳ. Б. Шмидта.

По мѣрѣ того, какъ прекраснѣйшіе лѣса, кедровники, сосняки, ельники и лиственяки средняго теченія Оби исчезаютъ по направленію къ сѣверу или же идутъ туда въ формѣ рѣдкихъ, тутъ или тамъ разсѣянныхъ рощъ, происходитъ измѣненіе и въ составѣ животныхъ, населяющихъ край. Большая часть млекопитающихъ, свойственныхъ лѣсной полосѣ, доходитъ частію до Березова, частію нѣсколько дальше, совершенно исчезая около Обдорска. Соболь рѣдокъ уже около Березова; онъ придерживается больше вершинъ рѣчекъ, текущихъ въ Обь со стороны Урала; нынѣ онъ въ наибольшемъ изобиліи встрѣчается по Пелыму, совершенно отсутствуя на пространствѣ между Березовымъ и Обдорскомъ; исчезаетъ въ сосѣдствѣ съ тундрой и *лось*, также *рысь*; выдра составляетъ здѣсь уже рѣдкое явленіе; *медвѣдь* попадается въ долинѣ Оби, около Обдорска, въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія. Распространеніе *волка* весьма своеобразно: будучи довольно многочисленнымъ въ среднемъ теченіи Иртыша, онъ

къ сѣверу, особенно въ лѣсистой полосѣ средняго теченія Оби, становится весьма рѣдокъ; годъ тому назадъ онъ появился въ большемъ количествѣ около селенія Кондинскаго, но жители считаютъ это явленіе крайне рѣдкимъ. Въ окрестностяхъ Обдорска, т. е. въ нижнемъ теченіи Оби, волкъ снова становится многочисленнымъ, нападая систематически на стада домашнихъ оленей, да и сами остяки не всегда бываютъ застрахованы отъ него. Между волками здѣшней мѣстности часто попадаются экземпляры частію или даже совершенно бѣлые. *Бѣлка* также избѣгаетъ окрестностей Обдорска, вмѣстѣ съ *бурундукомъ*. Но вмѣстѣ съ тѣсами на востокъ отъ Обдорска многіе изъ этихъ лѣсныхъ звѣрей уходятъ дальше къ сѣверу, особенно по Надыму; здѣсь остяки промышляютъ бѣлку, извѣстную подъ именемъ надымской; тутъ уже чаще встрѣчается медвѣдь, а также и другіе мелкіе хищники въ родѣ горностая, колонка и пр. Надымъ, съ прилежащими къ нему вершими Полуя, составляетъ одно изъ извѣстнѣйшихъ мѣстъ звѣропромышленности между остяками. Наиболѣе характерными обитателями полосы бѣдной лѣсомъ или совершенно его лишенной— тундры, нужно признать сѣвернаго оленя и песца: вмѣстѣ съ ними распространяется здѣсь и лисица, а изъ мелкихъ конечно пеструшка (Myodes); кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ видовъ полевокъ (Arvicola), въ долинѣ Оби около Обдорска часто встрѣчается водяная крыса (Arvicola amphibius) или кротъ, по здѣшнему выраженію, такъ что ее иногда ловятъ въ большомъ количествѣ и шкурку ея употребляютъ на мѣха. Но изъ этихъ обитателей большая часть не ограничивается одной только областью тундры и ея окраинами. Олень, какъ я уже указывалъ, уходитъ въ своемъ распространеніи очень далеко на югъ, по долинѣ Иртыша. — почти до Тобольска, особенно по побочнымъ и болотистымъ притокамъ Иртыша. Начиная отсюда, онъ всюду встрѣчается по долинѣ и притокамъ р. Оби, во всей лѣсной полосѣ. Въ окрестностяхъ Обдорска онъ однакоже избѣгаетъ мѣстности вполнѣ безлѣсныя, особенно самую долину Оби; и держится преимуще-

ственно на высотахъ Урала, а съ другой стороны — въ вершинахъ р. Полуя и Надыма, гдѣ остяки, промышля бѣлокъ, ведутъ охоту и на оленя. Здѣсь въ ходу одинъ весьма оригинальный способъ ловли оленя: домашнему оленю самцу опутываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ рога веревкой и подпускаютъ его къ стаду дикихъ оленей, старѣйшій защитникъ и стражъ которыхъ — самецъ сейчасъ же нападаетъ на незваннаго гостя, стараясь поразить его рогами; начинается схватка, борцы, благодаря веревкамъ у домашняго оленя, такъ спутываются рогами, что при всемъ желаніи разойдтись, никакъ не могутъ этого сдѣлать; остается только одно — вмѣшаться въ борьбу остяку, освободить домашняго и взять въ неволю дикаго оленя. Иногда бываетъ, что дикіе олени добровольно попадаютъ въ стадо домашнихъ и обратно, нерѣдко домашніе, попавши въ стадо дикихъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ ними навсегда отъ хозяина. Въ общей сложности дикій олень повидимому рѣдокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ большомъ изобиліи водится домашній олень; въ особенности это нужно отнести къ мѣстамъ, представляющимъ характеръ чистой тундры, по крайней мѣрѣ Ѳ. Б. Шмидтъ, во время своего пребыванія въ тундрѣ, къ востоку отъ Тазовской губы, убѣдился, что тамъ дикій сѣверный олень отсутствуетъ, будучи вытѣсненъ стадами домашнихъ оленей. Безъ сомнѣнія такое же явленіе имѣетъ мѣсто въ тундрахъ, окружающихъ Обскую губу. Оставляя пока въ сторонѣ жизнь домашнихъ оленей и ихъ періодическія передвиженія лѣтомъ къ высотамъ Урала и къ Океану, къ концу лѣта и къ осени обратно къ Обдорску и долинѣ Оби, укажу еще на лисицу. Этотъ всюду проникающій, вездѣ приспособляющійся образчикъ хитрости и изворотливости, принадлежитъ также къ числу обитателей безлѣсной области тундры, гдѣ частію зайцы, частію пеструшки и пр., доставляютъ ему средство къ пропитанію. Лисица, распространяясь во всей Восточной и Западной Сибири, въ лѣсныхъ и степныхъ областяхъ, является весьма обыкновеннымъ гостемъ и въ окрестностяхъ Обдорска: здѣсь она вмѣстѣ съ песцомъ не-

рѣдко подходитъ близко къ остяцкому жилью, даже въ долинѣ самой Оби; вообще въ окрестностяхъ Обской губы, какъ и въ другихъ мѣстахъ, она представляетъ весьма разнообразные оттѣнки въ своемъ одѣяніи, отъ огненно-краснаго цвѣта до темно-бураго, съ проблесками серебристыхъ волосъ. Въ Обдорскѣ я пріобрѣлъ большое количество лисьихъ шкуръ, представляющихъ полный рядъ переходовъ отъ огненнаго цвѣта до черно-бураго; форма средняя между обыкновенной лисицей и черно-бурой въ тундрѣ нерѣдка и называется здѣсь сиводушкой; вмѣстѣ съ тѣмъ я располагаю подобными же шкурами изъ окрестностей Тобольска. Песецъ (C. lagopus) болѣе коренной житель тундры, хотя и онъ забѣгаетъ довольно далеко на югъ, въ лѣсную полосу, до Березова; онъ выводится по преимуществу въ сѣверныхъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, представляя отъ времени своей молодости до совершенно взрослаго состоянія рядъ измѣненій отъ темнаго до чисто бѣлаго цвѣта: въ самомъ юномъ возрастѣ, лѣтомъ, онъ имѣетъ мягкую темно-бурую шерсть. — *копунецъ*; затѣмъ въ формѣ *норника* и *крестоватика* у него около паховъ въ значительной степени проявляются болѣе или менѣе широкія желтоватыя пятна, которыя все болѣе и болѣе расширяются по направленію къ хребту, пока наконецъ общій цвѣтъ животнаго не сдѣлается темно-сѣрымъ, свѣтло-дымчатымъ. — *синякъ*; эта форма переходитъ въ *песца* желто-бѣлаго цвѣта, послѣ которой уже къ зимѣ дѣлается чистый песецъ, съ бѣло-снѣжной пушистой шерстью. Иногда песецъ въ теченіе всей своей жизни сохраняетъ первоначальный цвѣтъ шерсти, свойственный самому юному возрасту; это по всему животному равномѣрно-распространяющійся темно-бурый цвѣтъ, принимающій зимой легкій голубоватый оттѣнокъ: это такъ называемый голубой песецъ. — разность обыкновеннаго, пыпѣ весьма рѣдкая въ окрестностяхъ Обдорска, а также и въ самыхъ тундрахъ Ледовитаго моря. Обыкновенный песецъ зимой встрѣчается повсемѣстно какъ въ лѣсахъ, такъ и въ безлѣсныхъ пространствахъ, а обдорскіе остяки занимаются ловлей его даже около

своихъ юртъ, гдѣ бы таковыя ни стояли. Пеcецъ не въ каждый годъ встрѣчается въ Обдорскомъ краѣ въ одинаковомъ количествѣ; иногда онъ очень рѣдокъ, иногда же появляется повсюду въ громадныхъ количествахъ, цѣлыми стаями; въ такомъ случаѣ остяки ловятъ песцовъ просто сѣтями. Песецъ, вмѣстѣ съ лисицей и оленьими шкурами, въ особенности со шкурами молодыхъ оленей — *неплюй*, составляетъ главный предметъ торговли на январской Обдорской ярмаркѣ.

Направившись въ путь изъ Обдорска внизъ по Оби, я конечно долженъ былъ прежде всего интересоваться погодой, такъ какъ она могла ускорить или задержать путешествіе; послѣднее и случилось какъ разъ на второй день послѣ выѣзда изъ Обдорска. Благодаря противному сѣверному вѣтру, я долженъ былъ провести около сутокъ въ Вульпаслинскихъ юргахъ. Эти юрты, отстоящія верстъ на 60 ниже Обдорска, служатъ однимъ изъ многочисленныхъ станковъ, около которыхъ производится рыболовство по общераспространенному въ низовьяхъ Оби способу. Юрты расположены на островѣ по лѣвому берегу Большой Оби; островъ низменный, заросшій ивовыми кустарниками, травой, частію покрытый моховыми полянами и болотами; по его берегу раскинуты вереницей и на большомъ протяженіи десятки берестяныхъ чумовъ, съ обычной около нихъ убогой обстановкой. Передъ ними наставлены колья, вверху которыхъ лежатъ поперечныя перекладины: это простыя сооруженія для сушки рыбы; они иногда разставляются въ формѣ четырехугольной рѣшетки, съ нѣсколькими поперечными перекладинами, которыя увѣшаны рыбой. Рыба тутъ всякая: большіе налимы и щуки, распластанные на двѣ половины со стороны брюха: лентами срѣзанныя съ обѣихъ сторонъ мягкія части съ мускуловъ и немного поперекъ подрѣзанныя, *позёмы*; подобнаго же рода мягкія части съ сырка, такимъ же образомъ снятыя и слегка надрѣзанныя — *юрюкъ*, или *юрокъ*. Позёмы и юрокъ соотвѣтствуютъ сухой рыбѣ, называемой въ Восточной Сибири *юколой*. Вся эта рыба вялится

на воздухѣ безъ соли и безъ всякихъ другихъ предварительныхъ приготовленій; тутъ же рядомъ съ нею висятъ и костяные остовы отъ муксуна и сырка. Къ этому прибавляются, какъ необходимая обстановка остяцкаго чума — конусъ изъ палокъ, накрытый берестомъ, и стаи по преимуществу бѣлыхъ собакъ, нерѣдко пользующихся, безъ позволенія хозяевъ, выставленной на сушку рыбой, прежде чѣмъ она сдѣлается готовой; тоже дѣлаютъ и вороны. Между сворою бѣлыхъ собакъ изрѣдка показываются смуглые, немытые остяцкіе ребятишки; временно выглянетъ изъ глубины полуоткрытаго чума или въ какую нибудь щель однимъ несмѣлымъ, относительно узкимъ, но любопытнымъ женскимъ глазомъ остячка и чуть лишь встрѣтитъ, можетъ быть, не менѣе пытливый взглядъ посторонняго, какъ закрываетъ уже торопливо платкомъ свое широкое, округленное, смуглое, никогда немоющееся лицо, съ грубой, пропитанной жиромъ, часто морщинистой, кожей, съ выдающимися скулами, впалыми щеками, съ толстыми губами, потупляя глаза и погружая свой короткій приплюснутый при основаніи носъ въ какую нибудь случайно лежащую около нея работу. Обыкновенно она сидитъ въ чумѣ, поджавши или растянувши ноги на полу, почти неподвижно и лучше всего ее можно разсмотрѣть въ то время, когда она готовитъ любимое остяцкое кушанье — *варку*. Обрѣзавъ мягкія и жирныя части, лежащія вдоль брюха муксуна, сырка, особенно нельмы, также снявъ жиръ съ ихъ внутренностей, она кладетъ все это въ котелъ, который и ставится на огонь; жиръ скоро начинаетъ распускаться и въ немъ съ трескомъ жарится остальное содержимое до тѣхъ поръ, пока достаточно не покраснѣетъ, причемъ остячка помѣшиваетъ въ котлѣ, опускаетъ его ниже, поднимаетъ, выкладываетъ готовое и т. д., обнаруживая всю свою невзрачную фигуру, свое убогое, кожаное, пропитанное саломъ и грязью одѣяніе. Иногда остячки не безъ умысла усердно закрываютъ свою голову; у нѣкоторыхъ она бываетъ въ сильной степени покрыта струпьями, вслѣдствіе чего у нихъ голова становится совершенно лысою, тогда какъ онѣ любятъ щеголять волосами,

заплетая ихъ въ двѣ длинныя косы, и не считается противъ правилъ удлинпять ихъ почти до земли искуственными приставками. Вообще однакоже днемъ остяцкія юрты не представляютъ особеннаго оживленія; все ихъ наиболѣе подвижное населеніе—въ отлучкѣ, на рыбныхъ ловляхъ, верстахъ въ 5 — 10 и болѣе отъ юртъ, которыя пустѣютъ рано утромъ и оживляются пріѣздомъ хозяевъ поздно вечеромъ. Въ ожиданіи пріѣзда остяковъ насъ встрѣчаютъ около юртъ ихъ покровители — русскіе рыбопромышленники, которыхъ лачуги разбросаны тутъ же, между остяцкими чумами. Это—маленькія деревянныя избушки или амбарчики, самаго жалкаго по внѣшности вида, и около нихъ плетеные изъ тальника сарайчики; въ первыхъ живутъ сами хозяева, во вторыхъ солятъ и сохраняютъ рыбу уже засоленую, вяленную. Какова бы ни была избушка—она еще совершенство для помѣщенія; многіе изъ рыбаковъ живутъ просто въ чумахъ или въ лачугахъ, выстроенныхъ изъ палокъ и бересты. Во время стоявшаго сѣвернаго вѣтра, принесшаго холодъ, хозяева вышли ко мнѣ на встрѣчу, къ берегу, одѣтые въ остяцкія малицы изъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ; только по ихъ полнымъ лицамъ и бородамъ, по высокому росту, не рѣдко по весьма объемистому корпусу, можно было отличить ихъ отъ низкихъ и приземистыхъ остяковъ, которые никогда не представляютъ и тѣни такой плотности тѣла, какая по преимуществу отличаетъ наше торговое сословіе (въ общей сложности климатическія и жизненныя условія не особенно располагаютъ русскихъ къ полнокровію, особенно въ сѣверныхъ частяхъ Обскаго басейна, хотя и бываютъ примѣры, что человѣкъ въ какихъ нибудь четыре года превращается въ Обдорскѣ изъ тощаго, костляваго существа въ полное, мелюскообразное состояніе, чему несомнѣнно способствуетъ бездѣятельный, неподвижный образъ жизни). Иногда около рыбацкой лачужки покажется хлопочущая фигура русской женщины, одѣтая въ какое нибудь пестренькое ситцевое платье, съ головой, повязанной чистымъ платкомъ и съ особеннымъ румянымъ лицомъ,—единственный предметъ въ рыбацкомъ поселеніи, не ис-

ключительно прозаическій. Въ Вульпаслинскихъ юртахъ въ періодъ рыболовства постоянно живетъ до 4—5 мелкихъ скупщиковъ рыбы, частію изъ Обдорска, частію изъ другихъ, верховыхъ поселеній, какъ это бываетъ на всѣхъ другихъ рыболовческихъ станкахъ. По общепринятому въ низовьяхъ Оби способу, они имѣютъ отъ остяковъ право на полученіе половиннаго улова или даже больше; это право покупается у остяковъ за плату, начиная съ 20 руб. до 40, а иногда и больше. Вообще условія весьма разнообразны; для ближайшей ихъ характеристики приведу нѣсколько примѣровъ изъ окрестностей Вульпаслинскихъ юртъ. Остякъ Порши отдаетъ свой, какъ здѣсь говорятъ, полуневодъ за 20 рублей, хотя и было ряжено 30 рублей, вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ 160 саженъ мережи для невода; остальное, такое же количество мережи должно быть свое. Въ неводѣ участвовалъ онъ самъ, 2 работника и двое ребятъ; половину улова по условію получалъ арендаторъ, за 20 условленныхъ рублей и мережу; изъ своей половины Порши съ товарищами дѣлалъ позёмы и кормилъ семью, а остатки сдавалъ арендатору; изъ нихъ было насолено, по показанію послѣдняго, $2^1/_2$ бочки; самъ Порши однако этого не провѣрялъ. За эти бочки изъ своего пая Порши получилъ 30 рублей (столько же даютъ ему, если изъ его остатковъ насолятъ 4 бочки), слѣдовательно пришлось по 10 руб. на участника въ ловлѣ; притомъ изъ 50 руб., причитавшихся остякамъ, половина была уплачена товаромъ, хлѣбомъ, мережей и пр. Въ бочкѣ среднимъ числомъ можно положить 380 муксуновъ, слѣдовательно хозяинъ, еслибъ его половина равнялась только однимъ остаткамъ отъ остяцкаго пая, получилъ бы около 1000 муксуновъ; но цѣлая половина должна быть несравненно больше этой цифры и, считая муксуна по здѣшней цѣнѣ въ 10 коп., онъ уже съ одной тысячи муксуновъ пріобрѣтетъ 100 руб. на свои истраченныя 20 руб., и мережу, стоимостью на 10 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяинъ, получая сполна свою рыбу, по крайне дешевой цѣнѣ въ половину вымѣнивая на товаръ, другую остяцкую половину, и даже если бы можно было

допустить, что счетъ рыбы при ея пріемкѣ вѣрный и плата не одна и таже за $2^1/_2$ или за 4 бочки, то и тогда оборотъ дѣла будетъ крайне выгодный для скупщика рыбы. Иногда изъ остяцкой половины поступаетъ хозяину до $4^1/_2$—5 бочекъ, а плата за полневода доходитъ до 30—35 руб.; въ случаѣ, если остякъ не имѣетъ товарищей, то онъ нанимаетъ работниковъ, остяковъ же; если ихъ не находитъ, то беретъ русскихъ работниковъ отъ хозяина, при этомъ изъ платы, слѣдующей за полневода, вычитается слѣдующее рабочимъ жалованье; такъ изъ выряжаемыхъ 50 р. хозяинъ вычитаетъ за 2-хъ рабочихъ 30 руб. въ свою пользу и потомъ изъ остяцкой, второй, половины рыбы беретъ за рабочихъ два пая. На такихъ то крайне измѣняющихся по характеру основаніяхъ пріобрѣтаютъ скупщики рыбу, и изъ 4 — 5 человѣкъ, живущихъ въ Вульпаслинскихъ юртахъ, многіе нагружаютъ свои лодки въ теченіе лѣта 1000 — 2000 пудовъ рыбы, сухой и соленой. Въ большомъ количествѣ рыболовческихъ станковъ, разбросанныхъ въ низовьяхъ Оби, живутъ прикащики отъ крупныхъ рыбопромышленниковъ; весьма многіе ведутъ дѣла самостоятельно,—это мелкіе подчиненные промышленники, сдающіе весь запасъ заготовленной лѣтомъ рыбы крупнымъ рыбопромышленникамъ сейчасъ же по окончаніи рыбныхъ промысловъ и по пріѣздѣ въ Обдорскъ. Въ Обдорскѣ, съ окончаніемъ промысловъ, какъ крупные, такъ и мелкіе рыбопромышленники должны рѣшить свои дѣла въ какихъ нибудь два-три дня: крупные — потому, чтобъ знать, сколько именно наберется клади въ ихъ суда, какъ ее умѣстить, а мелкіе потому, чтобъ съ уходомъ судовъ въ Тобольскъ рыба ихъ не осталась въ Обдорскѣ, гдѣ тогда она потеряла бы всякую цѣнность. Начинается такимъ образомъ охота крупныхъ скупщиковъ, предварительно условливающихся между собой, выше какой цѣны не давать за рыбу, на мелкихъ; при покупкѣ обыкновенно покупатель уплачиваетъ большую часть стоимости товаромъ: мережами, хлѣбомъ, солью, или же мелкіе рыбаки еще заранѣе берутъ въ долгъ эти товары. Иначе, рыбопромышленникъ встрѣчаетъ мелкаго продавца словами: Зачѣмъ

онъ будетъ брать у него рыбу и по дорогой цѣнѣ; вѣдь онъ, мелкій рыбакъ, не бралъ у него мережи, соли или чего другаго? Такимъ образомъ и мелкіе рыбаки часто бываютъ принуждены отдавать свою рыбу по крайне дешевой цѣнѣ, и чтобъ во всякомъ случаѣ пріобрѣсти себѣ выгоду и даже значительную, должны, какъ въ свою очередь сильные противъ слабыхъ, употреблять всѣ мѣры добыть ее по возможности дешево отъ самихъ остяковъ, даже еслибъ это и было соединено съ неизбѣжными жертвами противъ мало принимаемыхъ здѣсь во вниманіе человѣческихъ чувствъ чести и справедливости, вообще твердой нравственности. Наконецъ къ вечеру начинаютъ показываться съ разныхъ сторонъ и сами остяки-рыболовы; лодка за лодкой пристаетъ къ берегу; у каждой лодки по неводу и по 4—5 человѣкъ остяковъ, изрѣдка между ними и русскіе. Нѣкоторые ловцы насквозь промокли, такъ какъ приходилось бродить и стоять въ водѣ, при здѣшнемъ способѣ ловли, по грудь; ихъ кожанное одѣяніе превратилось отъ воды въ слизистую, грязно-сѣрую массу, холодящую тѣло также, какъ и крѣпкій сѣверный вѣтеръ. Наловленная рыба выносится на носилкахъ на берегъ; въ разныхъ лодкахъ отъ 2 до 3 носилокъ, 8 же носилокъ составляютъ бочку; при мнѣ она оказалась сравнительно мелкою, какъ справедливо жаловались скупщики, и двое, трое носилокъ, по ихъ мнѣнію, ничтожный уловъ; бываетъ уловъ въ два или три раза большій, а то ловцы въ день нагрузятъ цѣлую лодку и даже добудутъ на двѣ. Но много ли рыбы, мало ли, когда она вся на берегу, остякъ управляющій неводомъ, или хозяинъ его, начинаетъ раздѣлъ: выбирая рыбъ одинаковой величины, онъ кидаетъ ихъ то вправо, то влѣво, на двѣ кучи; одна половина его, другая—для скупщика. Если ловцы не одной семьи и имѣютъ право на пай, то и свою половину онъ дѣлитъ на соотвѣтственное количество равныхъ частей для каждаго участника. Если въ неводѣ участвуетъ русскій, пай котораго идетъ скупщику, то онъ и его не забудетъ; еще прежде общаго дѣленія на половины, онъ беретъ изъ общей кучи одну или двѣ рыбы, большихъ или малыхъ, смотря по улову, и бросаетъ ихъ

рабочему, въ его полную собственность на «присолъ»; въ этой своей волѣ остякъ остается вполнѣ неприкосновеннымъ и не забудетъ не менѣе несчастнаго своего сотоварища. Всякій изъ получившихъ рыбу распоряжается ею по своему усмотрѣнію; къ остяцкимъ паямъ приступаютъ остячки съ ножами и готовятъ изъ рыбы обычнымъ порядкомъ позёмы, юрокъ и пр.; часть оставшуюся, по преимуществу крупныхъ рыбъ, отдаютъ скупщику, который всю, слѣдующую ему рыбу, готовитъ въ соль въ своемъ сараѣ или просто на воздухѣ. Рыба наскоро чистится, вынимаются у ней внутренности, и она кладется въ бочку такимъ образомъ: Дно бочки посыпается довольно грязной, нечистой солью, которую кладутъ горстями и во внутрь рыбы; рыба за рыбой раскладываются въ бочкѣ одна на другую, съ предварительнымъ посыпаніемъ солью, и такъ наполняется вся бочка; черезъ нѣсколько времени рыба выдѣляетъ изъ себя воду и получается въ бочкѣ разсолъ, среди котораго рыба лежитъ до 7 дней; затѣмъ ее вынимаютъ изъ бочекъ, обмываютъ въ водѣ и, сортируя по размѣрамъ, укладываютъ въ видѣ полѣнницъ, или какъ здѣсь говорятъ, въ стопы, въ сараяхъ: тутъ она лежитъ иногда въ теченіе всего періода ловли, до отправки въ Обдорскъ или дальше. Рыба, засоленная такимъ образомъ, груба, жестка, солона и можетъ быть съѣдобною только для людей самыхъ неразборчивыхъ въ пищѣ; если при такой системѣ рыба мало солится, то скоро портится, обращается въ совершенную гниль, что и случается весьма нерѣдко у обскихъ рыбопромышленниковъ. Разсолъ, остающійся послѣ вынутой изъ бочки рыбы, берутъ остячки, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобъ за это вымыть скупщику опредѣленное количество усолѣвшей рыбы. Изъ разсола остячки выварпваютъ соль въ своихъ собственныхъ котлахъ и ею продовольствуются; этотъ способъ добыванія соли у остяковъ распространенъ во время лѣта больше, чѣмъ покупка соли. Тѣмъ же разсоломъ пользуются и русскіе рабочіе или караванные, какъ здѣсь говорятъ, чтобъ приготовлять свою, выпадающую имъ отъ артельщиковъ остяковъ, рыбу; вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ способовъ соленія рыбы,

къ которому прибѣгаютъ иногда рабочіе въ низовьяхъ Оби, напомнилъ мнѣ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда люди въ своемъ первобытномъ состояніи еще не додумались до искуства дѣлать посуду, вмѣсто которой служили имъ ямы, вырытыя въ землѣ и обмазанныя глиной, какъ это по крайней мѣрѣ было во внутренней Африкѣ; въ томъ же родѣ посуду можно видѣть и у нижне-обскихъ рабочихъ: они вырываютъ въ землѣ яму и, подкладывая на дно ея бересту, складываютъ туда рыбу, обливая ее разсоломъ; при такихъ условіяхъ рыба много или мало высаливается.

Прибывъ въ Вульпаслинскія юрты довольно рано, я дождался глубокаго вечера, а дальнѣйшая поѣздка все таки была невозможна; рыбаки внимательно разсматривали мою лодку, признали ее во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительной и удобной для дальнѣйшаго плаванія, даже на бурныхъ водахъ Обской губы, близость которой предчувствовалась; но оснастку они нашли рѣшительно никуда негодною, т. е. мои три якоря были слишкомъ малы, а канаты, на которыхъ они прикрѣплялись, терпимы лишь при рѣчномъ плаваніи, при мирной стоянкѣ въ защищенныхъ отъ вѣтра заливахъ. Въ открытыхъ же водахъ губы достаточно одного моментальнаго, по сильнаго порыва вѣтра, чтобъ сразу оборвать эти канаты, и рыбаки, заботясь о моемъ благополучномъ плаваніи, предложили мнѣ всевозможное на случай опасности, и канаты, вполнѣ благонадежные, и запасныя веревки: они составили наиболѣе выгодную комбинацію изъ якорей, на случай остановки во время бури, давая моему, молодому и малоопытному казаку наставленія о способахъ прикрѣпленія веревокъ и канатовъ. При этомъ тянулся рядъ разсказовъ о разныхъ опасностяхъ и приключеніяхъ, испытываемыхъ рыбаками во время возвращенія изъ губы съ добытымъ запасомъ рыбы, о томъ какъ бури часто ставили ихъ на край погибели и спасеніемъ они нерѣдко бывали обязаны простому случаю. Оборони Господи, такая погода, да плохая снасть!.. — слышалось въ заключеніе, подъ

все болѣе и болѣе усиливавшійся гулъ вѣтра. Подъ вліяніемъ его внезапныхъ и часто повторявшихся порывовъ колыхались, ударялись другъ о друга, и поскрипывали наши лодки, не смотря на то, что онѣ стояли у самаго берега, подъ защитой хотя и не высокаго, но обширнаго острова; на самой пристани ходила легкая зыбь отъ волнъ, уже сильно ослабѣвавшихъ и мѣрно подходившихъ въ нее изъ открытаго для вѣтра пространства,—оттуда, гдѣ сердито ходили черныя большія волны съ бѣлыми гривами, за которыми дальше на Оби стояла непроницаемая мгла, скрывавшая правый берегъ. Изъ этой тьмы по временамъ, однако же рѣзко, выдѣлялся мерцавшій огонекъ. Оказалось, тамъ—остячки; еще рано утромъ онѣ отправились за рѣку собирать морошку, а къ концу дня застала ихъ на берегу непогода. Но онѣ въ такихъ случаяхъ не унываютъ, такъ какъ съ ними это не въ первый разъ: лодку — на берегъ, опрокидываютъ ее вверхъ дномъ и, разводя большой костеръ, сами кроются подъ защиту лодки отъ дождя и вѣтра; тутъ онѣ проводятъ время, какъ въ чумѣ, въ разговорахъ, въ разсказахъ, въ борьбѣ и пр. и такимъ образомъ случается, живутъ вблизи отъ своего жилья, не имѣя возможности попасть въ него, день, два, три и даже недѣлю. Къ утру слѣдующаго дня вѣтеръ значительно ослабѣлъ, и 12 августа я отправился дальше внизъ по Большой Оби, которая долго еще сохраняетъ свой уже ранѣе проявившійся характеръ: фарватеръ ея идетъ неизмѣнно около праваго берега; только плеса ея становятся здѣсь замѣтно болѣе широкими, напоминающими озера, и воды ея разливаются на обширномъ пространствѣ, при чемъ образуются мели, мелководные заливы и пр. При сравнительно слабомъ противномъ вѣтрѣ, который въ срединѣ дня смѣнялся почти совершенною тишиной, я довольно быстро подвигался впередъ и къ ночи сдѣлалъ около 100 верстъ разстоянія, съ остановками въ разныхъ рыболовческихъ станкахъ, именно въ юртахъ Самбенскихъ, Воксарковыхъ, Аурскихъ, Казымскихъ и Сумутнельскихъ. Обычными, встрѣчавшимися на водахъ обитателями, были на этомъ пути гагары (Colymbus arcticus и septentrionalis); будучи весьма ос-

торожными, онѣ издалека замѣчали лодку и, подпуская ее на разстояніе, рѣдко впрочемъ доступное на выстрѣлъ обыкновеннаго ружья, начинали выказывать свое замѣчательное искуство въ ныряньи, въ одномъ мѣстѣ изчезая подъ водой и появляясь далеко въ другомъ, что́ повторялось много разъ и въ различныхъ направленіяхъ; но перѣдко удачно пущенный выстрѣлъ изъ Берданки, если не укладывалъ ихъ на мѣстѣ, то крайней мѣрѣ казался имъ настолько опаснымъ, что онѣ, хотя и неохотно и тяжело, оставляли родную имъ стихію. Вмѣстѣ съ большимъ количествомъ чаекъ и разныхъ видовъ утокъ, показывались по временамъ и гуси; они, воспитавъ молодыхъ. собирались стадами, располагаясь по отмелямъ и заливамъ. Нарушалось однообразіе нашего плаванія и остановками около юртъ, перемѣной гребцовъ, которыми всегда состояли 8 — 10 человѣкъ остяковъ; по пріѣздѣ въ юрты, мы всегда паровили къ ближайшимъ мѣстамъ. гдѣ производилось рыболовство, обыкновенно также остяками. Изъ вытащенной тони невода я отбиралъ себѣ наиболѣе интересные экземпляры для сохраненія въ спиртѣ. конечно съ платой законнаго ловцамъ гонорарія; затѣмъ къ выловленной рыбѣ являлись полными хозяевами гости-гребцы; всякій изъ нихъ бралъ по приличной размѣрами рыбѣ, вынимались ножи, остяки усаживались на берегъ, на травку, и рыба еще трепещущая съѣдалась сырою; въ случаѣ, если тоня была изобильна. подступы къ рыбѣ повторялись многократно, если она заключала въ себѣ до 10 — 15 порядочныхъ рыбъ, то ловцамъ приходилось минутъ черезъ 5 или 10 снова бросать неводъ, чтобъ сколько нибудь достаточно удовлетворить аппетитъ пріѣзжихъ, при чемъ о какой бы то ни было платѣ здѣсь не было и рѣчи. Рыбацкія лодки встрѣчались весьма часто по Оби, вдали отъ юртъ; рисуясь часто далеко на горизонтѣ, иногда съ бѣловато-сѣрыми парусами, въ разныхъ направленіяхъ, онѣ также, какъ блестѣвшія своей бѣлизной стаи лебедей, оживляли величественную, но пустынную рѣку. Во время значительныхъ переѣздовъ остяки-гребцы обыкновенно паровили подъѣхать къ такимъ лодкамъ, конечно съ своимъ расче-

томъ; ловъ рыбы всѣ эти лодки производятъ на мелкихъ мѣстахъ; одинъ изъ четырехъ или пяти человѣкъ сходитъ съ лодки въ воду и держитъ въ своихъ рукахъ веревки отъ одного конца невода; лодка идетъ вокругъ того мѣста, гдѣ предполагается рыба, при чемъ спускается полукругомъ неводъ; когда весь неводъ оказывается спущеннымъ въ воду, то остякъ, стоящій въ водѣ и лодка сходятся. при чемъ сводятся и концы невода, который затѣмъ рыбаки тащутъ въ лодку, вмѣстѣ съ находящеюся въ немъ рыбой, если она попала. Въ изобильные рыбой года такимъ способомъ рыба добывается въ большемъ количествѣ: во всякомъ же случаѣ, остяки, закидывая тони невода нѣсколько разъ на одной отмели—салма по здѣшнему выраженію, переѣзжаютъ на другія, имъ уже извѣстныя, стоятъ болѣе или менѣе продолжительно на мѣстѣ, гдѣ ловъ наболѣе удаченъ. Добродушные и кроткіе ловцы рыбаки по первому слову предлагали обыкновенно своимъ собратьямъ все лучшее изъ дневнаго улова, подъѣзжая со своей лодкой къ нашей. Замѣтивъ однажды весьма быстрое изчезновеніе штукъ 15 рыбъ, благодаря поспѣшности, съ которой гребцы поглощали кусокъ за кускомъ, я выразилъ по этому поводу удивленіе, которое однакоже возбудило только веселый смѣхъ между остяками, при чемъ они мнѣ указали на тутъ же сидѣвшаго своего собрата, который сразу съѣдаетъ 2-хъ или 3-хъ мѣрныхъ муксуновъ, тогда какъ изъ числа съѣденныхъ 15 были по большей части недомуксунки, имѣвшіе впрочемъ не меньше 3—$3^1/_2$ фунтовъ каждый. Тутъ же остяки принялись высчитывать, сколько они съѣдаютъ рыбы въ день, находясь на рыбной ловлѣ; оказалось, всякій порядочный остякъ съѣстъ въ разные періоды дня до 5 мѣрныхъ муксуновъ, въ сыромъ видѣ, да фунта въ 3—4 ковригу хлѣба; если положить, какъ обыкновенно, вѣсъ мѣрнаго муксуна среднимъ числомъ въ 5 фунтовъ и присовокупить, что остякъ по пріѣздѣ домой еще иногда съѣдаетъ муксуна въ сыромъ видѣ, да еще ѣстъ рыбу вареную, то придется признать, что остякъ можетъ съѣдать въ день не меньше полу-пуда рыбы только въ сыромъ видѣ, безъ костей и голо-

вы, вѣсъ которыхъ въ муксунѣ простирается до 1 — 1½ фунтовъ. Ночью на 18 августа подулъ попутный намъ южный вѣтеръ, и мы черезъ юрты Неутинскія и Имбарскія достигли острова Яро, на которомъ находится замѣчательнѣйшій песокъ по изобильному улову на немъ всякой рыбы, въ особенности осетровъ; это—такъ называемый песокъ Яровской или Яры. Здѣсь, около всего обширнаго острова, также какъ около ососровъ, лежащихъ далѣе, Нанги и Мохтаска, производитъ рыболовство одинъ изъ крупныхъ хозяевъ-рыбопромышленниковъ въ обширныхъ размѣрахъ; у него въ станкѣ на островѣ Нанги я и провелъ болѣе сутокъ, среди довольно скромной, но совершенно европейской обстановки, благодаря тому, что онъ живетъ здѣсь со своей семьей, главнѣйшая представительница которой привыкла на своей родинѣ, въ окрестностяхъ Петербурга, къ комфорту и надлежащему домашнему обиходу, поддерживать которые нетрудно даже въ самомъ пустынномъ предверіи къ негостепріимному Ледовитому морю, была бы охота. Присутствіе самого хозяина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у него ведется рыболовство въ обширныхъ размѣрахъ, полезно для самихъ мѣстныхъ жителей - остяковъ, такъ какъ онъ не всегда позволитъ себѣ, изъ хозяйственныхъ разсчетовъ, тотъ рядъ неблаговидныхъ дѣйствій, на которыя обыкновенно рѣшаются прикащики отъ хозяевъ, присоединяющіе къ интересамъ хозяина свои личные и доходящіе въ удовлетвореніи своихъ стремленій до полнаго произвола и безнаказанности. Личное присутствіе крупныхъ хозяевъ рыбопромышленниковъ могло бы отстранить многое изъ крайне печальныхъ отношеній къ остякамъ прикащиковъ, конечно, при тѣхъ только условіяхъ, если прикащики не будутъ поставляться въ разныя области отъ крупныхъ рыбопромышленниковъ на подобіе того, какъ у насъ прежде посылались воеводы въ разныя мѣста «на прокормленіе». Нынѣ нѣкоторые изъ крупныхъ рыбопромышленниковъ во время всего періода рыболовства живутъ въ Тобольскѣ, занимаясь тамъ другими дѣлами, и пріѣзжаютъ только на окраины своихъ рыболовческихъ областей съ пароходами за наловленной рыбой, при

чемъ случается нерѣдко, что барышей на долю хозяина приходится меньше, чѣмъ на долю ихъ довѣренныхъ. Подъ конецъ своего пребыванія въ Нанги у С. И. Бронникова, я условился возвратиться съ Надыма не позже конца августа, съ тѣмъ, чтобъ отсюда съ пароходомъ пуститься къ Обдорску, а теперь пока долженъ былъ пользоваться благопріятной погодой и спѣшить въ дальнѣйшій путь; да и было во мнѣ какое то чувство, которое подмывало меня: «дальше, дальше!» За островомъ Нанги, воды р. Оби еще болѣе потеряли свой рѣчной характеръ, рѣчные плеса превратились какъ бы въ отдѣльные водоемы, верстъ до 15—20 въ ширину; кромѣ возвышеннаго праваго берега Оби, по всѣмъ другимъ направленіямъ далеко на горизонтѣ едва виднѣлись низменныя острова; главное русло рѣки здѣсь дѣлается сильно измѣнчивымъ, а наносные рѣчные пески образуютъ обширныя мели. По выѣздѣ изъ Нанги, легкій попутный вѣтеръ надулъ слегка парусъ, и мы пустились по ровной зыби сначала къ мѣстечку Сохъ-велты-поголъ, а затѣмъ къ устью Мохтаской протоки, по которой къ вечеру достигли Мохтаскаго рыболовческаго станка. На другой день мы были на пути къ станкамъ Варкуты, Ярцинги и Хэ, въ самыхъ водахъ Обской губы, придерживаясь южнаго берега; кромѣ острова Хэ, здѣсь уже пѣтъ другихъ, сколько нибудь значительныхъ острововъ, и глазу открывается раскинутая по всѣмъ направленіямъ, безпредѣльная площадь водъ, теряющаяся далеко на окраинахъ горизонта. Съ утра насъ подгонялъ впередъ вѣтерокъ, съ легкой зыбью, къ полудню онъ еще болѣе ослабѣлъ, а во второй половинѣ дня, на пути отъ Хэ въ Надымъ, насъ сопровождала совершенная тишина; вся поверхность широко раскинутыхъ водъ представлялась прекраснымъ зеркаломъ, въ которое съ недосягаемой высоты смотрѣло солнце и золотило его своими, еще яркими лучами. Къ вечеру надъ водой появился легкій, прозрачный сѣроватый туманъ, небо также одѣлось сплошнымъ сѣроватымъ покровомъ, подобный же оттѣнокъ приняла и вода, такъ что наконецъ уже не было возможности различать, даже не на дальнемъ разстояніи, предѣловъ между

поверхностью водъ и небомъ. Наконецъ по водѣ, отъ востока къ западу, начали показываться легкія темныя полосы ряби; черезъ нѣсколько времени онѣ еще болѣе широко раскинулись по водѣ, которая приняла мало по малу черный оттѣнокъ; небо прояснилось, въ немъ показались синеватыя окна съ яркими звѣздами, тучи размѣстились въ разныхъ частяхъ неба черными пятнами, и намъ навстрѣчу подулъ легкій восточный вѣтеръ. Замолкъ хохотъ чаекъ, затихли крики гагаръ, изчезла сова, почему то нашедшая нужнымъ сопровождать насъ; ночь застигла насъ около Ѣмап'гніёла, гдѣ мы и рѣшились подождать свѣта.

Утромъ, 16 августа, я вошелъ въ устье Надыма и остановился около юртъ Хоровой, совершивъ отсюда поѣздку къ юртамъ Паули, расположеннымъ также, какъ и Хоровой, на одной изъ протокъ при устьяхъ Надыма. Надымъ впадаетъ съ ю.-ю.-в. въ Обскую губу, образуя при устьѣ множество низменныхъ острововъ; острова раздѣлены соотвѣтственнымъ количествомъ протокъ, по преимуществу весьма мелководныхъ, узкихъ; даже главный рукавъ Надыма сравнительно неширокъ; проѣзжая по нему, можно было во многихъ мѣстахъ видѣть дно или встрѣчать такую глубину 5 — 6 четвертей, по которой только могла пройдти лодка; по самому фарватеру проходятъ однакоже обскія рыбацкія посудины-павозки. Судя по существующимъ картамъ, въ распредѣленіи водъ Надыма, въ ихъ разливѣ, можно было бы ожидать большаго величія, рѣзко выдающагося преобладанія водъ надъ сушей, въ родѣ того, что имѣетъ мѣсто при устьяхъ Оби, чего однакоже далеко нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Общи по характеру, по широтѣ, только долины этихъ двухъ рѣкъ, при чемъ рукава Надыма напоминаютъ лишь второстепенныя протоки, перекрещивающія долину Оби въ разнообразнѣйшихъ направленіяхъ. Я ѣхалъ по долинѣ Надыма изъ Хоровой въ Паули этимъ рядомъ мелкихъ протокъ, берега которыхъ окаймлены островами, заросшими высокой травой, преимущественно осоками, также кустарниками изъ ивняка, по большей части невысокаго рос-

та, но вѣтвистаго и растущаго довольно густо. То же самое можно видѣть около Хоровой, гдѣ глазу открывается широкая низменность, между новыми кустарниками которой растетъ и смородина (Ribes); окраины или скрываются кустарниками, или теряются на громадномъ отдаленіи; вообще, вся мѣстность около Хоровоя съ ея болотистой, мокрой, усѣянной кочками почвой, производитъ безотрадное впечатлѣніе, въ особенности къ концу лѣта. Мѣста, болѣе или менѣе выдающіяся по высотѣ и сухія, крайне рѣдки, а высоты, окаймляющія долину, повидимому очень далеки отъ главнаго русла Надыма. Въ самый разгаръ половодья Надымъ, можетъ быть, нѣсколько больше приближается къ тому виду, въ какомъ онъ представляется на картахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что видъ его долины сильно измѣняется по одному, совершенно случайному обстоятельству, именно потому, что устье его прямо открыто доступу сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Эти вѣтры, преобладающіе въ здѣшнемъ краѣ и особенно грозные по своей продолжительности и силѣ, нагоняютъ воду изъ сѣверныхъ частей Обской губы къ южному ея берегу, а также и къ устьямъ Надыма; въ это время рыболовческія суда, нерѣдко сидящія на мели и даже почти обсыхающія, настолько поднимаются, что свободно сходятъ изъ мѣстъ своей невольной стоянки, безъ всякихъ усилій со стороны находящихся на нихъ людей; притомъ же обскія рыболовческія посудины часто сидятъ весьма глубоко. Въ долинѣ Надыма, при его устьяхъ, повышеніе уровня воды и потокъ ея изъ Обской губы еще болѣе рѣзко отражается, частію потому, что встрѣчнымъ потокомъ спираются воды самаго Надыма. Такое явленіе страшно для всего живаго въ долинѣ Надыма: здѣсь не остается ни одного клочка земли, который остался бы свободенъ отъ воды; это явленіе подобно тѣмъ наводненіямъ около Петербурга, которыя происходятъ въ немъ осенью отъ сильныхъ западныхъ вѣтровъ, но только оно болѣе широко распространяется. Остяки, во время продолжительно стоящихъ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, отъ которыхъ вода въ Надымѣ поднимается все выше и

выше, уже заранѣе собираютъ свои чумы и укладываютъ ихъ въ лодки, со всѣмъ наличнымъ имуществомъ; затѣмъ, выискивая болѣе или менѣе безопасныя мѣста, останавливаются выжидать окончанія вѣтра, что длится иногда съ недѣлю и больше. Неминуемая гибель ждетъ человѣка, который будетъ внезапно захваченъ напоромъ воды въ долинѣ Надыма, безъ лодки или въ плохой лодчонкѣ. Можетъ быть, только остякъ, привыкшій къ водѣ, найдется при трудныхъ обстоятельствахъ; бываютъ случаи, что бушующія волны опрокидываютъ его легкій челнъ, но остякъ и тутъ справится: держась за лодку, онъ найдетъ удобный случай повернуть ее надлежащимъ образомъ и снова вскарабкаться въ нее, а затѣмъ онъ снова потащится своей дорогой, продолжая борьбу съ суровой, бушующей стихіей. Наводненія въ долинѣ Надыма въ одинаковой степени опасны и для сухопутныхъ животныхъ, какъ то полевокъ, горностаевъ, песцовъ; такъ какъ они повторяются весной и осенью, то не остаются безъ вліянія на гнѣздованіе птицъ въ здѣшней мѣстности. Вѣроятно, по всѣмъ этимъ причинамъ долина Надыма кажется весьма пустынною и печальною; кромѣ небольшаго количества сухопутныхъ птицъ, ее оживляли во время моего пребыванія преимущественно водныя птицы: утки, гуси, кулики и пр. Верстахъ въ 30—40 вверхъ по Надыму, начинаются лѣса, лиственица и кедровники: здѣсь со многими млекопитающими, бѣлкой, медвѣдемъ, лисицей, песцомъ и пр., встрѣчаются и гнѣздятся орлы (Aquila fulvus); по крайней мѣрѣ я во многихъ чумахъ у Надымскихъ остяковъ видѣлъ нѣсколько экземпляровъ орловъ, принадлежащихъ видимо къ указанному виду; остяки, взявши ихъ въ лѣсной полосѣ Надыма, держали у себя на воспитаніи, вскармливая преимущественно рыбой; съ полнымъ развитіемъ молодаго экземпляра, остяки выдергиваютъ у него перья и употребляютъ ихъ для оклейки стрѣлъ; одного такого орла я привезъ живаго изъ Надыма въ Обдорскъ. Изъ водяныхъ обитателей входятъ въ устья Надыма водящіеся въ Обской губѣ дельфины (Delphinus leucas) и тюлени. Дельфины, въ особенности весной, собираются въ губѣ

большими стаями и гоняясь за рыбой, не рѣдко заходятъ на отмели, откуда уже не могутъ выбраться, и становятся тогда жертвою остяковъ, которые вообще, какъ здѣсь, такъ и на Оби. не знаютъ инаго промысла за дельфинами. Дельфины, попадая по большей части въ безвыходное положеніе одиночными экземплярами, иногда заходятъ въ мелководные заливы цѣлыми стадами, не имѣя возможности отсюда выбраться; такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при устьяхъ Оби попало въ руки одного мѣстнаго жителя цѣлое стадо въ 12 штукъ. Тюлень также не составляетъ предмета спеціальнаго промысла, хотя при устьяхъ Надыма и во время плаванія по губѣ онъ встрѣчается не рѣдко. Рыбы, входящія въ Надымъ изъ Обской губы, тѣ же, какъ и въ Оби: преимущественно муксунъ, нельма и осетръ. Первые ловятся неводами при устьѣ рѣки, а также и на большей части ея теченія, вмѣстѣ съ другой, мелкой рыбой. Осетръ промышляется главнымъ образомъ переметами, — это крючья на тонкихъ нитяхъ, прикрѣпленные къ одной общей веревкѣ и спущенные въ воду, съ находящеюся на нихъ наживой, состоящей изъ мелкой рыбы; этотъ способъ ловли осетра распространенъ по всему теченію Оби и Иртыша. Всѣ промысловыя рыбы, поднимаясь весной по Надыму, къ концу лѣта и осенью начинаютъ обратный ходъ въ губу. Рыбы, поднимающіяся по Надыму, также какъ и вообще ловимыя въ теченіе лѣта въ низовьяхъ Оби, менѣе икряны, чѣмъ встрѣчающіяся въ среднемъ теченіи Оби и въ Иртышѣ, хотя ловимый въ Надымѣ осетръ сравнительно крупенъ, среднимъ числомъ вѣситъ до 1—2 пудовъ; часто встрѣчаются экземпляры до 5 пудовъ вѣсомъ, бываютъ и 12-ти пудовые; въ рѣдкихъ случаяхъ однако и въ Иртышѣ встрѣчались одиночно осетры больше 13 пудовъ вѣсомъ. Осетръ, заходя въ большомъ количествѣ въ Надымъ и служа здѣсь рыбой, наиболѣе завлекательной для рыбопромышленниковъ, распространяется и дальше къ сѣверу; при томъ онъ придерживается восточнаго берега Обской губы, который вполнѣ соотвѣтствуетъ по своему характеру правому берегу р. Оби и при устьѣ Тазовской губы образуетъ изгибъ на

востокъ, переходя такимъ образомъ въ западный берегъ Тазовской губы. Держась около восточнаго берега Обской губы, осетръ заходитъ весною въ небольшія рѣки, впадающія съ запада въ Обскую губу; отсюда онъ уходитъ наконецъ въ своемъ распространеніи въ Тазовскую губу. Между другими рыбами, осетръ въ особенности привлекалъ рыбопромышленниковъ въ Обскую губу; изъ Надыма рыбопромышленность идетъ далѣе, къ сѣверу; теперь существуютъ рыболовческія поселенія въ мѣстечкѣ Линзетэ и при р. Ныдѣ, откуда успѣшный уловъ осетра влечетъ рыбопромышленниковъ еще дальше, и Тазовская губа служитъ для нихъ крайнимъ и самымъ заманчивымъ пунктомъ стремленій. Въ прежнія времена изъ Тазу въ низовья Оби самоѣды вывозили каждый годъ до 150 пудовъ осетроваго клею; нынѣ привозится только половина этого количества, такъ какъ клей идетъ въ большомъ количествѣ въ Туруханскъ, а осетръ вывозится самоѣдами къ Сургуту и Самарову. Среднимъ числомъ на каждаго осетра полагается $\frac{1}{4}$ фунта клея, такъ что для полученія 150 пудовъ нужно изловить по крайней мѣрѣ 24,000 штукъ осетровъ. Прежде, чѣмъ останавливаться на здѣшнихъ рыбопромышленникахъ, появившихся здѣсь недавно и живущихъ временно, обращусь къ первобытнымъ обитателямъ долины Надыма — къ остякамъ.

Сейчасъ же послѣ того, какъ Туромъ сотворилъ воду и землю, здѣсь на Надымѣ, въ Хоровой, поселился Ѣсовай, прародитель нынѣшнихъ здѣшнихъ вотчинниковъ-остяковъ, трехъ братьевъ Няульчи, Хангая и Сон'гома. Онъ городилъ въ рѣкѣ заѣздки (ѣзъ) и въ нихъ «важанилъ», т. е. спускалъ въ проходъ, оставленный въ перегородкѣ, мѣшокъ, подобный колыдану, и такимъ образомъ ловилъ рыбу. Однажды, когда случилось наводненіе и большая часть земли была затоплена, Ѣсовай сидѣлъ около загороженнаго имъ заѣздка въ руслѣ рѣки и велъ свой промыселъ. Вдругъ къ нему подъѣхалъ незнакомый остякъ и сталъ просить, чтобъ Ѣсовай, первый поселенецъ мѣстности, отдалъ ему ѣзъ. Ѣсовай удивился просьбѣ и сказалъ, что пріѣзжій можетъ горо-

дить самъ себѣ новый ѣзъ и важанить. Пріѣзжій сказалъ, что онъ желаетъ имѣть именно этотъ ѣзъ, такъ какъ тутъ хорошо рыба попадаетъ. Ѣсовай все-таки не согласился разстаться съ своей ловушкой и продолжалъ свое занятіе. Тогда вновь появившійся остякъ, предокъ нынѣшнихъ Надымскихъ вотчинниковъ, рода Тонки, Тярмасъ-Катонъ, заѣхалъ вверхъ по рѣкѣ, натянулъ лукъ, направилъ свою стрѣлу въ тылъ Ѣсовая и, подъѣхавши на близкое разстояніе, спустилъ ее. Стрѣла угодила прямо въ затылокъ Ѣсовая, и онъ мертвый повалился въ важану; находившійся при немъ сынъ страшно перепугался, но остался цѣлъ. Онъ передалъ потомъ о случившимся своей матери, которая сейчасъ же отправилась въ Паули и привезла оттуда другого своего, старшаго сына, съ которымъ снова поселилась въ Хоровоѣ, на томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ, во владѣнія ея убитаго мужа наѣхали родственники Тярмасъ-Катона, предки тѣхъ же родичей: Тонки, Индермы и др. Когда дѣти убитаго достаточно подросли и окрѣпли, то пришельцы уговорили старшаго въ родѣ, чтобъ онъ не сердился, не имѣлъ бы зла за смерть отца, за что̀ обѣщали ему двухъ женъ. Но на самомъ дѣлѣ они дали только одну жену, въ чемъ снова показали себя, какъ худые люди. Нынче отъ рода Ѣсоваю сталось только трое братьевъ, которыхъ потомки Тярмасъ-Катона, Тонка, Индерма и др. до сихъ поръ стараются преслѣдовать и даже принимаютъ мѣры какъ нибудь выжить ихъ изъ ихъ первобытной области обитанія.

Какъ Туромъ создалъ землю, откуда появился первобытный житель Надыма — Ѣсовай, ничего неизвѣстно. Остяки знаютъ только, что мѣсто, гдѣ сначала жилъ Тярмасъ-Катонъ, было на Оби, пониже Обдорска. Отгуда Тярмасъ-Катона съ родственниками, во время наводненія, принесло водой и огнемъ Ѣмана: самая вода была, какъ огонь; между тѣмъ пришельцы плыли въ простыхъ лодкахъ. Когда Ѣсовай жилъ въ Надымѣ, родни у него никакой не было, вообще родъ велся плохо, былъ мало плодовитъ; дѣтей у потомковъ перваго поселенца было мало, и если у нѣкоторыхъ было по нѣскольку парней, то они всегда помирали, и

обыкновенно оставался только одинъ, отъ котораго и шелъ дальше родъ; отъ того и родни въ этомъ родѣ немного. Средній изъ трехъ братьевъ, потомковъ вошедшаго въ преданія Ѣсовая, Хангай, передававшій мнѣ разсказъ, носитъ дѣйствительно въ своей наружности нѣчто первобытное. Онъ невысокаго роста, коренастый, плотнаго тѣлосложенія; голова пропорціональна росту, небольшая; лицо, ничѣмъ на первый взглядъ не бросающееся въ глаза, округленное, подбородокъ не преобладаетъ надъ прочими частями лица, не выдается замѣтно впередъ и внизъ, какъ это обыкновенно у многихъ другихъ остяковъ; небольшой ротъ ограниченъ толстыми губами, которыя однакоже не бросаются въ глаза рядомъ съ небольшими, но полными щеками, съ короткимъ, на концѣ нѣсколько вздернутымъ кверху носомъ; невысокій лобъ на половину прикрытъ спадающими впередъ и круто обрѣзанными темными прямыми волосами, которые густо покрываютъ голову, разбиваясь на пряди. Изъ подъ значительно развитыхъ глазныхъ орбитъ, изъ глубины глазныхъ впадинъ выглядываютъ два темно-каріе, выразительные и живые, но нѣсколько запуганные глаза, округленные, съ ничтожными признаками щелеватости; кожа на лицѣ темная, негладкая, нѣсколько шаршавая. Помимо интереса, заключающагося въ приведенномъ родовомъ преданіи касательно заселенія Надыма, условій, при которыхъ здѣсь люди селились и жили, также относительно безыскуственныхъ взглядовъ остяка на ходъ явленій въ природѣ, въ немъ заключается указаніе на одну изъ чертъ жизни остяка, свойственную всѣмъ первобытнымъ народамъ, на родовую распрю, разладицу, которая въ частности и у остяковъ имѣла мѣсто въ прежнія времена, не прекратилась даже до сихъ поръ, и выражаясь въ тѣхъ или другихъ формахъ, существуетъ у нихъ вмѣстѣ грубыми чертами первобытнаго склада ихъ жизни. Хангай разсказалъ мнѣ свое родовое преданіе послѣ того, какъ со скорбью объяснилъ положеніе своей сестры, находящейся въ замужествѣ за сыномъ Тонки, потомка Тярмасъ-Катопа

Старшина Тонка овдовѣлъ; у него уже взрослый, женатый сынъ; вдовый свекоръ высказываетъ свои поползновенія на сожитіе съ своей невѣсткой; сынъ ему въ этомъ не препятствуетъ и даже сочувствуетъ, но не соглашается на такую роль молодая женщина, которую поэтому и подвергаютъ побоямъ какъ мужъ, такъ и свекоръ. Мужъ однажды угостилъ свою супругу ударомъ топора, именно обухомъ въ шею, такъ что женщина нѣсколько времени лежала безъ чувствъ на землѣ,—столько именно времени, во сколько можетъ совершенно перегорѣть вязанка дровъ въ чумѣ. Свекоръ, нанося истязанія, спрашиваетъ невѣстку: «отчего же она не соглашается съ нимъ жить, вѣдь онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и чѣмъ не хорошъ?»—Тонка имѣетъ за пятьдесятъ лѣтъ, у него широкое, угловатое лицо, съ сильно выдающимися скулами, сплюснутымъ носомъ; его подбородокъ также широкъ, надавленъ снизу впередъ и вверхъ, глаза узкіе, слезящіеся, кожа на лицѣ бѣлесоватая, гладкая, которая, рядомъ съ пробивающейся на ней кой гдѣ румянностью, производитъ такое впечатлѣніе, что будто бы хозяинъ ея только что нежданно всталъ изъ гроба или туда собирается, однимъ словомъ, онъ мужчина хоть-брось. Однажды мужъ свалилъ жену около дверей чума и, послѣ безмѣрной потасовки, вынулъ даже ножъ, чтобъ ее зарѣзать; она спаслась только потому, что на ея крики отчаянія сбѣжались женщины-сосѣдки и отклонили руки разъяреннаго супруга отъ совершенія страшнаго злодѣянія. Вообще мужъ не стѣснялся никакимъ орудіемъ противъ жены; онъ наносилъ ей удары большой доской, съ пропущеннымъ сквозь нее коломъ, — поплавокъ при ставкѣ переметовъ; при нанесеніи ударовъ, онъ приговаривалъ, что доведетъ ее до того же, до чего дошла его мать, ушедшая въ могилу отъ безпрерывно преслѣдовавшаго ее кашля: Тонка билъ свою жену до такой степени, что она, выйдя за него замужъ съ длинными, густыми волосами, умерла совершенно лысая, принеся всѣ свои волосы въ жертву супружескаго гнѣва. Къ счастію я засталъ Тонку уже женихомъ, онъ ухаживалъ за одной вдовицей изъ Паули и въ скоромъ времени имѣ-

лась въ виду свадьба; сынъ сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе жестокъ къ своей женѣ и угощалъ ее, въ случаѣ нужды, только кулаками. Отношенія Тонки къ невѣсткѣ считались предосудительными, и мѣстныя женщины, рѣшавшіяся дѣлать ему касательно этого замѣчанія, также подвергались потасовкамъ.

Надымскіе остяки имѣютъ въ большинствѣ случаевъ обычаи, общіе остякамъ нижняго теченія Оби. Браки они заключаютъ въ самой близкой степени родства: не могутъ выходить замужъ или жениться другъ на другѣ дѣти родныхъ братьевъ; всякое остальное родство не принимается въ расчетъ; два остяка могутъ для женитьбы мѣняться родными сестрами, съ придачей небольшаго калыма съ той или другой стороны. Жена умершаго остяка принадлежитъ, какъ наслѣдственная собственность, ближайшему родственнику, родному брату, двоюродному, племяннику; по отказу родственника, она свободна выйдти замужъ по своему желанію, съ калымомъ въ пользу родственника. Вмѣстѣ съ многоженствомъ, здѣсь обыкновенно неравенство брачущихся по возрасту; половая зрѣлость у женщинъ начинается около 12 — 13 лѣтъ; во время регулъ онѣ живутъ отъ всѣхъ отдѣльно; въ это время имъ воспрещается всякое прикосновеніе къ какой бы то ни было хозяйственной принадлежности, появленіе въ жильѣ, особенно прикосновеніе къ ловушкамъ, — однимъ словомъ, на нихъ лежитъ «табу» жителей острововъ Тихаго океана; всякая вещь, подвергшаяся прикосновенію «нечистой, поганой» женщины, должна быть окуриваема бобровой струей. Съ наступленіемъ періода половой зрѣлости, женщины носятъ «воропъ», нѣчто въ родѣ пояса цѣломудрія,—принадлежность, общая у нихъ съ жителями Камчатки и Америки. Дѣвицѣ не ставится въ особенный упрекъ, если она не сохранитъ дѣвственности, но считается нѣсколько предосудительнымъ, если она принесетъ въ приданое мужу готовыхъ ребятъ; впрочемъ нѣкоторые остяки такому приданому бываютъ рады. Седьмая заповѣдь въ обычномъ правѣ остяковъ не существуетъ, хотя грѣхъ противъ нея не всегда остается безнаказаннымъ. Вообще, остячки не вполнѣ лишены того

чувства, которое всякій европеецъ имѣетъ по крайней мѣрѣ въ теоріи: онѣ имѣютъ своего рода симпатіи и антипатіи; отсюда, въ связи съ тѣми или другими семейными неудовольствіями, вытекаетъ расторженіе брака, что̀ случается весьма часто. По этой причинѣ остяки-христіане въ низовьяхъ Оби считаютъ бракъ по своимъ обычаямъ для себя лучшимъ, и систематически избѣгаютъ вѣнца. Какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, на Надымѣ остяки часто остаются холостыми, по случаю недостатка калыма. Во время моего пребыванія въ Хоровоѣ, я засталъ приготовленія къ свадьбѣ; сынъ бывшаго старшины Эрэ Паина, «Пронька», некрещеный, а такъ названный потому, что родился въ Прокофьевъ день, собирался выдать свою дочь, дѣвочку 13 лѣтъ, за своего близкаго родственника по матери. Калыму выряжено: 100 песцовъ, 2 бобра, 1 чернобурая лисица, 2 мѣдныхъ котла, 150 оленей и 16 аршинъ краснаго сукна. Съ своей стороны отецъ невѣсты долженъ нарядить въ приданое: 15 нартъ рыбы, хлѣба, мяса, масла. позёмовъ, варки, рыбьяго жиру; 1 чумъ съ постелями, изъ которыхъ двѣ—накрыть сукномъ; 30 большихъ колокольцевъ, 5 дубленыхъ кожъ, ремней 45 маховыхъ саженъ изъ шкуръ морскаго зайца и медвѣдя. Стоимость калыма будетъ здѣсь простираться по крайней мѣрѣ до 1000 руб. Обдорскій князь Тайшинъ, родственникъ Проньки, взялъ за свою внучку калыму болѣе 2000 руб. стоимостью. Рядомъ съ этими случаями, имѣющими мѣсто при выходѣ замужъ и женидьбѣ у богатыхъ остяковъ, для большинства плата калыма въ 5 — 15 оленей, дѣло крайне трудное, особенно въ послѣднее время, когда падежи производятъ страшныя опустошенія среди оленьихъ стадъ. Надымскіе остяки не особенно интересуются вопросами, лежащими внѣ ихъ земнаго существованія; они зарываютъ покойниковъ въ землю неглубоко, въ одеждѣ, но безъ гроба; кладутъ съ ними, что̀ возможно, не придавая того смысла этому обычаю, какой онъ имѣетъ у остяковъ средняго теченія Оби, съ убѣжденіемъ, что земною жизнью кончается существованіе человѣка. У нижнеобскихъ и надымскихъ остяковъ шаманство находится въ большой

силѣ; въ Паули и Хоровоѣ есть даже весьма искусные шаманы-остяки, и однажды мнѣ, во время бесѣды съ остяками въ чумѣ у Прокофья, указали на одного изъ таковыхъ. Остякъ согласился уже показать мнѣ свое искуство, какъ я услыхалъ къ несчастію вмѣсто остяцкаго разговора, чисто русскую рѣчь: «Я не позволю!» — Отчего, спросилъ я. — Это мой работникъ, я его пошлю неводить. — Я вамъ заплачу, сколько угодно! — Я не хочу. Значитъ вышло дѣло, — нашему праву не препятствуй; вмѣсто шамана, предо мной оказался рыбакъ, піонеръ въ распространеніи русской цивилизаціи.

Надымъ оказался фокусомъ, въ которомъ сосредоточился весь свѣтъ обской рыбопромышленности. Отъ самихъ рыбопромышленниковъ я ничего не узналъ существеннаго касательно ихъ занятій; они сами, по собственнымъ разсказамъ — народъ страждущій, обиженный остяками, которые ими облагодѣтельствованы; всѣ же ихъ торговые обороты съ остяками составляютъ «комерческую тайну», неприкосновенность которой я и приму въ настоящее время рѣшимость нарушить, съ цѣлью выяснить суть этой тайны. Первостатейный элементъ, съ которымъ рыбопромышленникъ пробирается къ сѣверу по Обской губѣ, это — давно извѣстный на Оби запретный плодъ, главная составная часть «комерческой тайны», водка. Одинъ изъ торговыхъ дѣятелей въ Обдорскѣ особенно краснорѣчиво выяснялъ мнѣ всю несостоятельность въ отношеніяхъ русскихъ къ инородцамъ различныхъ пріемовъ, и главнымъ пятномъ, лежащимъ на торговцахъ, считалъ торговлю водкой, увѣряя меня, что онъ въ своихъ сношеніяхъ придерживается болѣе честныхъ основаній. Но мнѣ жаль этого молодаго, еще мало опытнаго человѣка; онъ не навострился еще такъ, чтобъ вести свои дѣла шито и крыто, не полагаясь даже на брата роднаго. Между тѣмъ, онъ тутъ же, изъ Самарова, писалъ къ брату слѣдующее, если ввести сюда орфографическія поправки: «Водки тебѣ не посылаю, потому что мнѣ только что отпустили 200 ведеръ, больше не было вина готоваго; остальное вино долженъ получить изъ Бе-

резова». Съ этимъ запасомъ онъ собирался отправиться въ Тазовскую губу, узнавъ объ изобиліи осетровъ въ томъ краѣ, а также и о томъ, что обскіе піонеры туда не проникали водянымъ путемъ. Проговариваются иногда и самые закоренѣлые комерсанты на счетъ своего искуства: «Я привезъ «на низъ» для собственнаго употребленія 20 ведеръ водки. Все лѣто былъ самъ пьянъ до отвалу, въ крайности поилъ рабочихъ, да еще нажилъ на этой водкѣ 500 руб., заплативши за нее въ Тобольскѣ около 100 руб.». А дѣло простое; дайте сначала остякамъ по чашкѣ водки хорошей—даромъ; первую бутылку—за 1 рубль; двѣ вторыя, на половину съ водой—по полтора рубля за каждую; слѣдующія три бутылки чистой воды по два рубля, и остяки уйдутъ совершенно пьяные, а иначе — угостить ихъ подзатыльниками; эта система торговли водкой какъ въ низовьяхъ Оби, такъ и на Надымѣ, имѣетъ одинаковый характеръ. По пріѣздѣ въ Надымъ, въ Хоровоѣ прежде всего рѣчь зашла съ остяками о водкѣ. Остяки уже пропили все, что могли, кто два рубля, кто три, кто пять; если не было денегъ, снесена заготовленная впрокъ на зиму рыба, юрокъ, позёмы, а то шла въ ходъ имѣвшаяся на лицо зимняя одежешка, по преимуществу *ягушка*, женская шуба. Все шло по цѣнѣ крайне дешевой или въ полцѣнѣ. Больше всѣхъ позволилъ себѣ конечно Тонка, очевидно съ горя, отъ неудачь около невѣстки въ Хоровоѣ, а частію съ радости около вновь найденной будущей въ Паули; въ Хоровоѣ онъ пропилъ 7 р. и оставилъ въ закладѣ лисицу въ 2-хъ рубляхъ, которая стоила по крайней мѣрѣ 5 руб.; въ Паули съ невѣстой прокутилъ также 5 руб. Остяки и самоѣды въ Паули пили еще болѣе усердно и въ удостовѣреніе несомнѣнности своихъ показаній дали мнѣ бирки, — палки съ зарубками, изъ которыхъ каждая означаетъ количество пропитыхъ рублей; эти бирки представлены мною въ послѣдствіи въ Омскъ; изъ нихъ есть такія: самоѣдинъ Сэувъ пропилъ 15 руб., въ этомъ числѣ ушла одна оленья шкура (постель) и двѣ малицы, каждая за одну бутылку; Пэдри — 17 руб., въ то число пошло 4 песца, оленья шкура, хорошая малица; Парессэ—25 руб., и кромѣ чистыхъ де-

негъ отдалъ одну пѣшку, 2 пуда юрюка, 20 муксуновъ (одна бутылка), одного бѣлаго песца. Все это остяки пропивали въ самый скудный періодъ, когда у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни мѣховъ. Большее празднество ихъ ожидало съ окончаніемъ рыбныхъ промысловъ; тогда всѣ они много или мало получаютъ денегъ подъ полуневода на слѣдующую весну, и эти-то деньги возвращаются обратно хозяевамъ; и если принять въ соображеніе этотъ конецъ, то итоги выйдутъ слишкомъ велики. Нѣсколько лѣтъ назадъ остяки Яче, нынѣ умершій, и еще живой Янута пропили въ короткій періодъ 100 руб., полученные за полуневода. Остякъ Ѣмъ, пропившій 5 руб., просилъ меня оговорить, что онъ водку бралъ у рабочихъ, а не у нѣкоего Алексѣя, который тогда поступитъ съ нимъ очень жестоко, такъ какъ онъ боится, чтобъ истина не сдѣлалась извѣстною; вообще остяки пропитаны крайнею боязнью разсказывать правду, такъ какъ рыбопромышленники потомъ начинаютъ тѣснить ихъ еще больше и мстить. О качествѣ отпускаемой остякамъ водки, конечно, и говорить нечего; она самаго худшаго сорта и на половину съ водой, иногда едва только пахнетъ водкой. Обыкновенно полуштофная бутылка наливается неполною, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ остяки показывали мнѣ $^1/_2$ бутылку отъ зельтерской воды, которую имъ выдаютъ какъ полуштофную. Въ большей части мѣстностей ниже Березова номинальная цѣна бутылки водки 1 рубль; но нерѣдко, кромѣ полу-бутылки отъ зельтерской воды, остякъ за рубль получаетъ только чайную чашку водки. Въ свою очередь стоимость рубля, въ мѣнѣ на товаръ, въ разныхъ мѣстахъ различна и въ общей сложности, чѣмъ ниже по Оби, тѣмъ рубль становится дороже, а остяцкій товаръ дешевле.

Обыкновенной единицей цѣнности, приравниваемой къ рублю, является, въ разныхъ частяхъ Оби, мѣрный муксунъ, имѣющій 9 вершковъ длины. Въ среднемъ теченіи Оби, между устьями Иртыша и Березовымъ, муксунъ цѣнится въ 12 коп., слѣдовательно на рубль лѣтомъ полагается $8^1/_3$ муксуновъ. По Оби между Бере-

зовымъ и Обдорскомъ полагается на рубль уже 10 муксуновъ, слѣдовательно муксунъ идетъ въ 10 коп. Ниже Обдорска, въ Вульпаслинскихъ юртахъ, полагается уже 12 муксуновъ на рубль, или одинъ муксунъ стоитъ $8^1/_3$ коп.; около юртъ Аурскихъ, острововъ Яро и Нанги на рубль 15 муксуновъ, или одинъ муксунъ идетъ за $6^2/_3$ коп. Въ юртахъ Воксарковыхъ, а также и далѣе по Обской губѣ, въ Варкутѣ, Ярцинги и Хэ, 20 муксуновъ на рубль, или одинъ муксунъ идетъ въ 5 коп. Наконецъ въ Надымѣ полагается 25 или 30 муксуновъ на рубль или каждый муксунъ идетъ въ 4—$3^1/_{10}$ к. Лѣтъ 6 или 8 назадъ, въ Надымѣ господствовалъ одинъ только промышленникъ и бралъ по 40 муксуновъ на рубль, слѣдовательно въ $2^1/_2$ коп. штуку; такая цѣна еще и нынче стоитъ на мало-посѣщаемой р. Ныдѣ. Обыкновенно мѣра муксуна въ среднемъ теченіи Оби полагается отъ средины глаза до основанія хвостоваго плавника, и въ случаѣ, если не хватаетъ до 9 вершковъ линіи или полулиніи, муксунъ считается недомуксункомъ, каковыхъ полагается два экземпляра за одного мѣрнаго муксуна. Если недомуксунокъ, измѣренный отъ средины глаза до основанія хвостоваго плавника, хотя одной 10 доли линіи не доходитъ до $8^1/_2$ вершковъ, тогда онъ считается колезнемъ, каковыхъ полагается 2 за одного недомуксунка, 4 на одного муксуна. По Надыму условія мѣры рыбы еще болѣе выгодны для рыбопромышленниковъ; здѣсь мѣряютъ муксуна, какъ и всякую другую рыбу, не отъ средины, а отъ задняго края глаза и не до основанія хвостоваго плавника, а только до средины разстоянія между хвостовымъ и заднепроходнымъ плавниками. Рыбы, измѣренныя по первой системѣ, были бы мѣрными муксунами, тогда какъ по послѣдней онѣ будутъ недомуксунки. При этомъ я уже не принимаю во вниманіе чисто личныхъ пріемовъ измѣренія рыбы, существующихъ повсемѣстно на Оби и въ Надымѣ; такъ напр., рыба при измѣреніи сгибается нѣсколько дугообразно и мѣрка идетъ по хордѣ; также бываетъ принимаемо за правило, что при измѣреніи голова рыбы сильно пригибается къ туловищу. При такихъ, весьма выгодныхъ для рыбопромышлен-

никовъ способахъ мѣры рыбы, пріобрѣтеніе ея обходится имъ еще выгоднѣе мѣной на разные жизненные продукты и на товаръ. Такъ въ Обдорскѣ и около него, за 10 муксуновъ даютъ $2^1/_2$ пуда муки, т. е. по 4 муксуна за пудъ, причемъ цѣна муки принимается въ 40 коп.; далѣе же пудъ муки доходитъ въ Воксарковыхъ юртахъ, въ Варкутѣ до 10 муксуновъ, а въ Надымѣ до 13—15 муксуновъ; такимъ же образомъ возрастаетъ и соль, съ 10 муксуновъ за пудъ около Обдорска до 25 — 30 на Надымѣ, табакъ отъ 100 до 250 — 300 муксуновъ за пудъ. Выгода на мелкихъ вещахъ болѣе поразительна: напримѣръ на Надымѣ два мѣдныхъ кольца, стоющихъ по $^1/_2$ коп., идутъ за 1 муксупа; въ этомъ случаѣ слѣдовательно стоимость муксуна обойдется торговцу въ 1 коп., а если онъ получитъ недомуксунками, то конечно она будетъ еще меньше; также 2 бумажныхъ пояска, стоимостью по $^1/_3$ коп., идутъ за 1 муксуна или за 2 муксуновыхъ позёма. Бродни, стоющія повсемѣстно на Оби, кромѣ низовьевъ, 3 руб., на Надымѣ идутъ за 5 руб или за 125 — 150 муксуновъ, точно также разнаго цвѣта грубое сукно, цѣнностью меньше рубля за аршинъ, продается въ количествѣ 3-хъ аршинъ за 5 руб.; во всѣхъ этихъ случаяхъ муксуны приходятся промышленникамъ гораздо меньше, чѣмъ въ 3-хъ коп.; за тѣмъ фунтъ чаю, крайне подозрительнаго достоинства, ставится въ 1 р. 50 к. и въ 2 руб., т. е. цѣнится отъ 40—45 муксуновъ до 60. Фунтъ сахару—1 руб. или 25—30 муксуновъ; если принять здѣсь стоимость сахара въ 30 коп., то муксунъ обойдется хозяину въ одну коп. или немного больше. Не увеличивая списка цѣнъ на разныя мѣдныя издѣлія, круги, бляхи, кольца для оленней упряжи, для женскихъ украшеній, составляющихъ вообще одинъ изъ весьма видныхъ предметовъ торговли, приведу еще слѣдующее: сальная свѣча семериковая или восьмериковая, стоимостью не больше 2 коп., идетъ на Надымѣ за 2 муксуна; шесть маленькихъ сухихъ крендельковъ, съ мѣдный пятакъ въ діаметрѣ, связка которыхъ изъ 40 штукъ стоитъ около 10 коп., идутъ за одного муксуна. Мѣстнымъ торговцамъ всѣ эти цѣны не кажутся

еще поразительно дешевыми; господствовавшій на Надымѣ 8 лѣтъ назадъ рыбопромышленникъ бралъ за 5 папушъ табаку, вѣсомъ около 1 фунта и до 20—25 коп. стоимостью, по 1 песцу, цѣна котораго никогда не была меньше 1 р. 25 коп., а то доходила и до 2 р. 50 коп. А на сѣверныхъ окраинахъ Березовскаго и Сургутскаго округовъ еще и нынѣ можно купить у самоѣдовъ 1 фунтъ осетроваго клею, стоющій до 2 р. 50 коп., за одну папушу табаку.

Повсемѣстно у остяковъ тому или другому поселенію принадлежитъ своя «вотчина», нѣкоторое, опредѣленное обычаемъ, пространство земли; такъ въ Хоровоѣ считается 9 человѣкъ вотчинниковъ остяковъ, которымъ принадлежитъ громадная площадь земель съ водами, начиная отъ Хэ до верховьевъ Надыма. Обитатели юртъ Паули также имѣютъ свои вотчины; вотчинниковъ здѣсь человѣкъ около 20; между преобладающимъ числомъ остяковъ есть и самоѣды. Около Надыма только нѣкоторыя мѣста, особенно замѣчательныя по изобильному лову рыбы, отдаются въ аренду. Такъ Хоровойскіе вотчинники отдаютъ въ аренду р. Шугу; въ отдачѣ въ аренду рыболовныхъ мѣстъ около Паули чередуются самоѣды съ остяками. Въ большей же части рыболовныхъ мѣстъ производится рыбная ловля самими вотчинниками, также и пріѣзжающими съ Оби остяками на правахъ полуневодчиковъ отъ разныхъ рыбопромышленниковъ безъ всякой платы; иногда пріѣзжіе остяки невотчинники ловятъ двумя, тремя неводами отъ одного и того же остяка хозяина, такъ что являются сильными конкурентами для самихъ вотчинниковъ, которые въ такомъ случаѣ изъявляютъ уже неудовольствіе на пріѣзжихъ. Право быть вотчинникомъ въ данной мѣстности опредѣляется давностью пребыванія въ ней жителя. Если поселеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ, то каждому изъ нихъ принадлежитъ опредѣленное пространство земель. Если родъ вымираетъ, то его вотчина поступаетъ во владѣніе другихъ, ближайшихъ родственныхъ родовъ. Нынѣ рыболовческія мѣста распредѣлены въ до-

линѣ Оби весьма неравномѣрно между остяками, по степени доходности. Лучшее по Оби мѣсто для рыбопромышленности, островъ Яро, съ принадлежащими къ нему другими рыболовными мѣстами, составляетъ собственность двухъ вотчинниковъ, братьевъ Хозери и Полетэ; они получаютъ аренды за рыболовныя мѣста 400 руб., по 200 руб. на брата. Въ большинствѣ же другихъ мѣстностей, гдѣ также производится рыбная ловля, вотчинники, какъ полуневодчики, не имѣютъ аренды за свои вотчины. Подобнаго же рода неравномѣрное распредѣленіе рыболовныхъ пространствъ, по степени ихъ доходности, имѣетъ мѣсто и въ среднемъ теченіи Оби; у однихъ остяковъ во владѣніи хорошіе пески, у другихъ почти ничего. Имѣя въ виду то, что доходы съ рыболовныхъ мѣстъ должны составить въ будущемъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ къ поднятію между остяками благосостоянія, необходимо, кромѣ желанія создать болѣе прочныя правила аренды остяцкихъ рыболовныхъ мѣстъ и равномѣрно распредѣлить доходы съ нихъ, стремиться къ тому, чтобъ удержать эти мѣста за остяками же, въ случаѣ вымиранія прямыхъ вотчинниковъ; остяцкія рыболовныя «вотчины» должны быть неприкосновенны для появляющихся въ долинѣ Оби временныхъ спекуляторовъ. Для нынѣшнихъ рыбопромышленниковъ не достаетъ именно только одного—сдѣлаться вотчинниками въ остяцкихъ владѣніяхъ, чтобъ разрушить послѣднюю основу, на которой еще можетъ держаться эта первобытная жизнь, и принести окончательную гибель для кроткаго сѣвернаго обитателя. Именно такого рода посягательство на вотчины выражено въ нижеслѣдующемъ духовномъ завѣщаніи самоѣдина, который, конечно, грамотѣ не ученъ, о законахъ не имѣетъ понятія, и написалъ свое завѣщаніе не въ примѣръ своимъ прочимъ сородичамъ, у которыхъ завѣщаній писать не принято; завѣщателемъ руководили здѣсь причины внѣшнія, опытная рука прошедшаго чрезъ всѣ земныя мытарства:

«По случаю одержимой болѣзни, ревматизма и опухоли въ животѣ, я чувствую неизбѣжную смерть, почему, на основаніи 1010 ст. X. т. 1 части и 1-го къ ней примѣчанія, вознамѣрился сдѣ-

лать духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ: Имѣя издревлѣ принадлежащее мнѣ рыболовное мѣсто съ принадлежащими къ нимъ угодьями, сорами, курьями, гольцами и заливами, котораго даже, какъ не безъизвѣстно Березовскому окружному полицейскому управленію и Обдорскимъ инородной и самоѣдской управамъ, по перепискѣ возникшей по ходатайству моему, Главное Управленіе Западной Сибири по разсмотрѣніи сказанной переписки положеніемъ своимъ признало меня по закону дѣйствительнымъ и прямымъ вотчинникомъ,—а потому по буквальному смыслу приложенія къ ст. 1012 и ст. 1084 X т. 1 ч., пригласивъ свидѣтелей, какъ это требуется 1050 ст. того же тома и части, въ присутствіи священной особы, симъ завѣщаю: законной моей женѣ, двоюродному моему брату, крестному моему отцу Обдорскому крестьянину такому то и крестной моей матери по мужѣ такой то, означенное выше рыболовное мѣсто съ принадлежащими къ нимъ угодьями женѣ и брату въ вѣчное и потомственное ихъ владѣніе, которыми они имѣютъ полное право, согласно 1-му примѣчанію къ 1010 ст. X т. 1 ч., какъ пользоваться сами по ровной части, такъ и при необходимости закладывать въ другія руки и отдавать въ аренду, но не иначе, какъ съ общаго всѣхъ четырехъ на то согласія, крестный и крестная имѣютъ пользоваться по смерть и ихъ дѣти,—жена же, если выйдетъ въ замужество, то изъ принадлежащей ей части половину должна отдѣлить брату. При чемъ не лишнимъ считаю присовокупить, что я, по ранѣе данной мною роспискѣ, состою должнымъ торгующему по свидѣтельству крестьянину такому то семьсотъ пятьдесятъ рублей серебромъ; дабы не оставить по себѣ худаго имени, прошу васъ, мои наслѣдники, уплатить долгъ тѣмъ порядкомъ въ вышеупомянутой роспискѣ: «что я эту сумму 750 рублей обязываюсь уплатить изъ получаемой арендной платы за выше сказанную мѣстность по 60 руб. сер. въ годъ, т. е. половину суммы годовой платы, и впредь до уплаты таковой подъ строгой отвѣтственностью законовъ, никому другому не отдавать, кромѣ его, торгующаго крестьянина такого то,

и не отъ кого другого за меня залога или взноса не принимать — чему прошу и васъ слѣдовать не отступно, какъ по закону Творца, такъ и по закону людей, также прошу по смерти моей по долгу и религіи христіанства, предать меня землѣ по христіанскому обряду, а настоящее мое духовное завѣщаніе съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ законѣ, засвидѣтельствовать законнымъ порядкомъ. Аминь. 1874 года, іюля 27 дня. Къ сему духовному завѣщанію по безграмотству моему и по обыкновенію самоѣдинъ Пуйковской ватаги, старшина такой-то приложилъ тамгу». Изъ всего сказаннаго видно, что именно завѣщаетъ инородецъ своимъ законнымъ наслѣдникамъ: громадный долгъ, миѳическій; закабаляетъ свои родовыя владѣнія, вводя кромѣ того въ нихъ наслѣдникомъ человѣка, совершенно посторонняго, который конечно постарается сдѣлаться единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ рыболовнаго мѣста, коль скоро бездѣтные жена и двоюродный братъ завѣщателя уйдутъ въ могилу и когда такимъ образомъ съ ними покончится родъ.

Къ концу моего пребыванія въ Надымѣ погода сдѣлалась измѣнчивой, пасмурной и вѣтряной; воздухъ оказался свѣжимъ, прохладнымъ. Рыбаки начали сборы къ обратному пути, грузили посудины, приближались разсчеты съ остяками, расплата съ ними и наемъ ихъ на будущій годъ. Мое присутствіе видимо очень стѣсняло рыбопромышленниковъ въ Хоровоѣ, гдѣ я преимущественно жилъ; но въ Паули было больше свободы: туда направлялись отъ насъ остяки, тамъ происходило что-то таинственное, комерческая тайна, — остяки возвращались молчаливыми, задумчивыми. Въ виду всего, передо мною происходившаго, я почувствовалъ въ себѣ тяжелую нравственную усталость и съ удовольствіемъ ждалъ случая пуститься въ обратный путь. Мысль о поѣздкѣ къ Тазовской губѣ я окончательно оставилъ, такъ какъ ѣхать водянымъ путемъ было поздно, а оленей нужно было ждать по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, когда они придутъ отъ Ледовитаго океана; притомъ мой казакъ не говорилъ посамоѣдски, что было весьма

неудобно. Но и это все было бы не существенно, еслибъ съ наступленіемъ весны сѣверная природа не скрылась отъ меня подъ своимъ толстымъ бѣлоснѣжнымъ покровомъ, а самъ человѣкъ представилъ что нибудь болѣе новое, чему бы я не былъ свидѣтелемъ на Оби и Надымѣ. И такъ, 20 августа, я распростился съ крайнимъ предѣломъ своего путешествія. Надымскіе остяки были крайне довольны тѣмъ, что я проводилъ у нихъ въ чумахъ цѣлые дни и даже ночи. Притомъ они говорили, что «другіе русскіе смотрятъ на нихъ, какъ на собакъ; говорятъ, что остяки ѣдятъ и спятъ съ собаками, значитъ и сами собаки». Остяки сознаютъ свою простоту, и когда я объяснялъ имъ дѣйствительную стоимость вещей, покупаемыхъ ими по слишкомъ дорогой цѣнѣ, они крайне удивлялись; когда я распрашивалъ ихъ объ ихъ религіозномъ культѣ, разсказывалъ вѣрованія остяковъ, живущихъ южнѣе, то они, не зная таковыхъ, говорили, что они глупы, ничего не знаютъ, оттого ихъ такъ легко и обманываютъ русскіе.

Послѣ жертвоприношенія Ѣману, мы благополучно достигли Хэ и Ярцинги. Какъ здѣсь, такъ и далѣе до Варкуты, водный путь вполнѣ удобенъ и безпрепятственъ для хода лодки. Попутный юго-восточный вѣтеръ сопровождалъ насъ и на другой день, 21 августа, на пути отъ Варкуты къ Мохтаску. Было пасмурно, надъ губой носился туманъ, съ густыми мокрыми облаками; послѣ часового пути, мы потеряли изъ виду берега, остяки держали лодку сначала совершенно по вѣтру, но затѣмъ, благодаря большой мели, отклонились вправо, а потомъ, держа прямо на западъ, подошли къ Мохтаскому острову. Оказалось, что мѣстность на всемъ протяженіи отлично извѣстна остякамъ; въ наиболѣе мелководныхъ мѣстахъ у нихъ наставлены палки: здѣсь они неводятъ, забредая въ воду. Одинъ остякъ, разсказывая о всѣхъ неудобствахъ этого способа ловли рыбы для здоровья неводчиковъ, призналъ, что онъ еще сносенъ въ жаркое время. Тотъ же остякъ, въ противоположность большинству другихъ знавшій порусски, очень правдиво жаловался на то, что въ здѣшнихъ мѣстахъ люди бѣдны, не имѣютъ защиты ни отъ русскихъ, ни отъ бога-

тыхъ остяковъ. Такъ нѣсколько лѣтъ назадъ лично ему прикащикъ въ Варкутѣ разсѣкъ полѣномъ носъ такъ, что онъ лежалъ больнымъ нѣсколько лѣтъ, суда на это онъ не нашелъ, а носъ дѣйствительно былъ у него нѣкогда разсѣченъ, и поперекъ его еще до сихъ поръ остался глубокій шрамъ. Недавно у него одинъ остякъ взялъ къ себѣ на зиму брата на работу, а теперь прошло больше года, — богатый остякъ и отчета не даетъ, куда дѣвалъ его брата. Все начальство, старшины, князь, засѣдатель — только для богатыхъ. Бѣдный помретъ, и о томъ, что съ нимъ случилось, никому не будетъ извѣстно,—все покроютъ, все будетъ хорошо. А чѣмъ же мы остяки—не люди?—платимъ ясаку по 3 руб. и по 3 р. 50 коп., а свое дѣло тоже знаемъ. — Вотъ ты видишь, говорилъ остякъ, мы вышли изъ Варкуты, ничего не было видно, мы берега потеряли, обходили мели, а пришли къ Мохтаскому угору, вонъ видишь, — онъ показался; а вотъ теперь мы заѣхали въ жерло Мохтаской Оби; на это тоже надо умъ. А русскій что же? — другой умѣетъ писать, да читать; а другой что же? — не умѣетъ. На слѣдующій день, пройдя Мохтаскую протоку, я былъ снова среди широкаго воднаго пространства между Мохтаскомъ и островомъ Нанги; здѣсь также несъ насъ попутный вѣтеръ и сопровождала пасмурная погода, которая однакоже и перпатыхъ заставила подумать о возвратномъ пути въ страны, болѣе теплыя. Всѣ мели и косы около острова Нанги казались совершенно черными отъ громадныхъ стадъ гусей и утокъ; примириться съ мыслью, что это — птицы, можно было только тогда, когда, послѣ пущеннаго издали выстрѣла, мели принимали болѣе свѣтлый оттѣнокъ, а въ воздухѣ поднимались черныя густыя облака, состоявшія изъ гусей и утокъ. Среди открытыхъ водъ, вдали, на темной водной поверхности, покрытой туманомъ, ярко бѣлѣли ясныя полосы и пятна: то были стада лебедей. Все это готовилось отправиться къ югу; туда же я стремился, и черезъ нѣсколько дней былъ уже въ Обдорскѣ.

Январь, 1877 года.
С.-Петербургъ.

VII.

Обдорскъ по сравненію съ Лукоморьемъ и его жизнь; пароходы и каюкъ «В. Земковъ» — Убыль воды, замираніе Оби, жизнь и жизнь рыбъ около нихъ грузъ пароходовъ и путь вверхъ по Оби. — Газета «Сибирякъ» и остяцкія пѣсни. — Пріѣздъ въ Тобольскъ. — Характеръ пути на Омскъ и его обитатели. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Окраины разныхъ областей всегда привлекаютъ къ себѣ людей, по преимуществу жаждущихъ наживы; стремленіе къ наживѣ подавляетъ у такихъ людей всѣ другія, болѣе благородныя стороны человѣческихъ способностей. Такіе люди не знаютъ нравственнаго утомленія, такъ какъ у нихъ видимо отсутствуетъ самое чувство; они не ощущаютъ умственнаго голода, такъ какъ имъ чуждо все то, что не касается непосредственно ихъ узкихъ, чисто личныхъ, эгоистическихъ интересовъ. Такой именно характеръ несутъ многія изъ сѣверныхъ поселеній; то же можно сказать и объ Обдорскѣ. На весь Березовскій округъ, кромѣ никѣмъ не читаемыхъ офиціальныхъ изданій, выписывается одна только газета «Сынъ Отечества». По пріѣздѣ въ Обдорскъ съ Надыма, я встрѣтилъ здѣсь номера этой газеты, вышедшіе еще въ то время, когда я былъ въ Петербургѣ. Изъ книгъ, здѣсь, развѣ только въ видѣ исключенія, можно встрѣтить у какого нибудь зырянина сказку объ Еруланѣ Лазаревичѣ. Да, впрочемъ, если бъ въ Обдорскѣ и было больше книгъ и газетъ, то, по малому количеству грамотныхъ, читать ихъ было бы некому; здѣсь самые капитальные жители въ крайнемъ случаѣ могутъ только подписать свою фамилію, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ наживать въ годъ нѣсколько тысячъ дохода, а то и за полдесятокъ тысячъ. Гражданской школы въ Обдорскѣ не существуетъ; есть только школа миссіонерская, помѣщающаяся въ нижнемъ, почти подвальнаго характера этажѣ миссіонерскаго зданія: это — низенькая, небольшая комната, съ маленькими окнами, которыя зимой совершенно закрываются льдомъ; нужно быть крайне невзыскательнымъ, чтобъ провести нѣсколько лѣтъ въ ученьи среди этой конуры; да и наставники къ тому же

таковы, что ихъ самихъ слѣдовало бы посадить на школьную скамью и учить самымъ элементарнымъ правиламъ граматики и нравственности,—въ особенности о вредѣ лжи, алчности къ наживѣ,также о вредѣ пьянства и многихъ такихъ остяцкихъ пороковъ, которые глубоко укоренились между жителями Обдорска. Съ другой стороны, требовать отъ Обдорска бо̀льшаго и нельзя; онъ занимаетъ самую характерную часть полунощной страны, извѣстной съ глубокой древности подъ именемъ Лукоморія. Здѣсь именно находятся упоминаемыя въ Несторовой лѣтописи горы: «суть горы, зайдуче *луку моря*, имъ же высота яко до небесе». О той же мѣстности, имѣются слѣдующія древнія извѣстія: «На восточной странѣ, за Югорскою землею, надъ моремъ живутъ люди, самоѣды зовомы, молонгозѣи, а ядь ихъ мясо оленье, да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ; а гость къ нимъ пріѣдетъ, и они дѣти свои заколаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ. А который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ тако же. Сіи жь люди не велики возрастомъ, плосковидны, носы малы, но рѣзвы вельми и стрѣльцы скоры и горазды, а ѣздятъ на оленяхъ и собакахъ, а платье носятъ соболье и оленье, а товаръ ихъ соболи. Въ той же странѣ иная самоѣдь, такова же, линная слыветъ, лѣтѣ мѣсяцъ живутъ въ морѣ, а на сушѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылести. Въ той же странѣ есть иная самоѣдь, по пупъ люди мохнаты, а отъ пупа вверхъ, якоже и прочіе человѣцы; а ядь ихъ рыбы и мясо, а торгъ ихъ соболи, и песцы, и олепіи кожи.» Затѣмъ слѣдуетъ перечень другихъ разностей самоѣди, люди, у которыхъ «рты на темени», также такіе, которые «зимой умираютъ на два мѣсяца», оживая тогда, когда «солнце на лѣто верпется». Далѣе «вверху Оби рѣки великія есть земля, Баидъ именуется, лѣса въ ней нѣтъ, а люди, какъ и прочіе человѣцы, живутъ въ земли, а ѣдятъ мясо соболье, а инаго у нихъ никоторова звѣря нѣтъ, опричи соболя, а носятъ платье все соболье, и рукавицы и ноговицы, а инаго платья у нихъ нѣтъ,

ни товару никоторова. А соболи у нихъ черны весьма, шерсть живова соболя по земли ея волочитъ. Въ той же странѣ иная самоѣдь, по обычаю человѣцы, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечей, а очи въ грудѣхъ и пр.». Въ заключеніе ряда еще другихъ извѣстій приводится слѣдующее: «Въ восточной странѣ есть иная самоѣдь, каменская, облежитъ около югорскія земли, а живутъ по горамъ высокимъ, а ѣздятъ на оленѣхъ и собакахъ, и платье носятъ соболіе и оленіе, а ѣдятъ мясо оленье, да и собачину и бобровину сырую ѣдятъ, а кровь пьютъ человѣчью и всякую. Да есть у нихъ лекари, у которова человѣка внутри нездраво, и они брюхо рѣжутъ, да нутро вынимаютъ, да очищаютъ, и паки зажпвляютъ». Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ о Лукоморьи, о «самоядп па полуношныхъ странахъ» не трудно доискаться до многихъ весьма вѣрныхъ и цѣнныхъ фактовъ; что же касается до формы, въ которой они вошли въ преданія, то она несомнѣнно заключаетъ въ себѣ много образнаго, фигуральнаго; и если о жителяхъ земли Банда, вмѣсто «живутъ въ землѣ», сказать живутъ въ земляпкахъ или пещерахъ, что̀ будетъ равносильно первому, то въ очеркѣ жителей не будетъ ничего несбыточнаго. Точно также, если въ извѣстіяхъ о существующей еще до сихъ поръ каменской самоѣди, слово «лекарь» замѣнить словомъ шаманъ, дѣйствіямъ котораго еще и теперь приписывается такъ много чудеснаго, тогда также все будетъ понятно. Своеобразная дѣйствительность дала еще больше простора для вымысла простому народу, въ сказкахъ котораго Лукоморье явилось вполнѣ страною чудесъ. Во время моего пребыванія въ Обдорскѣ, мнѣ не разъ приходили на память слова Пушкина: «У Лукоморья дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ и т. д.». Во всемъ этомъ произведеніи одинъ только дубъ зеленый смущалъ меня, чтобъ признать въ сказочномъ Лукоморьи нынѣшній Обдорскъ или древнюю Обдорію. Но народная фантазія, любящая вступать въ анахронизмы, легко смѣшивающая лица и событія, тѣмъ охотнѣе могла промѣнять приземистую, скромную полярную березу на гордый и величественный дубъ; что же касается до златой цѣпи,

то ее уже давно стараются разыскать многіе изъ сибирскихъ капиталистовъ въ нѣдрахъ лежащаго близко отсюда Урала; но, лишенные всякихъ научныхъ знаній, они напрасно зарываютъ въ землю свои капиталы; даже нынче одинъ изъ купцовъ, прослышавъ о многихъ экспедиціяхъ на нижнее теченіе Оби, пустился туда раньше всѣхъ, съ собственнымъ пароходомъ, разыскивать золото. Неудачу предпріятія уже заранѣе можно было предвидѣть. Вмѣсто кота ученаго, Обдорскъ славится собаками. (См. Verein für die Deutsche Nordpolarfahrt in Bremen. Forschungsreise nach Westsibirien 1876. Rede des Herrn M. Sidoroff). По словамъ г. Сидорова «Обдорскъ представляетъ странную особенность: во всякомъ домѣ содержится до 10 штукъ собакъ, которыя въ различныхъ нуждахъ употребляются вмѣсто лошади. Во время ночи всѣ собаки селенія, по данному знаку одной, сбѣгаются на открытое мѣсто и начинаютъ всеобщій вой, продолжающійся приблизительно около получаса; послѣ этого онѣ самодовольно разбѣгаются обратно по домамъ». Къ этимъ словамъ почтеннаго знатока сѣвера, нужно прибавить, что въ Обдорскѣ до 60 домовъ, которые распадаются на нѣсколько групъ; собаки каждой групы домовъ имѣютъ свои особые сборные пункты; обыкновенно случается такъ, что когда одна стая собакъ кончаетъ свой концертъ, начинаетъ его другая и т. д. Кто имѣлъ возможность лично заинтересоваться этой собачьей жизнью въ Обдорскѣ, тому едвали покажется она менѣе занимательной, чѣмъ похожденія мурлыки: «идетъ на право — пѣснь заводитъ, на лѣво —сказку говоритъ». И такъ, еслибъ была охота продолжать дальше эту паралель, то относительно Обдорска и его окрестностей можно было бы вполнѣ согласиться съ словами поэта: «Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ». Доказательства этому приведетъ любой приверженецъ комерческой тайны, способный лично натворить какихъ угодно чудесъ. Это-нечисть-шайтанъ, сила, которую остякъ олицетворяетъ въ своихъ грубыхъ истукапахъ. «Вѣдь когда не взлюбитъ—бѣда, ни за что не дастъ одному ночевать въ лѣсу: гонитъ, пугаетъ. То со-

бакой покажется, залаетъ, то засвищетъ; а то, какъ есть человѣкъ, — пробѣжитъ, такъ лѣсъ ходенемъ заходитъ. Что вы думаете? право такъ!» Въ силу этого, весьма многіе русскіе, во избѣжаніе неудовольствій съ шайтанами, въ наиболѣе чтимыхъ остяками мѣстахъ непремѣнно приносятъ жертву, бросаютъ деньги, кольца, пьютъ водку; то же дѣлаютъ нѣкоторые передъ началомъ рыбнаго промысла. Но въ виду перехода къ предметамъ болѣе серьезнаго характера, я сдѣлаю выписку еще изъ одного неизданнаго, касательно Обдорска, документа, который написанъ не менѣе своеобразно, какъ и извѣстія лѣтописей: «Объ образѣ жизни птицъ перелетныхъ полиціи ничего неизвѣстно, а о жизни мѣстныхъ она умалчиваетъ, такъ какъ всѣ онѣ относятся къ разряду хищныхъ и притомъ безкрылыя; сидятъ на яйцахъ зимой, во время обдорской ярмарки, выспѣваютъ песцовъ, недопесковъ, неплюевъ, собакъ, лисицъ и пр. Главная пища во время насиживанія—водка; закуска — исландскій мохъ. Курицъ въ Обдорскѣ нѣтъ, а пѣтуховъ водится порядочное количество, они часто женятся на мѣстныхъ гусыняхъ и рожаютъ живыхъ дѣтенышей». Эти сидящія на яйцахъ обдорскія и имъ подобныя птицы гораздо страшнѣе сидящихъ на вѣтвяхъ русалокъ; благодаря имъ, обдорская ярмарка все больше и больше падаетъ; въ прежніе года на ярмаркѣ продавалось разныхъ товаровъ на 42—77 т. руб., въ послѣдніе на 22 — 29 т. р. Конечно, эти цифры имѣютъ только относительное значеніе, показанная же величина ихъ гораздо меньше дѣйствительной; затѣмъ въ числѣ главныхъ предметовъ сбыта здѣсь не принята во вниманіе водка. Ярмарка имѣетъ мѣсто въ Обдорскѣ въ то время, въ концѣ декабря и въ началѣ января, когда остяки и самоѣды появляются здѣсь для внесенія ясака. Вмѣстѣ съ внесеніемъ ясака, инородцы привозятъ продукты своей добычи, преимущественно пушной товаръ, песцовъ разныхъ возрастовъ, лисицъ, волковъ, частію бѣлку, затѣмъ шкуры оленей старыхъ и молодыхъ, неплюй, пѣшка, соболя понятно нѣтъ на ярмаркѣ. Желая сбыть свой товаръ, инородцы въ то же время должны обзавестись разнаго

рода продуктами на весь годъ; имъ нужно хлѣба, преимущественно печенаго, соли, суконъ, холста и разныхъ бездѣлушекъ для калыма и приданаго. У многихъ остяковъ и самоѣдовъ ярмарка назначается условленнымъ срокомъ свадебъ; многіе во время ярмарки выбираютъ себѣ женъ и т. д. Причины пониженія оборотовъ обдорской ярмарки весьма разнообразны: это—имѣющіе мѣсто въ послѣднее время сильные падежи оленей у остяковъ и самоѣдовъ, въ силу которыхъ многія семьи приходятъ въ совершенное раззореніе, и расширеніе власти рыбопромышленниковъ, которые по всему нижнему теченію Оби заранѣе снабжаютъ жителей необходимыми жизненными продуктами. Въ то же время многіе изъ самоѣдовъ изъ окрестностей Тазовской избы, приходившіе прежде въ Обдорскъ, нынѣ избѣгаютъ его, благодаря весьма невыгодному для инородцевъ складу порядковъ на ярмаркѣ, и ищутъ новые пути для сбыта своихъ произведеній—Туруханскъ, окрестности Сургута, Самарово и пр.; также еще далеко до начала ярмарки, зыряне уже объѣзжаютъ тундру съ своими товарами и, отбирая у инородцевъ ихъ наличные мѣха, везутъ ихъ прямо, черезъ сѣверный Уралъ, въ Россію. Что же касается до общихъ порядковъ на ярмаркѣ, то едва ли о печальной ихъ сторонѣ нужно распространяться; это понимаютъ и сами инородцы, избѣгая Обдорска; многіе изъ жителей Березова пріѣзжаютъ на ярмарку только съ 5—10 ведрами водки и въ заключеніе увозятъ мѣховъ на столько, что могутъ потомъ сносно и безбѣдно просуществовать цѣлый годъ.—«Ужасъ, ужасъ, эта жизнь въ Обдорскѣ, да еще зимой, во время ярмарки», разсказывала мнѣ уважаемая старушка, урожепка южной Сибири, живущая уже четыре года въ Обдорскѣ; «тьма, снѣгъ, морозъ; по улицамъ вездѣ пьяные, крикъ, драки; да тутъ же еще и собаки въ разныхъ мѣстахъ завываютъ.» Не говорю о мелкихъ драмахъ, разыгрывающихся на ярмаркѣ, но бываютъ и крупныя. Такъ инородцы, проведя такъ или иначе день, на другой не только не всегда досчитываются до того или другаго количества бывшихъ съ ними денегъ и шкуръ, но нерѣдко лишаются и своихъ послѣднихъ оле-

ней, потому именно, что воровство оленей принимаетъ здѣсь уже систематическій характеръ, въ родѣ русскаго конокрадства. Ловкіе люди во время ночи объѣзжаютъ окрестности Обдорска, гдѣ обыкновенно располагаются инородцы съ чумами и стадами оленей, и чуть лишь замѣтятъ стадо или часть его вдали отъ хозяйскаго глаза, какъ подхватываютъ его, угоняя отъ хозяина. Обыкновенно оленекрады, чтобъ не быть легко выслѣженными, гонятъ стадо на Обдорскъ, по хорошо выбитой дорогѣ; около Обдорска дѣлаютъ нѣсколько петель также по многочисленнымъ, уже ранѣе проложеннымъ, оленьимъ слѣдамъ и затѣмъ уже выгоняютъ оленей по той изъ дорогъ, какая считается наиболѣе выгодной для безопаснаго скрытія слѣдовъ воровства. На утро инородцы, спохватившись объ оленяхъ, начинаютъ ихъ искать по слѣдамъ, доходятъ до Обдорска и здѣсь, конечно, теряютъ ихъ въ тысячахъ другихъ слѣдовъ и по совершенно торнымъ дорогамъ, расходящимся отъ села въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. По какой дорогѣ идти, куда бѣжать? Неизвѣстно. Между тѣмъ, олени въ одну ночь окажутся верстъ за 60 — 100, а въ сутки они будутъ верстъ за 200, въ стадѣ какого нибудь зырянина, около Мужей или въ другомъ направленіи отъ Обдорска: такъ именно организовано оленекрадство; олени передаются обыкновенно изъ рукъ въ руки. Въ оленекрадствѣ подозрѣніе падаетъ всегда па зырянъ; обвиняются зыряне и во многихъ другихъ преступленіяхъ. Дѣйствительно, остяки часто, благодаря зырянамъ, лишаются своего имущества, находящагося при «шайтанахъ»; во время лѣта, зыряне, встрѣчаясь съ одинокими остяками, пасущими оленей по Уралу, смѣшиваютъ, какъ бы нечаянно, съ ихъ стадами свои и затѣмъ, при раздѣленіи, уводятъ вмѣстѣ съ своими значительную часть остяцкихъ оленей. Разсказываютъ о случаяхъ. что зыряне, опаивая остяковъ-пастуховъ водкой, угоняли спокойно ихъ стада или даже убивали пастуховъ. Вообще, о зырянахъ остяки такого мнѣнія: если что потерялось и попало къ нимъ въ руки, то не ищи, не найдешь концовъ.

Въ началѣ сентября, передъ приходомъ пароходовъ, мертвый до этого Обдорскъ оживляется; собираются постоянные его обитатели, проведшіе лѣто на рыбной ловлѣ въ сорахъ и на пескахъ въ низовьяхъ Оби; дома, которые были до этого времени заколочены, раскрываютъ свои окна и ставни; въ Полуй прибываютъ лодка за лодкой, каюкъ за каюкомъ; наконецъ, показываются нàвозки: рыбаки кончили свой промыселъ и ждутъ пароходовъ; съѣзжаются крупные и мелкіе рыбопромышленники и ведутъ таинственно сдѣлки касательно покупки и продажи рыбы. Къ преобладавшему до сихъ поръ собачьему населенію Обдорска прибавляются новые элементы: остяки, рабочіе. Вездѣ начинаютъ показываться пестрыя толпы народа, въ радости отъ окончанія промысловъ, нà-веселѣ. Тутъ инородцы въ малицахъ, въ этихъ сѣверныхъ одеждахъ шерстью вверхъ, закрывающихъ вмѣстѣ голову (о нихъ преданіе естественно могло сказать: «по пупъ люди мохнаты»); они же—одѣтые въ гусл, женщины въ ягушку, рабочіе въ зипуны, въ старые солдатскіе сюртуки, которые когда-то были сдѣланы изъ толстаго грубаго сукна, но отъ которыхъ теперь остались только лохмотья. Къ вечеру гулъ, по обыкновенію, усиливается; можно видѣть трогательныя сцены нѣжныхъ объятій, цѣлованія, за ними распрю, ссору, затѣмъ снова наступленіе мира въ одной и той же компаніи или четѣ. Ночной мракъ покрываетъ повсемѣстно валяющихся остяковъ и самоѣдовъ, ноги которыхъ были не въ силахъ дотащить ихъ хозяевъ до надлежащаго пріюта. Десять человѣкъ остяковъ, пріѣхавшихъ съ однимъ хорошо мнѣ знакомымъ рыбакомъ, желавшимъ освѣдомиться о времени прихода пароходовъ, въ сутки оставили имущества и денегъ на 25 руб. въ Обдорскѣ. Когда я на другой день, встрѣтившись съ моимъ уважаемымъ знакомымъ, спросилъ, гдѣ же остяки оставили свои деньги и имущество, онъ, основываясь на словахъ остяковъ, указалъ почти на шесть домовъ, изъ которыхъ у двухъ главныхъ какъ разъ тутъ же и оказались домохозяева.—А, такъ это ваши дома? какъ же такъ? значитъ и вы, господа, торгуете водкой?—обратился я къ нимъ изъ любопытства.—«Гм..., да какъ же иначе,

кто же здѣсь живетъ въ Обдорскѣ безъ этого, кромѣ, можетъ быть, одного, двухъ домовъ?» былъ отвѣтъ, въ справедливости котораго я уже раньше имѣлъ возможность убѣдиться. Понятно, въ виду всего этого, съ какимъ нетерпѣніемъ я долженъ былъ ждать пароходовъ, чтобъ оставить Обдорскъ. Почти каждый день я выходилъ изъ-подъ горы, гдѣ на водахъ Полуя стояла моя лодка, и смотрѣлъ съ возвышенности, на которой расположенъ Обдорскъ, въ даль, на южную часть теченія р. Оби, и много разъ уходилъ назадъ съ понуренной головой. Наконецъ, 5-го сентября подъ горой, между остяками разнеслось извѣстіе «кабакъ бѣжитъ», такъ между ними извѣстенъ пароходъ.

Дня черезъ два къ Обдорску пришли уже 4 парохода; послѣ короткой остановки около села, пароходы исчезли въ низовьяхъ Оби и тащили оттуда посуду за посудой; нѣкоторые уходили надолго и являлись обремененными цѣлымъ десяткомъ павозковъ. Съ появленіемъ пароходовъ движеніе въ Обдорскѣ еще усилилось, толпа сдѣлалась болѣе пестрою, а Полуй почти на версту былъ совершенно заставленъ судами; десятки мачтъ отъ павозковъ и баржъ торчали лѣсомъ въ высотѣ; промежутки между ними были сплошь заставлены сотнями лодокъ и небольшихъ каюковъ. Повсюду шла перегрузка рыбы изъ мелкихъ посудинъ въ большія и запахъ плохо засоленной рыбы далеко разносился надъ водами Полуя. На берегахъ появилось множество импровизированныхъ чумовъ, въ которыхъ шла обычная праздничная жизнь инородцевъ. Пароходы навезли, кромѣ многихъ уже имѣвшихся въ Обдорскѣ продуктовъ, еще и такіе, какихъ лишена природа на нашихъ сѣверныхъ окраинахъ; то были овощи: картофель, капуста, огурцы, рѣпа, рѣдька, не находящіеся въ посѣвѣ около Обдорска. При бывшихъ здѣсь опытахъ посѣва, картофель давалъ громаднаго роста мякпну, но мелкіе клубни съ толстой кожей; рѣдька также была весьма мала, хотя въ Березовѣ большая часть овощей, при хорошемъ уходѣ, родится весьма удачно, рѣдька бываетъ большихъ размѣровъ. Въ числѣ привезенныхъ плодовъ были и арбузы изъ Омска; сравнительно съ

другими, арбузы были дешевы; огурцы, стоющіе на мѣстѣ до 30 коп. за сотню, въ Обдорскѣ продавались по 3 руб.; картофель за ведро 30 — 50 коп., при стоимости на мѣстѣ въ 2 коп. Арбузы стоили по 20 коп. за штуку или по 2 руб. за десятокъ. И странную представлялъ иногда картину сильно выпившій остякъ или самоѣдъ: держа въ рукахъ разрѣзанный пополамъ арбузъ, онъ уставлялъ на его розовую и сочную внутренность свою плоскую или угловатую физіономію, пребывая въ такомъ видѣ долгое время неподвижнымъ; затѣмъ, вонзая во внутренность арбуза свои грязные пальцы съ острыми и твердыми ногтями, сжимая его въ кулакѣ, отправлялся самодовольно дальше, останавливаясь глазами на разныхъ случайно встрѣчающихся предметахъ и какъ бы забывая объ арбузѣ. Было нѣчто весьма своеобразное въ этомъ союзѣ сѣвернаго инородца, сына суровой природы, съ плодомъ палящаго солнца степной части южной Сибири, также, какъ въ прогулкѣ негра, по разсказу Ѳ. Б. Шмидта, на собакахъ въ окрестностяхъ Николаевска на Амурѣ. Въ виду скорой возможности оказаться въ сибирскомъ отечествѣ арбуза, я искренно пожелалъ странѣ сѣвернаго оленя и ея обитателямъ лучшей участи, болѣе вкусныхъ плодовъ цивилизаціи, чѣмъ тѣ, съ которыми имъ до сихъ поръ пришлось по преимуществу сталкиваться; съ этими мыслями я оставилъ 9-го сентября Обдорскъ и направился на пароходѣ «Сибирякъ» вверхъ по теченію р. Оби. Въ то же время я распростился со своимъ каюкомъ, въ надеждѣ, что его путь по Оби не былъ послѣднимъ. Проведя цѣлое лѣто въ изслѣдованіяхъ природы и обитателей долины Оби, я прихожу къ заключенію, что эта область представитъ еще много интереснаго для изслѣдованій научныхъ и практически важныхъ, и только рука объ руку съ такими изслѣдованіями возможно ожидать существенныхъ измѣненій къ лучшему въ жизни обскихъ обитателей. Получивши каюкъ въ даръ отъ В. Т. Земцова, я въ свою очередь предоставляю его въ пользованіе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя явятся въ долинѣ Оби съ научными цѣлями, и такимъ образомъ прекрасная лодка пусть будетъ на

суровомъ сѣверѣ разсадникомъ идей «человѣколюбія, истины и справедливости».

Послѣ выѣзда изъ Обдорска легко было замѣтить сильное измѣненіе въ видѣ р. Оби; вода ея уже сильно упала; убыль воды началась около 20-го августа и шла весьма быстро; уровень въ сутки понижался на $^1/_4$ аршина, на поларшина и больше; главнымъ образомъ, въ промежутокъ времени около 20 дней, убыло воды сажени на двѣ или даже до $2^1/_2$. Разницу между высшимъ лѣтнимъ уровнемъ воды и существующимъ осеннимъ легко можно было усмотрѣть на высокихъ подмытыхъ песчаныхъ ярахъ. Благодаря сильному понижению уровня водъ, Обь приняла болѣе скромные размѣры, не теряя однакоже своего величія: протоки сузились, многіе совершенно исчезли; обнажились мели; острова приняли болѣе опредѣленныя очертанія; на громадныхъ протяженіяхъ обсохли берега, имѣющіе то песчаный характеръ, то состоящіе изъ песка съ галькой и валунами или же иловатые, изобилующіе органической грязью (няша), и поэтому топкіе. Не осталось слѣдовъ и отъ тѣхъ широко разливавшихся соровъ, которые связывали протоки и рукава р. Оби. Съ понизившимся уровнемъ Оби оказалось меньше простора для рыбы; она двинулась по направленію къ главнымъ рукавамъ и въ самое русло Оби. Теперь ловъ рыбы былъ наиболѣе удобенъ, но рыбаки не могутъ вполнѣ воспользоваться этимъ періодомъ, такъ какъ должны спѣшить къ югу, въ верховья Оби, дабы не замерзнуть въ пути. Между тѣмъ, съ наступленіемъ морозовъ, для мѣстныхъ жителей открываются еще новые способы ловли рыбы, именно со времени наступленія замора въ р. Оби. О заморѣ Оби и о вліяніи его на передвиженія рыбъ вообще я уже говорилъ въ письмѣ изъ Березова. Здѣсь я укажу на совокупность причинъ, которыми по всему вѣроятію обусловливается это явленіе. По всему нижнему теченію Оби, вода зимой начинаетъ краснѣть, она имѣетъ тогда непріятный вкусъ и выдѣляетъ пузыри. Раньше всего вода замираетъ въ притокахъ Оби; въ Обдорскѣ, въ По-

луѣ даже ледъ пріобрѣтаетъ въ себѣ качество порченой воды: онъ нечистъ, даетъ горькую, непріятную на вкусъ воду; поэтому зимой обдоряне ѣздятъ за льдомъ на р. Обь за нѣсколько верстъ отъ села; слѣдовательно сама Обь, во время замерзанія, имѣетъ еще свѣжую воду. Разсказываютъ, что порченая вода даетъ въ стаканѣ красный осадокъ. На этомъ основаніи можно думать, что порча воды происходитъ отъ изобилія въ обской водѣ окиси желѣза, на связь которой съ замираніемъ Оби указываетъ еще слѣдующій фактъ. Замираніе начинается съ притоковъ Оби, текущихъ въ нее съ правой, восточной стороны; порченая вода показывается первоначально около праваго берега самой рѣки и, уже значительное время спустя, распространяется на лѣвую сторону; въ то же время замираніе распространяется въ малой степени на лѣвые притоки Оби, текущіе со стороны Урала; а вершины этихъ притоковъ въ горной части остаются свободными отъ замиранія. Если взять во вниманіе, что лѣвые притоки текутъ изъ области алювіальныхъ образованій, изобилующихъ окисью желѣза, что можно видѣть также на ручьяхъ во время лѣта на правомъ берегу Оби (это ручьи ржавые, съ красноватой водой), то вліяніе окиси желѣза на замираніе будетъ весьма вѣроятно, тѣмъ болѣе, что лѣвые притоки Оби, подверженные въ меньшей степени замиранію, текутъ въ коренныхъ, кристаллическихъ породахъ. И очень можетъ быть, что изобиліе окиси желѣза, вліяя на отлагающіеся въ водахъ органическіе осадки, обусловливаетъ и самое выдѣленіе газовъ, что̀ можетъ совершаться и само по себѣ, при весьма медленномъ теченіи Оби и ея правыхъ притоковъ. Въ низовьяхъ Оби, вмѣстѣ съ красной водой, встрѣчается и бѣлая, но также порченая, невкусная; въ среднемъ теченіи Оби, говорятъ, бѣлая вода преобладаетъ, хотя около Березова, въ Сосвѣ, я уже во время своего проѣзда замѣчалъ красный оттѣнокъ въ водѣ. Вообще вода Оби и Сосвы, при обмываніи ею фотографическихъ аппаратовъ, дѣйствовала возстановляющимъ образомъ, что̀ и указываетъ на присутствіе въ ней метала. Область, на которой происходитъ въ обскомъ басей-

нѣ замираніе Оби, въ разные года измѣняется: то она бываетъ шире, то уже; иногда замираніе распространяется на верховья такихъ рѣкъ, гдѣ оно не бываетъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, напр., по рр. Кондѣ, Сосвѣ и пр. Съ чѣмъ именно связано это измѣненіе въ широтѣ, на которой распространяется въ разные года замираніе: съ климатическими ли причинами, или съ измѣняющейся быстротой теченія—это вопросъ нерѣшенный. Кромѣ уже ранѣе указанныхъ мною періодическихъ явленій въ жизни рыбъ, зависящихъ отъ замора, я приведу еще нѣсколько мелкихъ. Если рыба не удалилась заблаговременно въ верховья рѣкъ или Обскую губу, то она ищетъ пріюта около такъ называемыхъ живцовъ, источниковъ съ свѣжей, непорченой водой; около такихъ живцовъ рыба набивается подо льдомъ громадными масами, такъ что даже спираетъ теченіе живой воды; если источникъ имѣетъ только на одну четверть аршина глубины, то она набивается въ него нѣсколькими этажами, рыбы лежатъ положительно другъ на другѣ. Дѣлается это такимъ образомъ: когда къ живцу подходитъ стая рыбъ и занимаетъ все свободное пространство, то рыбы другихъ, вновь приходящихъ стай подлѣзаютъ подъ первыхъ съ такой силой и натискомъ, что, мало по малу, послѣ долгихъ усилій подрываютъ даже почву, углубляя ее и отстраняя на стороны; иногда рыбы образуютъ при этомъ слой въ нѣсколько четвертей и, плотно натиснувши другъ друга, представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ плотины. Въ такомъ случаѣ скудный запасъ воды въ источникѣ скопляется передъ рыбами и своей медленной струей омываетъ всѣхъ ихъ въ той или другой степени. Такъ передъ живцомъ иногда бываетъ растянутъ по руслу источника цѣлый подледный, углубленный въ землю рукавъ, заполненный рыбой. Рыбаки обыкновенно стараются открыть входъ къ живцу и когда найдутъ возможнымъ запереть его, то тогда для рыбы не будетъ никакого исхода, она составитъ полную собственность рыбака, которому тогда остается, прорубивъ ледъ, брать ее руками или черпать сакомъ. Въ такихъ мѣстахъ рыба набивается цѣлыми десятками пудовъ; но входъ къ живцу дол-

женъ быть запертъ осторожно и настоящій, а не второстепенный, иначе рыба быстро исчезаетъ. Другой случай съ тѣми же живцами или рѣчками со свѣжей водой указываетъ на замѣчательную у рыбъ стойкость въ стремленіи къ самосохраненію, также на существующую у нихъ память о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно найдти спасеніе отъ замора. Рыбаки обыкновенно запруживаютъ рѣчку, несущую свѣжую воду, устраивая плотный валъ при устьѣ такой рѣчки; они дѣлаютъ передъ валомъ во льду отверстіе, черезъ которое запруженная свѣжая вода выходитъ на поверхность льда; вмѣстѣ съ тѣмъ валъ устраивается такъ, чтобъ свѣжая вода не уходила подъ ледъ. Около вала дѣлается дверь и ставится морда (или гимга по здѣшнему выраженію); рыба, стараясь пробраться въ рѣчку, заходитъ во дворъ и въ морду въ такомъ количествѣ, что въ короткіе промежутки времени морда совершенно наполняется рыбой; также около вала рыбу черпаютъ саками. Во время замора, рыба становится бѣлою и дохнетъ; но въ смѣси воды порченой со свѣжей, напримѣръ, при послѣднемъ способѣ ловли, рыба гибнетъ еще быстрѣе.

Всѣ пароходы уже вышли изъ Обдорска съ грузомъ къ 11 сентября; всѣхъ пароходовъ оказалось затѣмъ на Оби 5. Это были: «Сибирякъ», «Тоболякъ», «Степанъ», «Василій», «Союзъ». Они вели за собой 6 баржъ, вмѣстимостью до 25 т. пудовъ каждая и 25 павозковъ различной величины, среднимъ числомъ до 10 тысячъ пудовъ вмѣстимостью каждый; слѣдовательно, грузъ всѣхъ посудинъ, состоявшій изъ соленой и сухой рыбы и изъ разныхъ другихъ продуктовъ, доходилъ до 400 тысячъ пудовъ. Прибавляя сюда затѣмъ мороженую рыбу, вывозимую съ Иртыша и Оби, количествомъ до 100—150 тысячъ пудовъ, получимъ уловъ рыбы на Оби и Иртышѣ въ 500—550 т. пудовъ. Всѣхъ больше былъ обремененъ кладью «Сибирякъ», служившій для насъ помѣщеніемъ. Сначала онъ тащилъ за собой до 9 посудинъ, затѣмъ къ нему начали прибавляться еще павозки. до 11, такъ

что всего грузу за нимъ по крайней мѣрѣ можно было предполагать до 100—120 тысячъ пудовъ. Поэтому ходъ парохода въ 120 силъ былъ медленный; картина, которую представляла Обь, была однообразная и уже довольно унылая; все живое двигалось къ югу; чайки—халевы, утки, гуси—все мало по малу подвигалось вверхъ по теченію. Чайки неуклонно шли въ слѣдъ за навозками, въ которыхъ находились ихъ рыбаки-покровители; чайки именно тогда начинаютъ думать объ отлетѣ, когда рыбаки начинаютъ собирать свои снасти и прекращать тони, отъ которыхъ прожорливыя пернатыя въ теченіе лѣта собираютъ свои крохи и въ силу чего чувствуютъ себя около рыбаковъ, какъ дома. Растительность запестрѣла наводящими тоску осенними красками; передъ глазами рисовалась желтая опадающая листва ивъ и березъ, покраснѣвшія осины, опадающія желтыя хвои лиственницы рядомъ съ потемнѣвшею зеленью ели и кедра. Наступили темныя ночи, нерѣдко со слякотью, холодомъ и вѣтромъ; по ночамъ, во мракѣ, мелькаютъ огоньки съ десятка буксируемыхъ пароходомъ посудинъ, располагавшихся длинною вереницею; иногда по вечерамъ на берегахъ Оби остяки совершали свои жертвоприношенія «кулю», умилостивляя его или гадая о благополучіи дальнѣйшаго ихъ рыбнаго промысла; ихъ ворожба представляла нѣчто таинственное; на берегу рѣки, во тьмѣ ночной, перебѣгали съ мѣста на мѣсто огоньки; они были одиночны или показывались сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, иногда совершенно исчезая. Къ явленіямъ, сопровождавшимъ наше путешествіе, приведу еще слѣдующую цитату: «На дняхъ нашъ пароходъ остановился въ Кушевашахъ для грузки дровъ; навозки были оставлены за нѣсколько верстъ и рабочіе для носки дровъ должны были идти пѣшкомъ или ѣхать за пароходомъ на лодкахъ. Дрова были уже нагружены, пароходъ далъ нѣсколько свистковъ и снялъ сходни, какъ на берегу заслышался шумъ; явившійся на шумъ капитанъ парохода встрѣтилъ на берегу массу рабочихъ, которые въ свою очередь представили къ нему троихъ, съ ящикомъ; въ ящикѣ было скрыто нѣсколько остяцкихъ истукановъ

или, какъ здѣсь говорятъ, шайтанчиковъ, съ ихъ имуществомъ, одеждами и деньгами. Одинъ изъ рабочихъ имѣлъ окровавленную физіономію и ножъ въ рукахъ, почему и нужно думать, что шайтанчики не достались лакомкамъ на чужую собственность даромъ и вѣровавшіе въ святость истукановъ не отдали ихъ безъ сопротивленія, изъ котораго можетъ быть и сами не вышли невредимыми. Ящикъ съ шайтанами былъ доставленъ на пароходъ; находящійся здѣсь натуралистъ подвергъ его тщательному разсмотрѣнію и нашелъ его весьма интереснымъ для своихъ научныхъ выводовъ, почему и пзъявилъ желаніе сейчасъ же пріобрѣсти его для доставки въ Петербургъ, во что бы то ни стало. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія нашихъ уважаемыхъ читателей, мы снова должны заявить наше сожалѣніе о томъ, что этотъ случай похищенія языческихъ предметовъ для поклоненія одинъ изъ тысячи подобныхъ случаевъ, остающихся неизвѣстными. Обыкновенно вмѣстѣ съ истуканами похищается находящееся при нихъ имущество, деньги и даже вещи самихъ остяковъ. Если похищеніе самихъ шайтановъ не можетъ имѣть особенно важныхъ послѣдствій, такъ какъ шайтанчика не трудно приготовить новаго, то похищеніе ихъ имущества должно имѣть послѣдстія, ибо остяки изъ имущества шайтановъ заимствуютъ въ крайнихъ случаяхъ деньги, одежду, мѣха; въ этомъ отношеніи шайтаны играютъ у остяковъ роль первобытныхъ, безпроцентныхъ ссудныхъ кассъ; благодаря ограбленію шайтановъ, остяки впадаютъ еще въ большую зависимость отъ торговцевъ и рыбопромышленниковъ. Намъ передавали, будто бы нѣкоторые изъ рыбопромышленниковъ даже нажились отъ имущества, взятаго отъ остяцкихъ шайтановъ».

Изъ Обдорска на пароходѣ «Сибирякъ» выѣхали также члены экспедиціи отъ Московскаго общества мореходства въ Обскую губу, капитанъ Даль и помощникъ его Раудзенъ, и члены экспедиціи къ Байдаратской губѣ отъ Петербургскаго общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ, гг. Матвѣевъ и Васильевъ. При однообразіи дорожныхъ впечатлѣній, пасажиры

часто собирались въ рубкѣ парохода и вели бесѣды какъ о своихъ нынѣшнихъ приключеніяхъ, такъ и о давно прошедшихъ. Черезъ нѣсколько дней весьма медленнаго пути и эти матеріалы для бесѣдъ холостой компаніи начали истощаться, становились однообразными. Къ счастію пасажировъ, на пароходѣ появилась илюстрированная и литературная газета, подъ названіемъ «Сибирякъ». Въ ней помѣщались текущія новости, статьи о состояніи Обскаго края, повѣсти, разсказы, біографіи извѣстныхъ рыбаковъ, стихотворенія, телеграмы и частныя объявленія. Газета выходила «ежедневно при удобномъ случаѣ»; подписка на нее принималась «во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ Обдорскѣ»; условія подписки были весьма тягостны: въ годъ требовался за газету цѣлый скелетъ мамонта, въ мѣсяцъ — 365 муксуновъ въ обыкновенный годъ и 366 въ високосный, въ день — 24 песца или 48 недопесковъ. Остяки могли получать номера газеты безплатно, съ обязательствомъ покупать въ редакціи по 1 бутылкѣ водки, съ платою за нее по 7 оленей. При такихъ условіяхъ на газету не было ни одного подписчика и выходящіе номера ея читались по вечерамъ въ рубкѣ парохода, передъ акуратно собиравшимися пасажирами. Нынѣ редакторъ-издательница этой газеты, Нельма Ныжьяновна Сыркова, находится уже въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ главными сотрудниками, изъ которыхъ ершъ велъ въ газетѣ внутреннее обозрѣніе, окунь содержалъ телеграфное агенство, скорбный налимъ писалъ стихотворенія и пр. Пользуясь лестнымъ вниманіемъ обитателей великой рѣки, я получилъ въ полную собственность единственный экземпляръ названной газеты и здѣсь позволяю себѣ привести цѣликомъ передовую статью изъ 3-го номера этой газеты: «Намъ сообщали, что дѣло объ улучшеніи быта рыбъ довольно быстрыми шагами пошло впередъ; депутаты отъ разныхъ видовъ обскихъ рыбъ представлялись уже къ одному изъ нынѣшнихъ путешественниковъ натуралистовъ, занимающемуся ихтіологіей. Депутатами были избраны г-да и г-жи стерлядь, ершь, язь, минога и нельма. Депутація была принята весь-

ма благосклонно, при чемъ почтенный ершъ обратился отъ лица всѣхъ своихъ сотоварищей депутатовъ и отъ имени всѣхъ своихъ собратьевъ, еще живущихъ въ водѣ по сорамъ, рѣкамъ и рѣчкамъ, также пребывающихъ или въ бочкахъ рыбопромышленниковъ на пескахъ, или въ стопахъ на павозкахъ, съ нижеслѣдующей рѣчью: «Отецъ родной, ходатайствуй передъ наукой, чтобъ насъ не гноили рыбопромышленники, вмѣсто того, чтобъ заготовлять насъ въ прокъ! Участь наша, если вамъ угодно будетъ хоть сколько нибудь въ нее вникнуть, по истинѣ самая горькая, особенно съ того времени, какъ по несчастію угодишь въ неводъ; какъ и вездѣ, малый и слабый страдаетъ болѣе, чѣмъ сильный, большой; часто случается, что всю мелочь изъ нашихъ собратій просто выбрасываютъ на берегъ, на съѣденіе халевамъ и воронамъ, въ то же время остяки и рыбопромышленники, для добыванія изъ насъ жира, складываютъ насъ въ чаны или въ корчаги и здѣсь гноятъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не выдѣлимъ жиръ вмѣстѣ съ самымъ отвратительнѣйшимъ запахомъ. Наше молодое поколѣніе и мелкіе наши собратья гибнутъ въ громаднѣйшихъ количествахъ, въ особенности тогда, когда насъ запираютъ въ сорахъ; число погибающихъ въ этомъ случаѣ не имѣетъ себѣ подобнаго ни въ какихъ сферахъ животной или человѣческой жизни. То количество людей, которое гибло въ варварскихъ походахъ Тамерлана и другихъ азіятскихъ завоевателей, также въ кровопролитнѣйшія войны европейскія, со временъ Греціи, Рима и среднихъ вѣковъ до войнъ крымской и франко прусской, ничто въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ нашихъ женъ и дѣтей, которыя становятся жертвою варварства въ одномъ ничтожномъ сору, въ теченіе одной только осени. Если нынѣ образованный міръ такъ возмущенъ кровопролитными войнами на Балканскомъ полуостровѣ, то не менѣе, по нашему мнѣнію, заслуживали бы негодованія и варварства со стороны рыбопромышленниковъ въ судьбѣ нашей. И если младшіе изъ нашихъ собратій гибнутъ преждевременно, то старшіе, послѣ своей многотрудной жизни рядомъ съ замираніемъ Оби, съ затираніемъ среди

льдовъ, попадаютъ затѣмъ прямо въ горькую и грязную соль въ чанахъ рыбопромышленниковъ. Положеніе дѣлъ становится тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что насъ, распоровши брюхо, почти живыхъ кладутъ въ бочки пьяные засольщики, невѣжественные въ дѣлѣ засола также, какъ всѣмъ извѣстное, неопрятное и щетинистое четвероногое въ апельсинахъ. Отецъ родной, будьте рыболюбивы, примите мѣры къ снятію съ насъ этой кары, которая уже давно тяготѣетъ надъ нами, какъ бы за грѣхи наши и употребите ваше вліяніе на то, чтобы вывести насъ изъ этой «нищеты и безъизвѣстности!»—Господинъ ученый въ краткихъ, но ясныхъ выраженіяхъ благодарилъ депутатовъ за ихъ къ нему расположеніе, объявивъ, что самъ онъ цѣлое нынѣшнее лѣто изучалъ эти печальныя стороны въ бытѣ рыбъ и уже довелъ объ этомъ до свѣдѣнія начальства; увѣривъ депутатовъ, что ихъ довѣрители по своей доброкачественности — лучшіе на земномъ шарѣ, онъ указалъ на то, что въ нынѣшнемъ году для изученія края, также для поднятія въ немъ уровня человѣческаго образованія и благосостоянія, были командированы при содѣйствіи начальства, экспедиціи отъ различныхъ ученыхъ, русскихъ и иностранныхъ обществъ, при чемъ онъ очертилъ кратко изслѣдованія гг. членовъ Бременской экспедиціи, также Даля и Раудзепа, Матвѣева и Орлова съ Васильевымъ. Въ заключеніе онъ объяснилъ, что можетъ быть благодаря трудамъ всѣхъ этихъ экспедицій, судьба Обскихъ рыбъ настолько измѣнится, а приготовленіе ихъ въ прокъ улучшится, что онѣ будутъ извѣстны не однимъ только крестьянскимъ желудкамъ при-уральскаго края, но даже получатъ возможность путешествовать по Европѣ, появятся на столахъ цивилизованнѣйшихъ людей и послужатъ пріятной пищей прелестнѣйшимъ въ мірѣ созданіямъ; онѣ познакомятся съ внутреннимъ складомъ довольно здоровыхъ и краснощекихъ москвитянокъ, блѣднолицыхъ обитательницъ Петербурга. чувствительныхъ, голубоглазыхъ нѣмокъ, солидныхъ и нѣсколько холодныхъ англичанокъ, живыхъ, юрливыхъ француженокъ, узнаютъ весь жаръ итальянской натуры. Наконецъ, можетъ быть

и эта чудная голандка, дочь капитана, попробуетъ вашъ вкусъ и почувствуетъ, что я былъ вашимъ, мм. гг. и мм. г-ни, усерднымъ и пламеннымъ защитникомъ отъ варварства. «Депутаты до такой степени были тронуты этой рѣчью и ея теплотой, что нѣкоторые изъ нихъ сейчасъ же пожелали остаться въ спирту у господина естествоиспытателя, съ желаніемъ отправиться въ разные европейскіе и американскіе музеи «людей посмотрѣть и себя показать».

На прощаньи съ Обью и ея коренными обитателями—остяками, я вспомнилъ, что остяки не всегда проводятъ время угрюмо и молчаливо, окруженные вѣчной нуждой. Они такъ или иначе умѣютъ веселиться, на вечеринкахъ поютъ и пляшутъ, устраивая маскарады. Пѣсни остяка — не всегда случайная импровизація, по поводу перваго встрѣчнаго предмета. У меня записана весьма популярная между устьями Иртыша и Березовомъ пѣсня, составленіе которой остяки приписываютъ одной женщинѣ, живущей еще и до сихъ поръ въ Ендырскихъ юртахъ; къ сожалѣнію, эту поэтесу мнѣ не удалось видѣть, хотя я и познакомился съ лицами, которыхъ касается пѣсня; ея содержаніе приблизительно слѣдующее. «Софья Өокѣёвна объясняла своему любовнику Аѳанасью, съ которымъ она неразлучно ходила въ лѣсу и промышляла много горностаевъ, что она бы этого не дѣлала, еслибъ не пылала страстью къ Аѳанасью. Это былъ тотъ самый Аоанасій, который купилъ корову за 5 рублей, убилъ ее деревяннымъ чернемъ топора, оставилъ на санях и которую затѣмъ съѣли собаки. Ай люли, «безтолковый, негодный» помощникъ старшины, Иванъ Михайлычъ (Софья Өокѣёвна была его невѣрная жена)». Другая, весьма популярная пѣсня, того же автора, бичуетъ нѣкоего остяка Луку Гордѣича, который съ Оби поѣхалъ торговать въ Верхотурье. Но доѣхавъ только до селенія Меркушинскаго, онъ утонулъ въ разныхъ удовольствіяхъ, забылъ свой домъ, жену, дѣтей и возвратился домой ни съ чѣмъ. Въ другомъ варіантѣ пѣсня болѣе снисходительна, поѣздку въ Верхотурье Луки Гордѣича считаетъ довольно смѣлымъ подвигомъ и если герой и

увлекся новой для него жизнью, то въ концѣ концовъ все таки привезъ домой разныхъ товаровъ и его жена, Арина Михайловна, разсказывала сосѣдкамъ, что Лука Гордѣичъ навезъ и чаю и сахару и холста и пр.

Въ самомъ концѣ сентября въ воздухѣ было довольно холодно, намъ уже не далеко оставалось до цѣли нашей поѣздки; на берегахъ Иртыша показался временно снѣгъ, который видимо далѣе къ сѣверу выпалъ въ большемъ изобиліи; 29 сентября съ самаго ранняго утра показались въ воздухѣ вереницы перелетныхъ птицъ, преимущественно гусей: часовъ съ 4 утра до 2 дня не было момента, въ теченіе котораго нельзя было бы тутъ или тамъ въ высотѣ видѣть вереницу птицъ; даже больше: вереницы рисовались въ поднебесьи цѣлыми десятками въ разныхъ сторонахъ; по мѣрѣ того, какъ одни изчезали изъ виду, другіе появлялись, численность стадъ была поразительна, не говорю о томъ, сколько могло пролетѣть въ этотъ день особей. Наконецъ черезъ 20 слишкомъ дней медленнаго хода, мы оказались въ Тобольскѣ. Въ Тобольскѣ я пробылъ больше недѣли: въ теченіе этого времени я, между прочимъ, имѣлъ возможность сообщить отчетъ городскому обществу, указавъ въ немъ на большую часть главныхъ фактовъ, уже приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ выше. Въ заключеніе своего пребыванія въ Тобольскѣ, я считаю долгомъ благодарить за искреннее вниманіе и содѣйствіе въ моихъ изслѣдованіяхъ: начальника губерніи Ю. П. Пелено, городскаго голову В. Д. Жарникова, также А. П. Дзержинскаго, которому я обязанъ за услуги, оказанныя мнѣ во время самаго путешествія и за научныя порученія, которыя онъ выполняетъ для меня и до сихъ поръ.

Мой путь лежалъ отъ Тобольска на Омскъ, сначала вверхъ по Иртышу, затѣмъ по Вагаю до Истяцкихъ юртъ, отъ которыхъ дорога поворачиваетъ черезъ юрты Балахлейскія и др., къ долинѣ р. Ишима, на Готопупово и Абатскую станцію, откуда

начинается до Омска обыкновенный большой сибирскій трактъ. Характеръ мѣстности, внѣшній видъ поселеній на всемъ этомъ пути уже значительно отличается отъ того, что можно видѣть внизъ по Иртышу отъ Тобольска. По Иртышу и по Вагаю лежитъ холмистая мѣстность, пересѣченная крутыми оврагами, сопровождающими мелкія рѣчки и ручьи. Нѣкогда видимо господствовавшіе здѣсь густые хвойные лѣса, теперь разчищены; ихъ мѣсто заняли пашни, луга или мелколѣсье; но во многихъ мѣстахъ по дорогѣ уцѣлѣли еще стройные сосновые боры, ельники и даже кедровники, а отдѣльные кедры, иногда огромнаго роста и большой толщины, растутъ еще около самыхъ поселеній, охраняемые обычаемъ отъ безпощаднаго топора. Въ хвойныхъ лѣсахъ сохранились всѣ характерные звѣри; часто медвѣдь посѣщаетъ жилье человѣка, а въ зимнее время тутъ или тамъ появляются въ большомъ количествѣ рыси. По выѣздѣ изъ Тобольска въ тарантасѣ, насъ на первой же станціи засталъ снѣгъ и еще черезъ нѣсколько станцій пришлось тарантасъ перемѣнить на сани. Санный путь былъ въ весьма хорошемъ состояніи по всей лѣсной полосѣ, въ долинѣ Вагая. Съ переваломъ къ Ишиму, на пути къ Готопуповской станціи, въ характерѣ мѣстности произошла довольно рѣзкая перемѣна. Хвойный лѣсъ изчезъ, вмѣсто его появился березнякъ рощами или перелѣсками, которые раздѣлялись другъ отъ друга обширными, безлѣсными площадями, заросшими травой. Среди этихъ безлѣсныхъ равнинъ гулялъ свободно вѣтеръ и хотя погода все время стояла снѣжная и снѣгъ падалъ густыми хлопьями, однако на пути встрѣчалось много мѣстъ, совершенно голыхъ, съ которыхъ снѣгъ уносился вѣтромъ. Почва на безлѣсныхъ пространствахъ частію плотная, кочковатая; на мѣстѣ ея еще недавно были озера, теперь высохшія; озера были соленыя, такъ какъ самая почва въ настоящее время солонцевата. Соляныя озера разныхъ величинъ встрѣчаются и до сихъ поръ въ долинѣ Ишима. Съ исчезновеніемъ хвойнаго лѣса, перемѣнилась наружность деревень: — онѣ состояли изъ лачугъ, выстроенныхъ изъ осины и березы, съ крышами

изъ дерна; это маленькія избушки, съ небольшими окнами, узкія. Такой характеръ мѣстность представляла на большей части пути къ Омску, съ тою разницею, что въ однихъ мѣстахъ березнякъ и вообще мелколѣсье были болѣе изобильны, въ другихъ встрѣчались рѣже. Вообще, отъ станціи Абатской, и въ особенности отъ Орловой, мѣстность представляетъ чаще обширныя безлѣсныя пространства, съ плотной, степной почвой, по видимому мало плодородной; и самое безснѣжье стоитъ здѣсь весьма продолжительно. Около половины октября отъ Орловой я ѣхалъ до самаго Омска въ тарантасѣ, сопровождаемый буранами, — которые нужно признать за явленіе весьма характерное для степей. Изъ Омска я выѣхалъ обратно на Тюмень 31 октября и на этомъ пути долженъ былъ нѣсколько разъ мѣнять то тарантасъ на сани, то сани на тарантасъ. Такъ въ тарантасѣ я ѣхалъ отъ Омска до Орловой, затѣмъ въ саняхъ до Ишима, около котораго санный путь былъ крайне плохъ и я выѣхалъ изъ города снова въ тарантасѣ, что продолжалось почти до Ялуторовска, откуда я опять сѣлъ въ сани и на послѣдней станціи къ Тюмени въ послѣдній разъ на всемъ пути ѣхалъ въ тарантасѣ. Всѣ эти перемѣны тарантаса на сани и обратно, соотвѣтствовали безлѣсности пройденныхъ пространствъ, связанной со скудостью въ снѣгѣ.

Въ теченіе всей этой дороги я однако не могъ вполнѣ забыть глубокаго Сѣвера. Березовыя дубровы и рощи въ степи соотвѣтствовали скуднымъ перелѣскамъ хвойныхъ лѣсовъ на полярныхъ границахъ древесной растительности; открытыя пространства степей, съ плотной или болотистой почвой, уподоблялись въ моемъ представленіи съ проблесками сѣверной тундры. Во время моего пребыванія въ степи, тундра несомнѣнно была уже одѣта толстымъ снѣжнымъ покровомъ и многіе изъ ея лѣтнихъ обитателей уже пронеслись надъ степью въ страны болѣе теплыя, другіе же изъ обитателей тундры, во время всего моего пребыванія въ степи, носились цѣлыми стадами около дорогъ: они на безснѣжныхъ степныхъ пространствахъ собирали растительныя зерна

для своего пропитанія. Это были подорожникъ снѣжный (Plectrophanes nivalis), альпійскій жаворонокъ (Alauda alpestris); въ то же время бѣлыя куропатки (Lagopus albus) стадами или парами носились надъ степью; чудную картину представляли эти птицы въ то время, когда онѣ разсаживались по кустарникамъ, рѣзко выдѣляясь своимъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ отъ окружающей ихъ пожелтѣвшей травы или черной почвы. Всѣ эти птицы перемѣшивались съ тетеревами, оживлявшими своимъ присутствіемъ дубравы, съ разными видами полевыхъ воробьевъ (Fringilla), какъ то: конопляики (F. cannabina), щегла (F. carduelis) и пр. Даже и люди, русское населеніе, не одинъ разъ заставляло меня переноситься мысленно на Сѣверъ, къ первобытнымъ условіямъ существованія тамошняго человѣка. Когда я отводилъ свою усталость въ танцахъ на деревенскихъ вечеринкахъ и свадьбахъ, во время пути по степи, мнѣ не разъ приходилось вспомнить остяка Тонку и другихъ ему подобныхъ. По Вагаю можно наблюдать татаръ, около Омска киргизовъ, а живущее среди нихъ или отдѣльно, русское населеніе во многомъ мало отъ нихъ отличается. Самостоятельнаго, прочнаго культурнаго развитія, крѣпко сложившагося характера въ русскомъ человѣкѣ какъ бы не существуетъ; онъ легко подчиняется привычкамъ племени даже мало развитаго. Такъ у русскихъ, живущихъ около татаръ, существуетъ нѣчто въ родѣ калыма, только подъ другимъ названіемъ; говорятъ, необходимо дать или выряжено отцу невѣсты 30 — 50 рублей *на-подъемъ*. Самое положеніе женщины въ русской семьѣ печальнѣе, чѣмъ у татаръ; такъ, русская женщина должна сшить жениху или мужу, на какія хочетъ средства, красную рубашку, плисовые штаны, крымскую шапку; дѣвицы должны сами себя одѣвать, отецъ или глава семейства объ этомъ не заботится; онѣ должны заткать на платье и прочую одежду, иначе, чтобъ прикрыть свою наготу, онѣ бываютъ поставлены въ необходимость приносить въ жертву свои неприкосновенныя въ дѣвическомъ состояніи блага, чѣмъ и пользуются въ особенности странствующіе торгаши. У крестьянъ наиболѣе

состоятельныхъ, кромѣ жены, всегда бываютъ такъ называемыя сударки, которыхъ даже держатъ на дому. Сожитіе свекрововъ съ невѣстками, во время отлучекъ сыновей, также обыкновенное явленіе. При этомъ я не привожу массы примѣровъ звѣрства мужей по отношенію къ женамъ.

Въ отношеніяхъ крестьянъ кредиторовъ къ должникамъ существуетъ также страшный обычай—долгъ съ каждымъ годомъ удваивается. Такимъ образомъ, какъ разсказываютъ, одинъ крестьянинъ должникъ за одну крымскую шапку, стоившую 3 р., поставилъ уже 500 копенъ сѣна, разъ оплошавши; а долгъ все росъ да росъ, такъ что наконецъ несчастный любитель шапки взвылъ передъ своимъ кредиторомъ.

5 ноября я былъ уже въ предѣлахъ Пермской губерніи, Западная Сибирь осталась позади; при этомъ я считаю въ настоящее время долгомъ благодарить Н. Г. Казнакова за содѣйствіе, оказанное мнѣ въ путешествіи и за любезное гостепріимство, которымъ я пользовался въ Омскѣ, во время своего двухнедѣльнаго здѣсь пребыванія.

Теперь мнѣ оставалось преодолѣть одно только несчастіе — ѣзду на вольныхъ почтахъ и на большомъ протяженіи; эта ѣзда дорогая, неудобная, медленная, на измученныхъ лошадяхъ, часто въ дырявыхъ, перекладныхъ саняхъ. Но съ нѣкоторыми остановками въ Екатеринбургѣ, въ Перми и въ Казани, я достигъ наконецъ Нижняго Новгорода, гдѣ 23 ноября съ большимъ удовольствіемъ сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ два дня былъ въ Петербургѣ.

8-го февраля, 1877 года,
С.-Петербургъ.

14,50